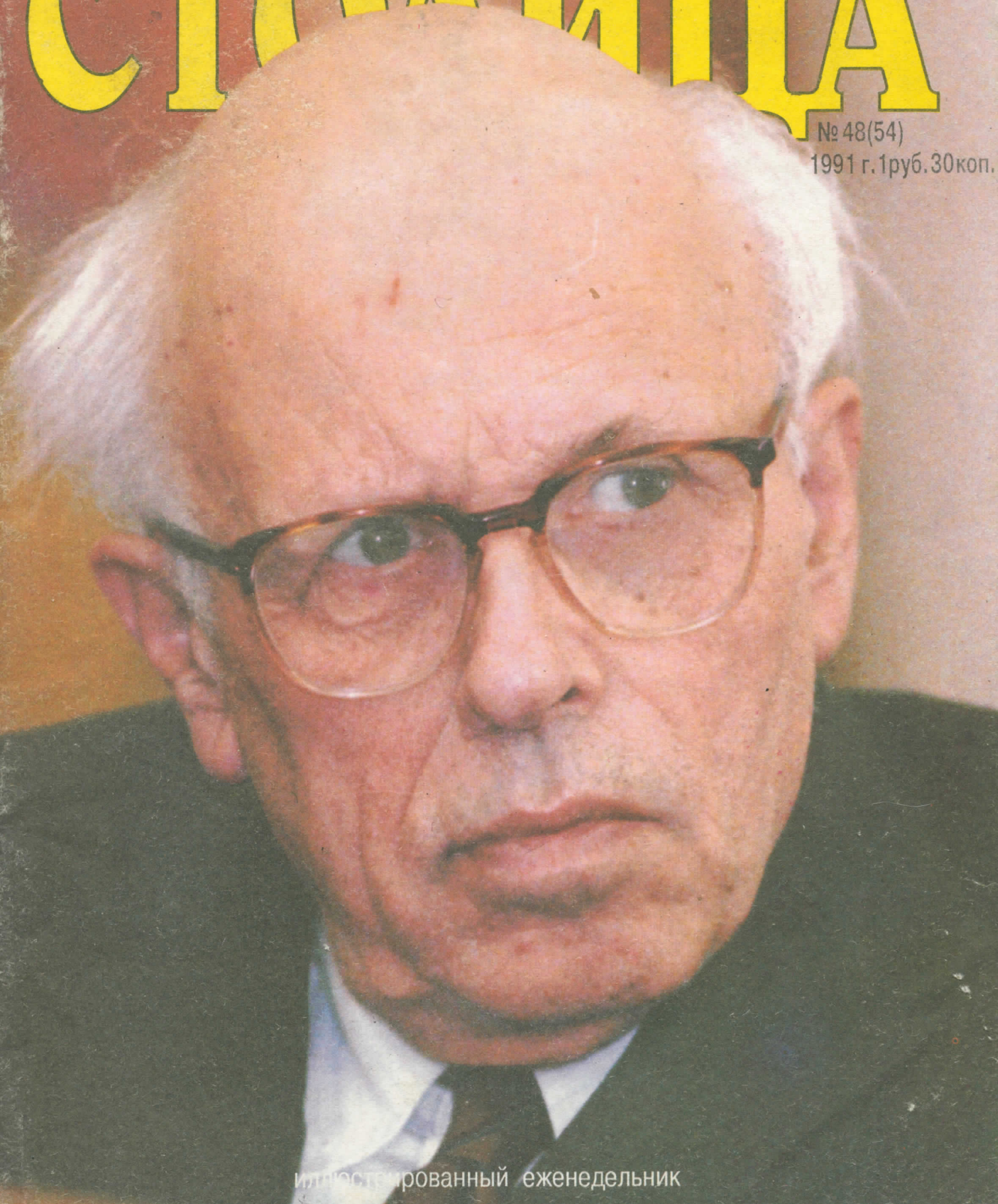

СТОЛИЦА

№ 48(54)

1991 г. 1руб. 30коп.

иллюстрированный еженедельник

Фирма «Саттаров и К°»

Учредитель
Московской
Центральной
Фондовой Биржи,
Российской Товарно-
Сырьевой Биржи,
Таллиннской
Международной
Биржи Деловой
Информации,
Московской
Товарной Биржи,
Электронной Биржи
«ExNet»,
Всероссийской Биржи
Недвижимости,
Симбирской
Товарно-Сырьевой Биржи.

Предлагает организациям и частным лицам (постоянным и временным Клиентам Фирмы) свои услуги:

- Открывает лицевые счета Клиентам (для совершения сделок с ценными бумагами, зачислением дивидендов, получением денежных средств под ценные бумаги и т.д.);
- Хранит ценные бумаги Клиентов и по поручению Клиентов получает по ним дивиденды;
- Осуществляет от имени и по поручению Клиентов куплю/продажу ценных бумаг на МЦФБ, в фондовых отделах РТСБ, МТБ, ТМБДИ;
- Осуществляет от имени и по поручению Клиентов куплю/продажу оборудования, товаров народного потребления, сырья и т.д. на РТСБ, МТБ, СТСБ и на ТМБДИ;
- Осуществляет акционирование предприятий и проводит консультации по этим вопросам;
- Осуществляет посреднические услуги по изготовлению бланков ценных бумаг с шестикратной защитой;
- Проводит подписку и размещение новых выпусков ценных бумаг акционерных обществ среди своих Клиентов, частных лиц и организаций;
- Информировывает Клиентов о котировке ценных бумаг, зарегистрированных на МЦФБ и в фондовых отделах РТСБ, МТБ, МЦФБ, ТЕМКИ;
- Информировывает Клиентов о стоимости оборудования, товаров народного потребления, сырья и т.д., предлагаемых на МТБ, РТСБ и ТЕМКИ;
- Опытные эксперты проводят консультации и анализ рынка ценных бумаг;
- Проводит операции с недвижимостью на ВЕН.

Фирма приглашает к сотрудничеству организации и частных лиц для создания филиалов.

Контактный телефон: 255-97-31
TEL/FAX: 255-97-29
MODEM: 253-88-69
R-icom E-mail Sate Sattarov msk SU

Межрегиональная депутатская группа.
14.XII.89.

ДВА ГОДА БЕЗ АНДРЕЯ ДМИТРИЕВИЧА САХАРОВА

В пять вечера 14 декабря в Малом зале Кремля, после очередного рабочего дня II съезда народных депутатов, шло экстренное заседание Межрегиональной депутатской группы, куда допустили и нас, журналистов.

За столом президиума, под знаменитой картиной с Лениным, заняли места сопредседатели МДГ — Попов, Ельцин, Афанасьев и Сахаров. Заседание было, как всегда, шумным, бурным. На этот раз, впрочем, более бурным, чем обычно: обсуждали тактику поведения МДГ на завтра. Сахаров, похоже, чувствовал себя неважно, видимо, здорово устал, то и дело «отключался». Казалось, дремлет пожилой, уставший человек, не участвует в дебатах. Однако впечатление было обманчивым: он всегда вовремя реагировал на очередное выступление с трибуны, что-то говорил Ельцину, Афанасьеву, потом что-то писал в своих бумажках, затем — снова «отключался»...

Ему дали слово. Сахаров встал из-за стола, как бы в

прострации, будто теряя равновесие, подошел к трибуне, наклонился к микрофону и в неожиданно наступившей, какой-то даже неестественной для этой аудитории тишине своим обычным тихим голосом, чуть заикаясь и картавя, сказал главное, что хотел сказать: МДГ должна стать политической оппозицией. И обосновал свою мысль.

Тяжело сел на место за столом с краю, опять «отключился»... После окончания заседания МДГ ушел, но, говорят, еще не домой, а сначала — дать обещанное интервью киногруппе Олжаса Сулейменова, которая снимала фильм о Семипалатинском полигоне. Словом, все было, как обычно...

...А на следующее утро среди аккредитованных на съезде журналистов — слух, передаваемый шепотом: Сахаров умер...

Григорий КРОШИН
Фото Игоря ЗАРЕМБО

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник

Москва, 101425, ГСП, К-51,
Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 413739
Телефакс: 921-29-85

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:

Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Анатолий ОСТРОУХОВ
(ответственный секретарь)
Владимир ПЕТРОВ
(главный художник)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМIRНОВ
(зам. главного редактора)
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Учредитель: Моссовет

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.
При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.
Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 928-83-40

Эксклюзивный рекламный представитель за рубежом: Ecomews, Швейцария.

Подписку за рубежом осуществляет агентство Ecomews: box 535 Lausanne 1001 Switzerland.

Fax: 41.21-311.45.11
Tel.: 41.21-311.45.05

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 20.11.1991

Тираж 150000. Цена 1 р. 30 к.
(для подписчиков 1991 г. — 95 к.)

© "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате Государственной ассоциации предприятий, объединений и организаций полиграфической промышленности «АСПОЛ»

142300, г. Чехов Московской области. Зак. 1869

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

ПАМЯТЬ

- 3 «Он обладал способностью «верхнего взгляда»
А.Шабад
4 «Нет праведника — нет и села»...
С.Ковалев

СУБЪЕКТИВНОЕ МНЕНИЕ

- 8 Катастрофа произошла. Из нее есть только один выход.
А.Федосеев

ВПЕЧАТЛЕНИЕ

- 20 Кавказский узел
С.Шустер

ЭКОНОМИКА

- 24 Светлый путь в «черную дыру»
Г.Долгов

СУД И БЫТ

- 27 Добрый тепа перед стеной правосудия
В.Басков

ЗАКРЫТАЯ ЗОНА

- 37 Крестный отец живет в Москве (Окончание. Начало в №№ 45, 46—47)

ВЕРСИЯ

- 52 Наследство Шаляпина. Продано? Украдено?
А.Арцибашев

АРХИВ

- 56 Автобиографическая проза. Фрагмент 2
К.Унксова

АРТ-САЛОН

- 63 Лучше всего было притвориться мертвым
И.Анистратова

На 1-й странице обложки фото Анатолия Марковкина

Заведующий отделом оформления Виктор РЕЗНИКОВ

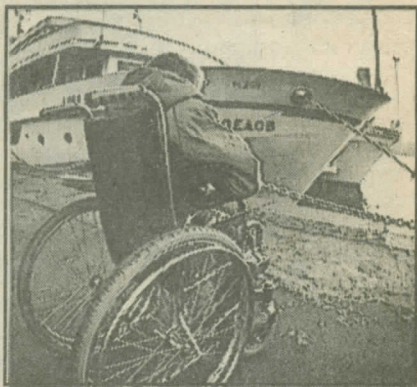
Директор издательства Борис РАБКИН

Над номером работали:

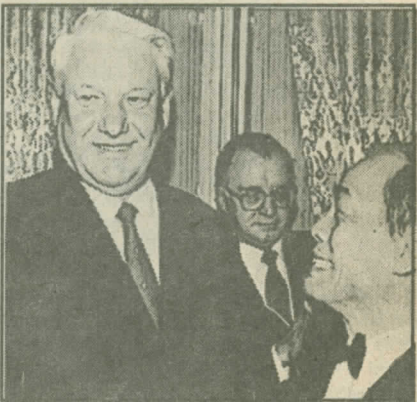
В.Старчевский,
О.Проханов,
Э.Петрова.

6 Дэвид Сэттер:
Как стало возможным всего за шесть лет дезорганизовать государство, столь сплоченное внутри и столь влиятельное во всех частях мира?

31 Репортаж Е.Салиной и Э.Кудрявицкого «Линия горизонта» «У этих детей линию горизонта много лет (и даже всю жизнь!) ограничивали контуры соседней булочной за окном; или большие деревья, закрывающие небо... И вдруг — пять дней по Волге, из Москвы в Тверь и обратно, на шикарном теплоходе «Александр Грибоедов».

Джун Ри с Борисом Ельциным

44 Джун Ри — человек, который знает, как сделать счастливым каждого из людей.

Анатолий ШАБАД:

«Он обладал способностью «верхнего взгляда»

Анатолий Шабад родился в 1939 году, ведущий научный сотрудник отделения теоретической физики Физического института им. П. Н. Лебедева АН СССР, народный депутат РСФСР, был доверенным лицом А. Д. Сахарова на выборах в народные депутаты СССР в 1989 году.

— *Сегодня уже все люди, ориентированные на демократические перемены, по-моему, ощущают отсутствие в нашей сложной политической жизни такого человека, как Андрей Сахаров. Как вы, Анатолий Ефимович, определили бы природу этого обстоятельства?*

— По-моему, тут все очень просто и логично. Да, Сахарова нам сегодня всем очень не хватает, потому что он, как никто другой, обладал способностью «верхнего взгляда», если можно так выразиться, — то есть взглядом на вещи с большой перспективой независимо от каких-либо сиюминутных дел и настроений, которые очень часто сковывают нас в своих решениях. Вот такого человека у нас сейчас и нет. Конечно, эта вознесенность Сахарова над сиюминутными реалиями заставляла его часто выглядеть неестественным (и, к сожалению, многими он так и воспринимался), быть не сразу понятым. Кроме, конечно, тех людей, которые верили ему просто на основании своего предыдущего опыта общения с ним.

Одним из примеров проявления у Сахарова такого «верхнего взгляда» было его убеждение в необходимости перехода к Союзному договору, роспуска прежнего Союза, о чем он говорил еще очень давно. И если бы не отчаянное сопротивление сторонников сохранения прежнего Союза, если бы они понимали, что, пытаясь насильно его сохранить, сами же его губят, мы сейчас наверняка не имели бы такого неконтролируемого и уродливого развала страны, какой произошел. Мы бы сейчас имели Союз, но — добровольный. А так получилось, что Союз погубили его же жесткие сторонники... И тогда, когда об этом никто не думал, слова Сахарова о Союзном договоре звучали довольно парадоксально. Он был убежден (и открыто говорил об этом в любой аудитории), что подписывать Союзный договор должны субъекты, являющиеся свободными на момент подписания, только в этом случае договор имеет какой-то смысл.

— *Похоже на знаменитую ленинскую формулу: чтобы объединиться, надо размежеваться...*

— Да, пожалуй, принцип похожий... Правда, Ленин выдвинул его с другой точки зрения: ему надо было размежеваться, чтобы разобраться, кто свой, а кто чужой. То есть с кем объединяться, а с кем — нет. Ну а в нашем случае... кажется, сейчас уже вообще не с кем объединяться.

Довольно актуален сегодня и еще один основополагающий

сахаровский принцип: каждый народ имеет право на самоопределение независимо от его численности. Этот принцип вызывал и вызывает до сих пор неизменную злость у сторонников жесткой структуры, так называемых «государственников», приверженцев «единой России». Но ведь они же сами и губят эту «единую Россию», выступая против принципа, который отстаивал Андрей Дмитриевич. Потому что ясно же, что нет ничего более прочного, чем добровольное объединение. А сегодня уже другого просто и быть не может. Никакие уроки, похоже, не идут нам впрок: то и дело мы встаем на чудовищный путь насилия там, где преследуется цель достижения подчинения других народов...

Взять хотя бы последние события в Чечено-Ингушетии. Я, кстати, этим летом был и в Осетии, и в Чечено-Ингушетии. И вынес из этих поездок совершенно железное убеждение: с этими народами, с этими людьми ни в коем случае нельзя обращаться неосторожно, с позиции диктата, силы, навязывать им какие-то решения против их воли, извне, в частности со стороны России. Потому что, как только это происходит, такое насилие приводит к немедленной консолидации и упорному противостоянию этому насилию. Причем — к очень жесткому противостоянию.

Сахаров считал, что право народов на самоопределение абсолютно и неограниченно. Но это, конечно же, не означает, что он был сторонником какого-то раздробления. Однако, видимо, в определенных исторических условиях это — наиболее верный путь к консолидации страны, поскольку он основан на добровольности. Просто это был его известный расчет на то, что народ, предоставленный самому себе, обязательно становится на разумную точку зрения. Если же его насилуют, то это лучший способ подвести его именно к неразумным решениям, а в конце концов — к кровопролитию. И очень хорошо, что российский парламент принял мудрое решение, не утвердив Указ о введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушетии.

— *В какой степени, как вы считаете, принципы государственного устройства, исповедуемые академиком Сахаровым, учтены в новой Конституции России?*

— В части национально-территориальной, к сожалению, не учтены. Среди депутатов, как известно, имеются очень серьезные разногласия по федеративному устройству. Вроде бы все признают, что Россия должна быть федерацией, но одновременно говорят, что это должна быть конституционная федерация, а не договорная. То есть как бы вновь утверждается, что права народов должны быть дарованы «сверху». Правда, и элемент договора вроде никак не исключается, но, по-видимому, ему отводится чисто декларативная роль... Это, конечно, явно не то, что закладывалось Сахаровым в его проект конституции.

— *Тенденции, происходящие сейчас в демократическом движении, весьма противоречивы. Не считаете ли вы, что с уходом Сахарова, стоящего у истоков этого движения, оно потеряло определенную осмысленность?*

— Да, он действительно стоял у истоков. Он был, как извест-

но, одним из инициаторов создания Межрегиональной депутатской группы, из которой, можно считать, впоследствии выросло и движение «Демократическая Россия». Во всяком случае, оно продолжает те же направления, что и МДГ. Конечно, сегодня демократическое движение развивается весьма болезненно, в нем много противоречивых тенденций, которые, между прочим, и привели к расколу на II Съезде «ДемРоссии» в ноябре. Но, с моей точки зрения (думаю, что и Андрею Дмитриевичу эти мысли были бы не чужды), имеет место сильное преувеличение тех позиций, по которым наблюдается расхождение между различными группировками демократов. Это влияние сиюминутной ситуации, неспособность подняться над ней, сосредоточиться на главном направлении. Им зачастую кажется сверхважным то, что на самом деле является преходящим. Например, вопросы устава, другие чисто организационные проблемы и т.д.

Разногласия по этим вопросам не должны восприниматься как трагедия — если уж плюрализм, так плюрализм во всем. Мы же, как показывает практика, привыкли к единомыслию. То и дело раздаются призывы к единству, почему-то демократическое движение должно быть е д и н ы м, то есть все демократы должны поступать как один человек... Это было и на МДГ, между прочим. Там почти всегда велись жаркие дискуссии по второстепенным проблемам. Сахаров в эти дискуссии никогда не ввязывался. Для него в то время уже было совершенно ясно, что должны быть разные точки зрения. При том, что приверженцы тех и других должны сознавать, что делают одно де-

ло. Особенно актуально это, на мой взгляд, сейчас, когда у демократов власть, которая скорее всего будет бита. И из этих сахаровских идей мы органично приходим к современному пониманию, что надо иметь «второй эшелон», состоящий из людей, которые выступают с критикой уже своей, демократической власти. А когда она неизбежно окажется непопулярной, потребуются, чтобы следующая власть, которая возьмет под свой контроль ситуацию, тоже была демократической ориентации. А не какие-нибудь фашиствующие, националистические силы, которые приведут и демократию, и страну к краху.

— Вы много лет работали с Сахаровым в одном институте, даже в одном отделе. Был ли он политиком там, за институтскими стенами?

— Нет. Когда он вернулся в 1968 году с объекта, где более пяти лет занимался водородным оружием, то обещал руководству отдела, что в стенах института политической деятельностью заниматься не будет — чтобы никого из сослуживцев не ставить под удар. А с другой стороны, отдел его всегда как бы заслонял, когда на него начинались гонения. Хотя, конечно, никогда не было с нашей стороны резких заявлений в его поддержку — в этом случае отдел просто бы разгромили, — но мы создавали вокруг него обстановку морального благопритворства, психологической поддержки, что, как я теперь понимаю, было для него очень важно. Потому что Андрей Дмитриевич был, оказывается, не таким уж железным человеком, каким тогда нам казался...

Сергей КОВАЛЕВ:

«Нет праведника — нет и села»...

Сергей Ковалев родился в 1930 году, активный участник отечественного правозащитного движения, за что был незаконно репрессирован. В настоящее время — народный депутат РСФСР, член Президиума ВС России, председатель Комитета по правам человека Верховного Совета РСФСР.

— Итак, уже два года как мы без академика Сахарова. Как видятся они вам, Сергей Адамович, одному из тех, кто в последнее время был ближе всех к Сахарову?

— Знаете, эта тема, сахаровская, повторяется уже второй год и будет, я уверен, повторяться и в дальнейшем, но каждый раз она будет становиться все более трудной для обдумывания, для анализа... Что же изменилось в нашем обществе с той середины декабря 1989 года? Когда в свой последний день жизни, 14 декабря, на последнем для него, как оказалось, заседании Межрегиональной депутатской группы Андрей Дмитриевич выступил с короткой речью о том, что МДГ должна

стать организованной политической оппозицией по отношению к правящей власти, это было необычайно актуально для всего демократического движения. Но вот прошли эти два года — и ситуация уже совсем другая. Сейчас перед нами во всей своей остроте встала уже не проблема оппозиции, а проблема... свалившейся на демократов власти. Во всяком случае, эта проблема стоит для большей части нашей развалившейся страны, где власть находится в руках у демократов. И можно было предвидеть (хотя на эту тему мы с А.Д. не говорили), что вскоре главным станет вопрос: что есть такое наши демократы?

— То есть не все те демократы, кто себя так называет?

— Это одно. А другое — надо в принципе разобраться, что же происходит в демократическом движении. Ну, во-первых, оказалось, что движение это отнюдь не монолитно. С одной стороны, это хорошо, нормально. А с другой — стало очевидно, что хотя основные принципы для демократической части общества и являются общими, но тем не менее они до сих пор осознанно и четко не выделены. Смотрите: демократы охотно и гласно отмечают свои собственные разногласия, очень энергично дискутируют по этим разногласиям. Со временем, однако, такие дискуссии начинают оправдывать упреки, раздающиеся в адрес демократов, напоминая амбициозную борьбу за сферы влияния, пустопорожнюю говорильню, малопонятную народу возню... А то общее, что демократов объединяет, остается как бы в стороне, остается несформулированным. Обнаруживается неумение разных сторон согласиться на концентрацию общих усилий на каком-то наиважнейшем для страны в данный

момент направления. Это, возможно, и есть первое, в чем, будь жив Сахаров, его роль неизмеримо бы возросла. Он постоянно искал бы пути выхода на главное направление.

— *И, вероятно, самой своей личностью, авторитетом и так далее влиял на других?*

— Ну, разумеется. Ведь вспомним, кем был А.Д. практически для всех? Несомненно — нравственным авторитетом. Какие претензии сейчас высказываются избирателями по отношению к своим демократическим избранникам? «Продались» за должности, за положение, делят портфели, дерутся за власть, не могут всего этого никак поделить между собой, в то время как страна задыхается в кризисе. И тому подобное. Так вот, все эти упреки и претензии никак не могли бы быть отнесены к Сахарову, верно? Полностью исключено! Уж что-то, а его абсолютное, всем известное бескорыстие, добросовестность не подлежали сомнению ни для кого. Сейчас очень не хватает личности с таким нравственным авторитетом.

— *А какие идеи А.Д.Сахарова получают сейчас развитие?*

— В далеком от совершенного проекте новой Конституции России в основных чертах воплощены идеи конституции, предложенной Сахаровым.

— *Только в основных чертах?*

— Понимаете, надо иметь в виду, что сахаровская конституция — документ несколько идеализированный. Я бы сказал, что на самом деле это не столько юридически выверенный документ, сколько к о н ц е п ц и я конституции, которую он писал без оглядки, очень смело, понимая, вероятно, что этот документ вряд ли может быть принят в таком виде.

Отклонения от его варианта, наблюдаемые в нынешнем проекте новой российской конституции, — это результат учета реальностей, результат поиска неких компромиссов. Однако, несмотря на такой, казалось бы, компромиссный проект, механизма принятия его российскими депутатами пока не придумано... Я думаю, может быть, наиболее реалистично было бы принять новую конституцию по частям. И такая попытка, кстати, была предпринята на V съезде. Считаю, что закончилась она не безрезультатно: фактически один из разделов конституции — подготовленная в нашем комитете «Декларация о правах личности» — уже обсуждается в нашем парламенте. У меня есть надежда, что она будет им принята.

— *Но все же Декларация — еще не раздел конституции...*

— К сожалению, сегодня документ этот нельзя еще принять в качестве действующей нормы, так как действующая юридическая норма предполагает наличие готового механизма реализации. А этот механизм в свою очередь не может быть осуществлен, пока не проведена судебная реформа. А сама по себе судебная реформа требует для своего осуществления длительного времени, создания совершенно новых институтов, новых судов и т.д. А пока этого не сделано, мы можем лишь декларировать, к а к должно быть, но не можем, к сожалению, ввести документ в действие, то есть сделать Декларацию законом. Мы как бы обозначаем лишь идеал, осуществление которого невозможно, пока нет механизма. По этой, кстати, причине в проект новой конституции включен целый раздел о переходном периоде, о мерах ввода в действие Основного закона республики. Между прочим, это будет первая в истории России Конституция п р я м о г о действия.

— *Иными словами, на ее статьи будут ссылаться в судах?*

— Совершенно верно. Это будет конституция, которая наряду с другими законами будет лежать перед судьей и нормами которой судья сможет непосредственно пользоваться в практическом судебном разбирательстве. И тогда любой суд сможет ставить перед Конституционным судом (наконец недавно созданным в России) вопрос о конституционности либо неконституционности той или иной нормы, которой судья должен пользоваться. Это первая попытка создания в России цивили-

зованной судебной власти, принципиальный шаг в сторону осуществления принципа разделения властей, о чем неоднократно говорил Андрей Дмитриевич. Таким образом, я считаю, что в части конституционного развития мы идем все-таки по пути, обозначенному Сахаровым.

— *Кажется, известные идеи академика Сахарова, связанные с положением карательных органов в цивилизованном обществе, тоже на пути к воплощению?*

— Как сказать... Это более сложная и острая тема. Позиция А.Д. в вопросе о карательных органах, и в частности о КГБ, была, как известно, предельна ясной. Она состояла в том, что этот аппарат должен быть распущен, а создаваться заново должна некая минимально необходимая структура. Кстати, именно такой процесс мы наблюдаем сейчас во многих странах Восточной Европы. Только не у нас...

— *Но разве объявленная реформа органов это не действия в, так сказать, сахаровском направлении?*

— Понимаете, какая-то странная происходит вещь. Выступает Бакатин по телевидению и говорит, что этого монстра — КГБ — больше никогда существовать не будет. Мы, дескать, выделяем в отдельные органы разведку, правительственную связь, пограничную службу. Все это прекрасно выглядит по ТВ. А дальше идут совсем другие рассуждения: мы не должны разрушать структуры, необходимые государству, которые могут эффективно бороться с организованной преступностью, с коррупцией, которые смогут содействовать экономическим преобразованиям. Кроме того, любая власть, объясняют нам, нуждается в достоверной, оперативной информации, а любая информация нуждается в квалифицированном анализе. И эти структуры в КГБ имелись, и их нельзя, мол, трогать... и т.д. То есть в результате выходит, что реформа не должна затронуть этих функциональных задач. А каким образом эти структуры собирали ту самую информацию, как они ее анализировали, мы же все отлично знаем... И получается: КГБ вроде и преобразовывается, а фактически... остается нетронутым, так как весь Комитет всегда и был нацелен именно на вышеперечисленные задачи...

Я вовсе не сторонник мести, не считаю, что в с е х сотрудников КГБ надо подвергнуть суду и уголовно наказать. Это — путь к всеобщей озлобленности, для меня он неприемлем. Но есть тут и другая сторона дела. Нашему обществу необходимо оч и с т и т ь с я от этой скверны. Вот Западная Германия после войны смогла же показать пример эволюции общества в сторону настоящей демократии, в сторону правового государства. Я имею в виду то, что немцы называют процессом денацификации. Этот процесс изменил в корне массовую психологию немцев.

И дело, я считаю, не только в самих судебных процессах над нацистами (которых, кстати, прошло в Германии великое множество) и не в суровости наказания преступникам, а скорее — в публичном вскрытии язв общества! Немецкое общество оказалось в силах честно, прямо, открыто взглянуть само на себя. И этому взгляду судебная власть придала строгий, объективный характер. Стала тем инструментом, который и позволил обществу нравственно очиститься, стать совсем другим. К сожалению, с нашим обществом пока такого очищения не произошло. А именно эту цель и ставил в своих идеях о реформировании карательных органов Андрей Дмитриевич: обрести нравственность.

— *Можно еще, конечно, много говорить о великом наследии Сахарова, о том, в какой степени мы, его потомки, восприняли его озарения, но, Сергей Адамович, если кратко определить сегодняшнее значение этого человека для всех нас, что бы вы сказали?*

— Я не могу тут ничего нового выдумать, кроме как вспомнить, что написал когда-то Солженицын: не стоит село без праведника. Это написано словно точь-в-точь о Сахарове. Нет праведника — нету и села...

Дэвид СЭТТЕР

КОНЕЦ ВЕКА БЕЗУМИЯ

В то время когда Советский Союз продолжает разваливаться на части, остается неразрешимым один вопрос: как стало возможным всего за шесть лет дезорганизовать государство, столь сплоченное внутри и столь влиятельное во всех частях мира?

В свое время Гиббон писал, что Римская империя поражает прежде всего не размерами, а продолжительностью своего существования.

Сегодня, взирая на обломки советской империи, мы, наоборот, можем только поражаться тому, как эта самая мощная в истории военная машина была разобрана на части при столь малом сопротивлении своей собственной кончине.

Для того чтобы понять, почему так произошло, необходимо обратиться к сущности перестройки. Дело в том, что Горбачев пытался изменить только природу властных структур. И если на протяжении семи десятилетий советский строй был по своей природе чисто идеологическим, то в результате реформ он должен был стать бюрократическим. Для того чтобы Советский Союз мог вступить в компьютерный век, необходимо было сбросить бремя идеологии.

При этом подходе нельзя было избежать одной проблемы — Советский Союз должен был осознать сущность своей идеологии.

«Гласность» — подконтрольное освобождение информации — была избрана Горбачевым для ограничения влияния партии путем раскрытия ее злодеяний. Однако вскоре гласность стала заложницей внутрипартийной борьбы и начала угрожать дискредитацией Советской власти в целом.

В результате возникло противоречие между раскрепощенным сознанием народа и неизменными тоталитарными институтами. Что и привело к неудавшемуся перевороту и начавшемуся распаду Советского государства.

Поскольку Советский Союз был первым в истории государством, в основе которого лежал исключительно атеизм, это государство само наделило себя атрибутами Бога. Для того чтобы оправдать свое существование, оно отвергло все известные нормы нравственности и

объявило себя вечным и нерушимым, выдумало целую несуществующую вселенную.

На протяжении многих лет, когда Советский Союз представлял угрозу всему миру, часто упускали из виду тот факт, что стабильность страны зависела от наличия трех факторов — отсутствия серьезных межнациональных конфликтов, пассивности рабочего класса и сплоченности правящей элиты. Наличие этих условий гарантировала идеология, но, когда идеология рухнула под тяжестью гласности, вместе с нею пали и три столпа внутренней стабильности.

Подъем национализма стал первой реакцией на упадок идеологии.

На протяжении многих лет краеугольным камнем идеологии было утверждение о том, что социализм явился логической кульминацией национальной истории всех народов, живших на территории Советского Союза.

Однако гласность показала несостоятельность этого тезиса. Секретные протоколы «Пакта Молотова—Риббентропа», которые начали публиковаться в Балтии и в Москве, никак не вписывались в рамки концепции о добровольном присоединении прибалтийских республик к Советскому Союзу. Армяне увидели, что размещение Нагорного Карабаха, населенного армянами, на территории Азербайджана было частью сознательной политики «разделяй и властвуй», а украинцам стали известны детали искусственного голода, унесшего девять миллионов жизней.

Появление новой информации привело к формированию национальных движений. Коммунистические власти на местах попытались перехватить инициативу, создавая народные фронты в поддержку перестройки, но, поскольку новая информация полностью дискредитировала идеологию, возник психологический вакуум, который мог быть заполнен только национализмом. И коммунистические организаторы фронтов вскоре были заменены теми, кто защищал национальные, а не советские интересы.

В Литве, к примеру, учителя и журналисты косяками выходили из компартии

и шли креститься, а в некоторых городах Украины жители вдруг перестали общаться на русском языке и перешли на украинский.

Когда же республики распрощались с выдуманным идеологическим миром, они заново открыли свою историю и стали отдельными государствами если и не по названию, то хотя бы по духу.

Крушение идеологии привело также к утрате контроля советского режима над рабочими, прежде всего шахтерами.

В то время когда целые поколения советских рабочих владели жалкое существование, советская пропаганда внедряла в сознание людей мысль о том, что в целом они жили лучше и имели больше социальных гарантий, чем рабочие на Западе. В результате — страшное несоответствие между уверенностью рабочих в справедливости их социальной системы и реалиями их жизни.

Однако разрыв между сознанием и реальностью не выдержал испытания гласностью. Рабочие в убогих промышленных городишках смотрели телевизионные кадры об американских супермаркетах, понимая, что они видят изобилие того самого коммунизма, который они вроде бы строили в Советском Союзе. Они не могли поверить, когда узнавали, что американцы делают пороссятам прививки одноразовыми иглами, в то время как в Советском Союзе этих игл не хватает даже для людей.

Но если многие советские рабочие были не готовы к совместным акциям, то этого никак нельзя сказать о шахтерах.

В тот день, 10 июля 1989 года, когда уже несколько недель в местных магазинах не было продуктов, а сибирские шахтеры не могли получить даже мыла, рабочие шахты Шевякова в Междуреченске вышли на забастовку. В течение нескольких часов к ним присоединились рабочие всех шахт Междуреченска, и забастовка со скоростью цепной реакции охватила все угледобывающие районы Советского Союза.

Эта скорость, а еще неожиданность и единодушие забастовщиков ознаменовали колоссальные изменения в уманостроевнях. Идеология утратила свою силу.

И все-таки третий фактор падения

идеологии — раскол правящей элиты — возымел гораздо больший эффект, чем национальный подъем и воинственный настрой шахтеров.

Режим, который стремился к контролю над всеми элементами общества, приняв за основу ложную идею, оказался заложником этой идеи. Для того чтобы успешно насаждать иллюзии, партия должна быть монолитной. И до 1985 года верность партии определялась согласием с ее позицией.

Однако под воздействием гласности фасад единодушия быстро рухнул.

Попытки Горбачева мобилизовать людей против консерваторов привели к тому, что рядовые партийные «либералы», которые ранее не имели возможности отстаивать свою независимую позицию, обратились за поддержкой к либералам, занимавшим высокие посты. В результате раскол между правыми и левыми пронизал все ступени партийной иерархии.

Эта ситуация и подвигла Бориса Ельцина, в то время руководителя московской партийной организации, выступить на октябрьском пленуме ЦК КПСС 1987 года с критикой медлительности в проведении реформ. В ответ началась антиельцинская кампания, и его вынудили уйти в отставку. В июне 1988 года Ельцин публично выступил в свою защиту с трибуны XIX партийной конференции. Егор Лигачев, лидер консервативного крыла в партии, в свою очередь обрушился с критикой в адрес Ельцина. Эта перепалка впервые обнажила перед всей страной раскол в партийном руководстве партии.

Стали возникать политические клубы внутри партии, которые вскоре привели к появлению в ее рядах «платформ» с диаметрально противоположными позициями.

Свободная дискуссия в рамках КПСС привела к краху партийной дисциплины, что повлияло и на судьбу Ельцина. Хотя подавляющее большинство мест в российском парламенте принадлежало коммунистам, бешеные попытки партийного аппарата не допустить избрания Ельцина в первом же туре голосования на пост президента России все-таки провалились.

Итак, еще один итог гласности: идеология, которая была призвана управлять всей жизнью общества, уже не могла руководить даже компартией.

И к началу этого года марксизм-ленинизм более не влиял на формирование сознания советского общества. Но ситуация оставалась нестабильной, поскольку в тоталитарных структурах не произошло адекватных изменений.

Горбачев сохранял бюрократическую

машину государства, по-прежнему храня верность столь важному атрибуту коммунистической идеологии, как неприятие частной собственности.

Централизованный контроль над экономикой означал, что военная машина могла диктовать промышленности, что именно та должна производить. С другой стороны, институт частной собственности грозил отдать этот контроль в руки предпринимателей и привести к распределению товаров в соответствии с потребительским спросом. Именно это и вызвало сопротивление советского военного руководства.

Стало ясно, что цели военно-промышленного комплекса и демократических сил были несовместимы, а это привело к борьбе за влияние, закончившейся августовской попыткой представителей ВПК захватить власть. Пожертвовав ложным миром своей идеологии, они, однако, не сумели взять ситуацию под свой контроль, переворот закончился крахом, когда группа КГБ «Альфа» отказалась стать слепым орудием грубой силы и выполнять предназначенную для нее роль.

На протяжении шести лет гласность вымывала из-под режима одну опору за другой. И предательство элитных групп КГБ во время переворота показывает, что деидеологизация поразила самую сердцевину системы.

Вместе с провалом переворота перестройка стала частью истории. Она провалилась, поскольку Горбачев попытался освободить бюрократию от идеологии, упустив из виду вероятность того, что разрушение устоявшейся системы взглядов повлияет на массы людей. И когда магические чары идеологии были развеяны, оказалось, что народ не хочет жить и под контролем чисто тоталитарных институтов.

Важно отметить, что тоталитарная система не может обойтись без оправдания своего существования с помощью какой-либо ложной идеи. Советская идеология, хоть Запад и смотрел на нее с недоумением, как раз позволяла нации обосновать и полностью принять рабские условия своего существования. Именно поэтому она и была «путеводной звездой» советского тоталитарного режима.

Да, Горбачев не был тем реформатором, за которого его принимали на Западе, но мир должен быть рад его появлению. Необратимый распад Советского Союза начался именно благодаря попытке Горбачева сохранить идеологическую систему без идеологии. Этот распад пока еще не затронул значительную часть старой тоталитарной структуры. Но возможно, что теперь, наконец, эта

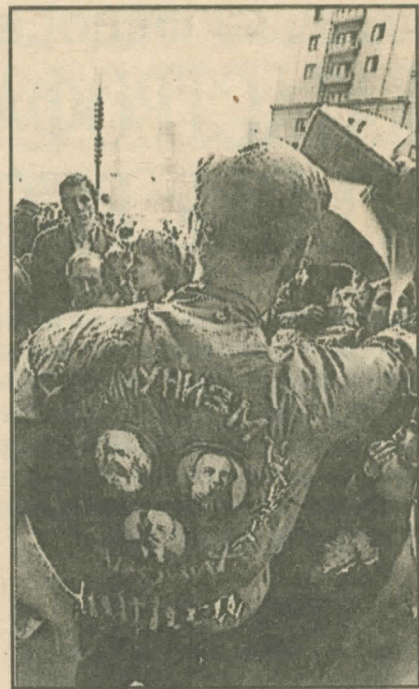

Фото Ивана Горева

структура будет демонтирована и начнется создание новой, более демократической системы.

Конечно, построение такого общества будет нелегкой задачей для нации, жизнь которой основывалась на идее о возможности навязать силой абсолютно все, даже ложное представление о мире. Однако если смотреть на ситуацию в исторической перспективе, то можно сказать, что мы наблюдаем поворотный момент истории — очевидный конец века безумия в Европе — и надеемся на лучшее будущее для людей, которые на протяжении семи десятилетий были жертвами психологического и политического подавления на территории бывшего СССР.

Дэвид СЭТТЕР — в семидесятые годы работал в Москве корреспондентом английской газеты «Файнэншл таймс». Был известен в кругах диссидентов, помогая многим из них передавать на Запад информацию о преследовании инакомыслящих в СССР. Активность Д.Сэттера была замечена: в течение многих лет он был лишен возможности приезжать в нашу страну. В настоящее время Д.Сэттер работает в американском журнале «Ридерз дайджест», одновременно преподает в ряде исследовательских центров, пишет книгу о Советском Союзе. Публикуемая статья написана специально для «Столицы».

Анатолий ФЕДОСЕЕВ

КАТАСТРОФА ПРОИЗОШЛА. ИЗ НЕЕ ЕСТЬ ТОЛЬКО ОДИН ВЫХОД

Наш читатель уже знаком с экономическими взглядами Анатолия Федосеева («Столица», № 27, 1991г.), известного советского ученого, оставшегося на Западе 20 лет назад. В публикуемой ниже статье автор как бы забивает последний гвоздь в гроб похороненной, как он считает, идеи социализма. Впрочем, пока только идеи, а не реальной экономической системы, в которой, увы, мы существуем по сей день.

В чем главная причина катастрофы, в которую попала наша страна? В том, что огромное, почти 300-миллионное население перестало производить в достатке все то, что ему нужно. А то, что все же еще производит, разучилось сохранять и доводить до потребителя.

Почему же люди перестали производить и сохранять произведенное?

Ясно, что ни «Великий» вождь, ни номенклатура не обязаны производить и не могут производить ничего, если не считать их продукцией испачканную бумагу. Все должно быть произведено именно трудящимися (учеными, инженерами, ремесленниками, рабочими, крестьянами, работниками транспорта, торговли, образования, искусств и т.д.). Однако трудящиеся при социализме не имеют права сами своим трудом себя обеспечивать и не имеют для этого и собственных средств труда. От имени хозяина всех средств труда, всей страны и самих трудящихся вождь и номенклатура планируют и диктуют всему огромному населению каждый шаг, как неразумным детям. Они же распределяют все плоды труда.

Пока действовал страх перед террором социалистического государства, люди буквально выбивались из сил, стремясь выполнять плановые директивы, противоречащие здравому смыслу, чтобы только сохранить себе жизнь. Когда страх исчез, оказалось, что социализм разучил трудящихся целесообразно трудиться, что единое госу-

дарственное планирование полностью развалило хозяйство огромной страны.

ИТАК, ПЕРВАЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ПРИЧИНА КАТАСТРОФЫ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЫБОРА» В ТОМ, ЧТО ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ПОЛНОСТЬЮ ОТСТРАНИЛА НАСЕЛЕНИЕ СТРАНЫ ОТ УПРАВЛЕНИЯ СВОЕЙ СОБСТВЕННОЙ СУДЬБОЙ. Государственная собственность обрекла творческую силу огромного населения на бездействие, заменив ее ничтожеством творчества вождя и номенклатуры. Социализм оказался совершенно непроизводительным обществом нищеты.

Вероятно, Бог мог бы построить успешный социализм, но и Он решил этого не делать. Наоборот, Он дал людям полную свободу воли и даже не только доброй, но всякой, снабдив их своими наставлениями в виде Заповедей. Иначе говоря, идея социализма утверждала единовластие воли правителей над волей миллионов людей вопреки свободе этой воли, которую дал всем людям Бог. Недаром социализм так враждебен Богу.

ПЕРВОЕ УСЛОВИЕ ВЫХОДА ИЗ КАТАСТРОФЫ: ВЕРНУТЬ ЛЮДЯМ СВОБОДУ ВОЛИ, ДАННУЮ ИМ БОГОМ, И ВЕРНУТЬ ИМ ВСЕ СРЕДСТВА ТРУДА, ЧТОБЫ ОНИ МОГЛИ ОБЕСПЕЧИВАТЬ СЕБЯ САМИ. Это значит, что нужно трансформировать господство **ГОСУДАРСТВЕННОЙ** собственности в господство **ЧАСТНОЙ** собственности миллио-

нов частных собственников-предпринимателей, **А УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ ПЕРЕДАТЬ САМОМУ НАСЕЛЕНИЮ**, которое будет, покупая или не покупая конкретные товары и услуги, диктовать всем производителям через свободный, высококонкурентный рынок, что им производить, по какой цене и какого качества. Управление народным хозяйством будет происходить автоматически.

ВТОРАЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ПРИЧИНА КАТАСТРОФЫ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЫБОРА»: ЗАМЕНА ЛИЧНОГО ИНТЕРЕСА (далее, для краткости, эгоизма) **В КАЧЕСТВЕ СТИМУЛА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — ДОЛГОМ.** В первобытном обществе — семье или малочисленном племени — связь личного блага с благом всех диктовалась объективными условиями выживания и была очевидной. С ростом численности населения и образования государств эта очевидность связи личного и общего исчезла. Отдельному человеку стало трудно видеть и чувствовать связь личного блага с благом государства. Появились «ТВОЕ» и «МОЕ». Личный интерес, по мнению специалистов, превратился в «антисоциальный фактор». И они решили, что эгоизм как «антисоциальный фактор» должен быть ликвидирован, чтобы все трудились не на себя, а на общество, создавая его процветание. Поискав замену мощнейшему стимулу деятельности людей — личному интересу, социалисты не нашли ничего лучшего, как заменить его долгом выполнять единые социалистические административные команды правителей. Команды и долг их выполнять — основа социализма. Использование же личного интереса дает превосходный результат и без команд. К тому же общество призвано действовать именно в интересах людей, его составляющих. В противном случае люди его долго не потеряют. Эгоизм — природное свойство человека, как и всех живых существ на земле, и ос-

нова стратегии их выживания. Без эгоизма человечество бы исчезло с лица земли.

Долг оказался чрезвычайно слабой заменой эгоизму и своей задачей — обеспечить расцвет общества — выполнить не смог. Оказалось, что государственная собственность противоречит самой природе человека. Только общество господства частной собственности дает возможность с помощью свободного, высококонкурентного рынка поставить мощнейший стимул эгоизма на службу обществу.

Таким образом, второе условие выхода из катастрофы совпадает с первым: частная собственность и высококонкурентный рынок.

ТРЕТЬЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ПРИЧИНА КАТАСТРОФЫ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЫБОРА» В ТОМ, ЧТО ВСЕ НАСЕЛЕНИЕ СТРАНЫ СОЦИАЛИЗМА, ОТ УБОРЩИЦЫ ДО ВОЖДЯ, ИМЕЕТ ТОЛЬКО ОДИН ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ (НО НЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ) ЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС. Частных собственников нет, а трудящиеся везде и всегда хотят побольше зарплат и привилегий и поменьше неинтересной работы. О производстве при социализме заботится только слабенький долг. Долг не срабатывает. Зарплаты и цены растут, а продукция ухудшается и уменьшается. Все граждане, включая вождя и номенклатуру, не имея производительного личного интереса, а только потребительский, грабят страну и самих себя.

Очевидно, и третье условие для выхода из катастрофы опять совпадает с первым и вторым: господство частной собственности и свободный, высококонкурентный рынок. В этом случае в стране появятся миллионы частных собственников-предпринимателей, которые и создадут своим личным **ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫМ** интересом (произвести побольше и получше при умеренной зарплате) необходимое противодействие разрушительному **ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМУ** личному интересу трудящихся. Однако рынок без конкуренции не может выполнить задачи такого уравнивания. Монополизм предпринимателя создает условия для спекуляции и разрушает автоматику управления экономикой. Сильная конкуренция и есть тот экономический и политический механизм, который превращает «жадного собственника-эксплуататора», которым все так запуганы со времен Маркса, в усерд-

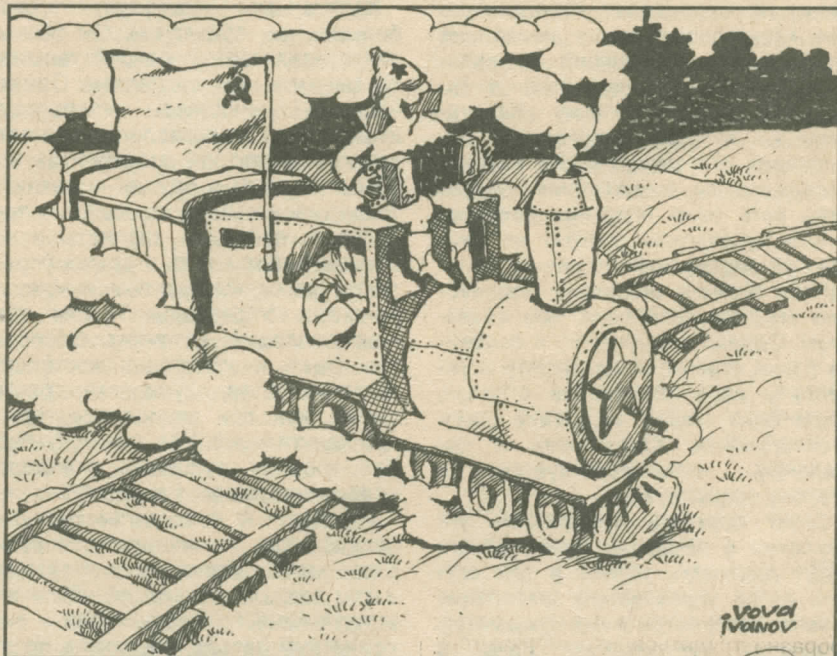
ного и покорного слугу самих трудящихся. Кстати, этот слуга и сам родом из трудящихся. При конкуренции автоматически создается необходимый перевес производительного личного интереса над потребительским. Это и обеспечивает непрерывный рост производительности общества и повышение уровня жизни всего населения. Высокая конкуренция страхом личного разорения заставляет собственника искать пути для слаженной, умелой, добровольной и усердной работы коллектива его работников. Заставляет его создать своим работникам по возможности справедливые условия и платить справедливые зарплаты. Коллективы, работающие на частного предпринимателя в условиях сильной конкуренции, как правило, становятся школами нравственности. Социализм же, развивая бешеную пропаганду нравственности, бессилён сделать нравственными людей. Жизненный опыт, даваемый социализмом, всегда аморален.

Повышать зарплаты собственник может своим работникам только благодаря соответствующему увеличению количества и качества продукции. За счет повышения цен на свою продукцию он этого сделать не может — не позволят конкуренты.

Очень важно понять, что социализм привел к катастрофе не потому, что население нашей страны состоит будто бы из одних идиотов, лентяев, воров и подлецов, и не потому, что Ленин, Сталин, другие вожди и номенклатура были неумелы, глупы, некомпетентны или были прохвостами. Те и другие есть в любой другой стране. Катастрофа вытекает из указанных выше дефектов **САМОЙ ИДЕИ**, из дефектов самого социализма. Все колоссальное насилие, совершенное для осуществления социализма, вытекает из необходимости ликвидировать частную собственность и всех носителей ее духа. Маркс, Ленин, Сталин были архипреступниками и архизлодеями потому, что они гениально умело осуществили, как мы теперь знаем, наивную, детскую и глупую идею равенства и братства, не считаясь со средствами. Осуществили на костях многих миллионов жертв. Судить их нужно как главных организаторов бедствия, охватившего на земле около трех миллиардов людей, которые уничтожали друг друга во имя «идеи, овладевшей массами».

Но можно ли судить огромнейшие массы людей по всему миру, которые вознесли Маркса, Ленина и Сталина на престол вершителей своей

Рис. В. Иванова

судьбы? Едва ли. Ясно, что не надо искать виновников катастрофы среди нынешних поколений аппаратчиков и кагэбистов. И наказывать их бессмысленно. Они, как и все мы, выполняли свои социалистические обязанности. Поиски виновников могут осложнить и затормозить выход из катастрофы. Конечно, я не имею в виду конкретных мучителей и убийц — они должны быть наказаны.

КАПИТАЛИЗМ МНОГО ЛУЧШЕ СОЦИАЛИЗМА, НО УВЛЕКАТЬСЯ ИМ НЕ СЛЕДУЕТ

Если самое короткое определение социализма — «господство **ГОСУДАРСТВЕННОЙ** собственности», то для современного капитализма оно выглядит как «господство **КОЛЛЕКТИВНОЙ** собственности». Действительно, капитализм есть государство, управляемое капиталом (деньгами) и являющееся господством корпораций, иначе говоря, акционерных компаний. Акционерные компании принадлежат тысячам и миллионам акционеров, то есть представляют собой коллективную собственность. Советское население ошибочно думает, что капитализм есть царство частной собственности, в действительности это есть царство коллективной собственности. Частная собственность в нынешнее время ничего в капитализме не определяет. Конкуренция при капитализме очень ослаблена стремлением корпораций (и капиталистического государства) к гигантизму и монополизму. Капитализм — богатый родственник социализма, его можно даже назвать недоделанным социализмом. Социализм есть одна огромная корпорация, а капитализм состоит из множества корпораций. Конечно, капитализм больше реализует творческую энергию населения, чем социализм. Однако государство и особенно банки стремятся расширять и укреплять свое управление страной, постепенно лишая население самостоятельности. Капитализм, к сожалению, «совершенствуется» в сторону социализма.

Стоит отметить особенность управления с помощью денег. Деньги могут диктовать только в том случае, когда управляемые (население и экономика) остро в них нуждаются. Требуется концентрация денег в

банках и дефицит их у населения и у экономики. Недаром можно читать в английских газетах жалобы: «Жирная голова Сити (банковский центр Англии в Лондоне) на истощенном теле экономики». Для капитализма характерны огромные долги. Ежегодный дефицит государственного бюджета США, покрываемый новыми долгами банковским корпорациям всего мира, составляет порядка 300—400 миллиардов долларов.

Естественно, система управления деньгами стремится возвеличить власть денег над людьми. Вдолбить в их сознание через средства информации, что человек без денег — ноль, а с деньгами, даже полученными в долг, — царь. Вдолбить в сознание, что судьбы людей решаются не столько их трудом и талантами, сколько деньгами. Развить погоню за деньгами и залезание в долг. Капитализм концентрирует власть правителей над людьми, концентрируя у первых деньги, а у вторых — долги. Социализм же концентрирует власть над людьми, отдавая правителям огромную государственную собственность, и создает полное бесправие у управляемых, лишая их собственности. Только господство частной собственности с высококонкурентным рынком обеспечит деконцентрацию и денег, и средств производства, только в этих условиях произойдет развенчание и денег, и власти, возвращение их в нормальное, служебное для общества состояние.

Капитализм использует эгоизм больше, чем социализм. Он больше сопротивляется потребительству трудящихся, чем социализм. Однако наемные менеджеры корпораций имеют такую же психологию, что и советские директора предприятий или министры. И те и другие — наемные трудящиеся и имеют психологию трудящихся: побольше зарплаты и поменьше работы. И те и другие управляют чужим имуществом и чужими деньгами. Управление чужим есть неисчерпаемый источник бюрократии (учет и контроль), коррупции, взяточничества, кумовства, расхищения, как при социализме, так и при капитализме. Нет дня на Западе без громких судебных скандалов коррумпированных менеджеров.

Зарплаты и привилегии растут в большинстве капиталистических стран много скорее роста продукции и тем создают инфляцию. Политика монетаризма, изобретенная экономистами Запада, бессильна по от-

ношению к корпорациям. Суть ее в следующем: банки по сигналу правительства увеличивают проценты (уже ростовщические) за кредит, удорожание кредита придушивает экономику, растет число банкротств, увеличивается безработица, которая уменьшает аппетиты трудящихся на высокие зарплаты, спадает рост зарплат, инфляция уменьшается.

Менеджеры корпораций, однако, распоряжаются чужими деньгами, и поэтому удорожание кредита лично на них не действует. Безработица тоже на них практически не распространяется: они легко находят себе работу. Если корпорация разорится, пострадают, как и полагается по закону, собственники — акционеры. Наемный трудящийся, менеджер, лишь потеряет работу и быстро ее найдет. Остальные же работники обанкротившейся корпорации станут безработными надолго. Корпорации есть главный источник инфляции и безработицы, на который монетаризм мало действует.

Вывод: следовать слепо примеру капитализма не стоит. Капиталистическое управление не выполняет своих главных задач: предотвращения инфляции и безработицы, обеспечения высокой социальной защищенности. И многим на Западе уже ясно, что господство частных собственников-предпринимателей со свободным высококонкурентным рынком для общества много лучше. Это, кстати, и будет следующая общественная формация, в которую уже начал эволюционировать капитализм.

КАК РЕШАТЬ ТЕКУЩИЕ ПРОБЛЕМЫ?

Спрашивается, можно ли исправить рассмотренные выше дефекты социализма без его ликвидации? Можно ли поднять очень низкую производительность, свойственную социализму, без замены социализма на более производительное общественное устройство? Предпринимаемые такие попытки свидетельствуют о незнании элементарных законов экономики. К сожалению, та же экономическая малограмотность приводит и к стремлению использовать капиталистический монетаризм для борьбы с социалистической инфляцией, а также ликвидировать дефицит бюд-

жета и наполнить государственную казну при разваленной социальном экономике.

Вообще говоря, ценообразование определяется структурой общества и производства. При социализме цены планируются, иначе — назначаются произволом Госкомцен и Госплана. Поэтому они всегда ошибочны, в среднем в сторону занижения: руководство страны нуждается в демонстрации низкими ценами «высоких качеств» своего правления. А когда скрытая социалистическая инфляция загнала финансы предприятий в тулик развала, пришлось катастрофически быстро и резко повышать цены. Это и есть «социалистическое ценообразование».

«Капиталистическое ценообразование» происходит все еще существующим конкурентным рынком корпораций, корректировка осуществляется лишь монетаристским вмешательством государства.

При господстве частных собственников-предпринимателей и свободного, высококонкурентного рынка ценообразование происходит через конкуренцию на рынке взаимодействием миллионов покупателей (населения) и миллионов независимых частных производителей. Инфляция предотвращается, и цены устанавливаются быстро, гибко и автоматически, на том минимальном уровне, который могут себе позволить покупатели и производители. Спрашивается, как можно реформировать ценообразование без реформы политического устройства общества?

Можно ли давать в долг государству-банкроту, которое уже в долгу как в шелку? Конечно, нельзя. Риск потерять свои деньги слишком велик. Так (вполне правильно) рассуждают западные банковские корпорации. Поэтому когда Горбачев, невзирая на свой «социалистический выбор», загнал государство в долговую яму, он старался осуществить невозможное: сбалансировать государственные расходы и доходы, чтобы чуть поднять кредитоспособность.

Поскольку насущно необходимых расходов огромная гора, приходится напирать на доходы. По существу начинается настоящий разбой и грабеж населения и народного хозяйства. Вводятся грабительские налоги, всякого рода грабительские платы за государственные «услуги», грабительские таможенные пош-

лины на ввоз. Хотя очевидно: следовало бы поощрять ввоз, чтобы ослабить товарный голод. Вновь и вновь повышаются и повышаются цены на государственную продукцию. Организуется широкая государственная спекуляция импортными товарами. Вывозятся в огромных количествах и распродаются на Запад за гроши сырьевые ресурсы страны: нефть, газ, алмазы, золото, ценные металлы, дерево и т.д.

Нечего удивляться, что страна все больше нищает, что народное хозяйство удушается и все больше разваливается, а кооперативы, частные предприниматели и фермеры не могут появиться в достаточном количестве, так как удушаются с особой силой. Между тем только они своей высокой продуктивностью могли бы вывести страну из катастрофы нищенской продуктивности социализма. Только они, подняв экономику на ноги и оздоровив ее, могли бы привести к ликвидации дефицита государственного бюджета. **УСТРАНИТЬ ДЕФИЦИТ ПРИ РАЗВАЛЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ — НЕВОЗМОЖНО.**

Ирония состоит в том, что банковские корпорации Запада требуют от Горбачева того, чем сам Запад не обладает. Я уже сказал, что США находятся в таком огромном долгу и уже десятки лет имеют такой огромный дефицит бюджета, какие Горбачеву могут присниться только в страшном кошмаре. Откуда же такая требовательность, в чем тут дело? В том, что государство в США, живя не по средствам, существенно отделено от экономики. Население своими трудом и способностями поддерживает на плаву экономику, которую само американское государство разваливает. Однако при нормальном функционировании экономики капиталистическое государство может позволить себе стать банкротом. Если же обанкротится экономика (любая), обанкротится любое государство. В СССР и разваливающееся государство «социалистического выбора» и разваливающаяся экономика — оба банкроты.

Монетаризм на Западе который западные экономисты называют «шоковой терапией» (шоковым лечением), терпит неудачу: и безработица растет, и экономика приходит к застою (стагнации), а инфляция упорно не хочет исчезать. Появился даже новый термин **СТАГФЛЯЦИЯ**, то есть и стагнация экономики и

инфляция одновременно. Причина этого, как я показал выше, — нечувствительность к монетаризму корпораций. В Англии в июне 1991 года в разгар борьбы с инфляцией менеджеры корпораций подняли себе зарплаты — на 66% (British Gas), на 330% (корпорация Tesco), а в одной из корпораций — на 43%, хотя ее прибыль в это время снизилась. Несмотря на это, западные экономисты предлагают Союзу и России ту политику, которая не работает на Западе.

Желание отобрать огромную «лишнюю» денежную массу у населения с помощью повышения цен — очевидно. Беда в том, что у большей части населения не было и нет этих денег. Они находятся, главным образом, у номенклатуры, в «теневой экономике». Эту часть населения мало интересуют низкокачественные товары ширпотреба, а количество денег у них имеет свойство увеличиваться при любых повышениях цен. Главное же, продуктивность настолько мала, а нужды нищего населения так велики, что разваленная экономика «социалистического выбора» просто неспособна создать баланс между массой денег и количеством продукции. Доказательство: апрельское повышение цен в два-три раза на пустоту полок в магазинах почти не повлияло. Если капиталистическая шоковая терапия имеет логику хотя бы в теории, то для «социалистического выбора» она вообще бессмысленна. Выход, повторю, из катастрофы только в том, чтобы любыми способами расплодить миллионы частных собственников-предпринимателей и фермеров. Тем самым резко поднять продуктивность экономики, жизни, ликвидировать дефицит бюджета и разбалансированность денег и продукции.

Окончание в № 49.

Украина

Я ПРИШЕЛ ДАТЬ ВАМ КИЛЬКУ

Ленин шагнул в историю прямиком с броневика, Ельцин — с танка. А вот генеральный директор черкасского НПО «Ротор» Алим Чабанов чуть не въехал в скрижали этой науки на... грузовике заводской автолавки, украшенной его (Чабанова) портретами.

Народный депутат бывшего СССР Чабанов решил продолжить свою политическую карьеру: податься в президенты «незалежной» Украины.

Справедливо решив, что путь к сердцу избирателя лежит через желудок, Чабанов щедрой рукой снарядил экспедицию в сельскую местность. Заводской грузовик набили деликатесами из фондов заводского снабжения: килькой в банках, майонезом, сардинами, тушенкой, вручили «доверенным лицам» подписные листы за кандидата в президенты и — в путь.

Сценарий «предвыборной кампании» был прост как правда: автофургон, который злые языки прозвали «броневиком Алима», заруливал в село: «Эй, братва! Кто за Чабанова — хватай банку и ставь роспись!» «Агитация» шла успешно. Население сметало консервы, подписные листы быстро заполнялись.

Таким вот необычным способом потенциальный президент сумел набрать аж восемьдесят пять тысяч подписей, чуть-чуть не дотянувшись до заветной цифры — сто тысяч

(именно столько голосов требовалось для регистрации кандидата). Очевидно, заводской майонез нектати кончился.

А если бы фонды НПО оказались побогаче, если бы кильки хватило для «обработки» большей территории? Еще неизвестно, кого избрала бы себе в президенты Украина...

Иван ГРУШЕЦКИЙ

Ростовская область

**ШИРИТСЯ РАЗМАХ
«РАСКОЛХОЗИВАНИЯ»...**

В Ростовской области распространилось явление, именуемое в компетентных кругах «Синдромом «Зари коммунизма». «Зарей коммунизма» назывался до недавнего времени колхоз, чье руководство первым догадалось: можно приобрести вполне соответствующий духу времени вид, оставаясь при этом по существу все тем же колхозом.

Рецепт реорганизации чрезвычайно незатейлив: был колхоз «Заря коммунизма» — стала «ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств «Заря», был председатель колхоза — стал председатель ассоциации. А коль есть новая вывеска и новое правление, «перестройку» можно считать законченной. При этом ни крестьянских, ни фермерских хозяйств в новорожденной ассоциации нет, они попросту не существуют как юридические лица, не имеют своих счетов в банке, лишены земельных наделов и всего прочего, необходимого для самостоятельной работы.

Опыт «Зари», избавленной, кстати, после реорганизации от «продналога», вдохновил многих других колхозных председателей области. Они теперь десятками слетаются в Ростовский научно-исследовательский центр «Агропромэкономика» с одной-единственной просьбой: разработайте пакет документов, помогите устроиться так, как колхоз-первопроходец!

К чести директора научно-исследовательского центра Гарольда Липковича, он неизменно отправляет просителей восвояси, каждый раз объясняет, что подобное «преобразование» — антинаучно, вредно, противозаконно,

наконец. Тем не менее реорганизация а-ля «Заря коммунизма» пустила корни уже по крайней мере в пяти районах области.

Сергей СИНЕОК

Никополь — Нижний Новгород

**СПАСИБО
ПРЕСТУПНИКАМ ЗА
НОВЫЕ АВТО...**

Кажется, никто уже не сомневается: своими силами милиция не сможет справиться с девятым валом преступности.

Вот и рабочие никопольского завода ферросплавов, уяснив, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих, потрясли мощной и изыскали в кассе несколько десятков тысяч «лишних» бундесмарок. На эти деньги через московское предприятие «Промси» были закуплены три очень крутых автомобиля — скоростная полицейская модификация «Форд Скорпио» по цене 48 тысяч за штуку. Два красавца «Форда» переданы госавтоинспекции, один — городскому отделу внутренних дел.

Милиционеры носятся теперь по небольшому городу, «гремя огнем, сверкая блеском стали», вселяя ужас во всякого рода злоумышленников...

А кривая преступности почему-то никак не хочет идти вниз!

Вадим ЗАСТАВНЫХ

...И ЗА НОВЫЕ ГАРАЖИ!

Для некоторых ответственных работников, впрочем, рост числа правонарушений может обернуться во благо...

Депутаты Нижегородского горсовета заинтересовались подозрительно хорошо организованным строительством комплекса личных гаражей в Советском районе города, необычным контингентом строителей, меняющимся через определенные промежутки времени.

Оказалось: на стройке работают граждане, получившие по приговору суда пятнадцать суток. За домашний, а не казенный ночлег и харч, за посулы «скостить» срок до десяти

В положенные дни «кукурузник», как и было объявлено, появился над полями и что-то там такое принялся разбрызгивать (что именно — так и осталось загадкой). Выполнить добрый совет «Агроотдела» (то есть вырыть убежища для всей живности и для себя заодно) пономаревцы, естественно, не смогли. И теперь со страхом ждут последствий: массового падежа скотины и ее хозяев, пчелиного мора или объявления района «зоной экологического бедствия».

Самые отчаянные и доверчивые пишут письма: «Хотим, чтобы наши дети были здоровыми». А что остается делать? По закону в суд можно будет обратиться лишь тогда, когда скажутся результаты отравления.

Дмитрий СЕМЕНИК

суток они гнут спины на людей, боящихся запачкать свои начальственные руки в растворе и кирпичной крошке. Вскоре были названы и имена хозяев гаражей: председателя народного суда Советского района Юрия Наумова, начальника Советского РОВД Юрия Снежницкого, заместителя начальника РОВД Степана Чернецкого.

«Разделение труда» у них, видимо, было налажено неплохо: один выносит приговоры, двое других «организуют и направляют» рабочую силу.

О.К.

Оренбургская область

КТО НЕ СПРЯТАЛСЯ?

Во время Великой Отечественной советских граждан иногда предупреждали о налете вражеской авиации и указывали, куда именно надлежит прятаться. Администрация совхоза «Пономаревский» Пономаревского района поступила со своим «населением» иначе. Причем не в хаосе войны, а в более-менее мирное время.

Объявление, автор которого скрылся под туманным псевдонимом «Агроотдел», известило округу, что с такого-то числа такого-то месяца «в совхозе работает самолет с сильнейшими ядами». Посему аноним советовал «немедленно убрать (куда?) пчел и скот». А «в случае отравления животных и пчел администрация ответственности не несет». В случае отравления людей, естественно, тоже.

Ярославская область

НЕ УЖЕЛИ КРИЗИС ПЕРЕПРОИЗВОДСТВА?

«Потепление политического климата увеличивает урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность скота в несколько раз» — возможно, именно так будет звучать новый величайший закон сельскохозяйственной науки. Приоритет замечательного открытия — за россиянами, точнее, за жителями Ярославской области.

Не успели демократы окончательно взять власть в свои руки, отпра-

вив компартию на свалку истории, как яровые овсы, картошка и помидоры в колхозах и совхозах Первомайского района стали расти как на дрожжах, коровы выдавать по двести литров молока в день, а свиньи пороситься тридцатью отпрысками зараз.

В общем, один из самых малоурожайных и голодных островков малоурожайной и голодной России в одночасье превратился в цветущий сельскохозяйственный эдем, заваленный выше головы «сверхплановой продукцией». А где «сверхплановая продукция» — там и контора, занятая ее реализацией. Исполком райсовета тут же организовал малое предприятие, вменив ему в обязанность распоряжаться излишками. Директором МП стал весьма знающий и уважаемый человек — бывший первый секретарь Первомайского райкома КПСС М.В.Боровицкий.

А горожане по-прежнему ждут, когда же «кризис перепроизводства», причиной которого послужило упразднение КПСС, перекинется и на магазинные прилавки...

Александр ПЕТРОВ

Донецк

ПРОГРАММА ВОДКИ НА НЕДЕЛЮ

Графики завоза водки в донецкие магазины начала печатать местная популярная газета «Город». По форме они напоминают опубликованную программу телевидения. Раз в неделю сообщается, сколько ящиков водки, когда и в какой магазин поступит.

Стоило газете один раз выйти без «программы водки на неделю», как в редакции стали раздаваться многочисленные звонки взволнованных читателей.

«Город» с радостью публиковал бы и «программу пива», но редакции ее пока предоставлять отказываются.

Дмитрий ДМИТРИЕВ

«Осколки» собирал Кирилл РЫБАК
Рисовал Константин РЫБАЛКО

Наш телефон 921-52-78

СТРОИТЕЛЬНЫЙ БИЗНЕС

СТРОИТЕЛЬНАЯ БИРЖА — единственная биржа страны, охватывающая весь цикл строительства от проектно-изыскательских работ до сдачи объекта под ключ.

Экспертиза сделок и проектов,
страхование, юридическая
поддержка.

**ПРОЧНЫЙ ФУНДАМЕНТ ВАШЕМУ ДЕЛУ
МЫ ГАРАНТИРУЕМ**

Строительная
БИРЖА

☎ : 128-97-22

Факс: 128-47-86

*Заявки на продажу брокерских мест принимаются
в письменном виде по адресу: 117393, Москва,
ул. Архитектора Власова, 51.*

Андрей ШВЕДОВ

ЧЕРНЫЙ САД

Но — последняя картина. Атерк. Мы рванули туда после захвата сорока заложников местными жительницами. Руководила операцией русская женщина, учительница Тамара. До этого солдаты взяли четырнадцать армян — среди них ни одного фидaina — и отдали их на растерзание ОМОНу.

И снова в село вошли БТРы. Но их уже ждали. Колонну взяли женщины

в кольцо (не все же армии проводить одноименные операции), Тамара и жена Жорика, последнего арестованного, стали заговаривать солдат, женщины теснее сжимали круг, стали взбираться на БТРы — и Тамара первая сорвала с сержанта автомат. Кто-то попытался сопротивляться, и тогда подошли два фидaina, и дальнейшее разоружение и пленение произошло в секунды. Конечно, кроме акта отчаяния, это была и четко спланированная операция. Солдаты знали, что они на

мушке. Но честь и хвала тем, кто не поднял оружие, потому что не мог стрелять в безоружных!

И вот над селом дамокловым мечом нависла кара.

— П... Сотрут с лица земли, — сказал Саша Григорян.

— Ну, это еще будем посмотреть.

Последняя рюмка тутовки перед дорогой, прощание, благословение, и мы вместе с двумя депутатами Моссовета и двумя мемориальцами сели в газик. С Богом! Со мной ехал знаменитый Лев Балашов-

Мыльница. Это именно тот армянский анекдот, что в Вериншене, никого не спросив, пошел поговорить с «противоположной стороной». С ним еще, по-моему, человека четыре. Вышли на знаменитое пшеничное поле (то, что под обстрелом с двух сторон), и «противоположная сторона» тут же начала высказывать свое мнение. Разговор тянулся семь часов (если верить Балашову) и, честно сказать, был несколько односторонним. Но очень убедительным. «Противоположная сторона» вела его короткими фразами, укладывая их в землю сантиметрах в двадцати от ушей, желавших побеседовать, из хорошо подобранных в сорокапятязарядных омовских рожках четких острых словечек в пять-сорок пять. Пришлось залечь и окопаться. И — откуда что берется? — все это сделали блестяще с помощью только собственных ногтей и зубов. Вот она, генетическая память!

Но глубже всех понял «противоположную сторону» зачинатель беседы — Лев Балашов. У него в руках оказалась мыльница. Ведь это надо додуматься! «Оружие депутата» — как он сам потом говорил. С ее помощью он оказался не только в самом грамотно вырытом окопе, но и, когда беседа несколько затянулась, справлял свои естественные депутатские надобности: писал. Да, господда, на войне всякое бывает.

— Лева, как же это ты умудрился?! — искренне вскидывала брови Галина Петровна Синянская (КРИК), одна из многочисленной армии женщин-героинь, помогающая хирургу в Вериншене, выслушивая в пятый раз все подробности.

— Я написал семь мыльниц! Ровно семь. Пули ложились прямо около меня — вот так... И что мне было делать?

— Ну а почему это надо было делать в мыльницу?

— Я — культурный человек! И не могу, чтобы лежащим рядом со мной товарищам пахло. Я писал и плескал, и плескал далеко, а пули ложились рядом!..

С этой мыльницей он, когда стемнело и беседа с «противоположной стороной» закончилась, ворвался сначала к Шагену, разнося предводителя фидайнов в пух и прах за то, что тот посмел оставить его без охраны — сам смылся, никого не спросив, — а потом размахивал ею в Ереване в приемной Зория Балаяна (где мы имели счастье познакомиться),

звоня по прямому телефону в Москву и требуя от родственников найти в квартирах достойное место под музей сего исторического предмета.

— У вас все депутаты такие? — раз двадцать, когда судьба, испытывая мое терпение, сталкивала меня с моим избранником — спрашивали меня в Карабахе. Ну что я мог ответить?..

— «Еще один депутат» — Левина приставка — был по сравнению с основным нормальным, но как он сам — Алексей Погорилый — чисто-сердечно признавался: «Говорить научился год назад, до этого заикался».

Виктор Попков — Мемориал — и Арик, по-моему, из Моссада. Мы всю ночь — еще в Степанакерте — талмудировали Ветхий Завет, и я ему проспорил: египетских казней было действительно десять. Я больше не призываю к насилию (по условию спора), Арик может с честью носить свою кипу (по условию спора) — хотя, в общем, Тору можно знать и получше.

И вот «компания такая» первым буфером прибыла в Атерк. Арсену надо было оставаться в редакции. Он потом привез в Москву мои вещи. Был уже глубокий вечер. Мы ехали часов пять с заездом к кому-то в гости и сменой машин. Усиленные посты удалось удачно обойти. Нас накормили, напоили и разложили спать.

Здорово все-таки живут в Карабахе! Мы были в доме у обычного мента — страна чудес: я и милиция здесь стали лучшие друзья — и нас никто не ждал, но всем хватило и подушек, и перин, и одеял, не говоря уж о баранине и водке. Да, им есть, что защищать. Утром все село знало о нашем прибытии, и у штаба (бывшей конторы) собралась гудящая куча народа.

И вновь мы в Карабахе людской беды. Ведем и ведем этот список, «имя которому горе, плачь и тоска...» — стоим с Лешей Погорилым («еще один депутат») в середине толпы и заполняем страницу за страницей: имена, даты, беды...

Атерк хлебнул побольше многих. Сюда раз пять заходили войска, и каждый раз один спектакль — «паспортизация». Бронированная саранча окружает село, вылезают на качанные водкой или барбитурой мародеры, заходят в дома, гремят затворы, бьются стекла, забираются цветные телевизоры, магнитофоны, деньги, украшения и кто не успел

скрыться из мужчин — тоже с собой, как самый дорогой товар. Прикладом в лицо бросившюся на колени мать, спецназовским ботинком под стол рванувшегося за ней ребенка — ВВЭшная братва, груженная товаром, откатила. Проверка паSPORTов прошла успешно. Я не слышал ни об одном случае, чтобы при паспортизации хоть у кого-нибудь действительно потребовали паспорт. Как-то раз три армянина сами протягивали солдатам свои документы, чтоб те убедились, что они местные и отпустили их домой. Солдаты паспорта порвали. Как спитесь вам, ребятки?..

Но вот мы в штабе, и вопрос «что делать» стоит так же насущно, как семьдесят с лишним лет назад перед теми, кто вообще заварил всю эту кашу.

— Надо вызвать сюда кого-нибудь из депутатов Союза или России.

— Шабад уже летит. А Смирнов... Не знаю, Миша, ты дозвонился? — говорит Вазген, командующий местной обороной, ереванец.

— Да, я Гале Старовойтовой сказал. Она обещала найти и вызвать.

Миша — второе лицо в штабе. Местный житель (из начальства).

Гала Старовойтова здесь была, ее помнят и любят.

— Обязательно, обязательно нужны еще депутаты. Одно дело — депутат, другое — не депутат. Будете звонить в Москву, скажите, что я здесь, или дайте мне трубку.

Сами понимаете — Балашов.

Тем временем обстановка накалялась. Полянничко, тогдашний председатель оргкомитета, орал: «Я не пойму нерешительность внутренних войск! Почему медлят?»

Эта кровавая обезьяна сейчас в Москве. Фидайны давно подписали ему приговор...

Жуков — тогдашний комендант — приводил в повышенную готовность войска. В селе все это узнавалось моментально, и с каждым шагом приближающейся опасности, в постоянном гуле собравшейся толпы перед штабом, усиливались режущие ухо и сердце обертоны отчаяния.

Но все до поры. Когда позвонил специально прибывший в Степанакерт из Москвы генерал Стариков и сказал, чтобы женщины и дети убегали из села, потому что операция по захвату заложников может начаться в любой момент, — мир получил знаменитый ответ женщин Атерка. Ни одна женщина не сделает

отсюда ни шагу. Когда начнется атака, мы обвяжем себя бутылками и первыми будем бросаться под БТРы. Советская Армия лишила нас страха...

Читала Тамара. И — надо было видеть! — слившиеся воедино вспыхнувшие глаза, как недостойного ухажера, презревшие смерть. Потом — что ж оставалось делать — Погорильный, Балашов и я (каждый отдельно) заявили, что остаемся в селе до решения вопроса, а если начнется штурм — будем защищаться вместе с жителями.

Когда мы говорили это, люди плакали. Да и нам самим трудно было сдерживать подкативший к горлу комок. Хорошая была минута.

В общем, успокоились и пошли обедать. Всю нашу группу уже растащили по домам. Нас с Лешей пригласил к себе Арег — пан Спортсмен — преподаватель физкультуры в местной школе. Ему как мастеру спорта по самбо удалось отбиться от длиннющей очереди желающих иметь честь нашего присутствия в своем доме. У Арега отличный дом. Два телефона (меньше в Атерке, по-моему, не бывает). Это в Атерке... Вечером он нам устроил баню (с отключенной в селе водой и светом), а потом для меня — даже тир. И, завернутый в

белую простыню, я шмалел в нарисованный профиль из нагана... У Арега тоже несколько раз устраивали погромы. Он был вынужден скрываться, а его жене, беженке Ларисе, воины, заваливаясь в дом, еще раз напоминали о бакинском кошмаре. И дети моментально прятались под стол при словах: солдат и БТР. А ведь и те и другие содержатся, в частности, за счет налогов жителей того же советского Атерка...

Нас с Лехой разбудили среди ночи. Арег стоял со свечой и тряс меня за плечо.

— Что такое, уже война?

— Не знаю. Вам звонят из штаба.

Вскакиваем. На террасе, как две блуждающие плоскости, горящие тревогой глаза Ларисы.

— Алло. Что там такое?

— Андрей, хотите попригласовать? Мы делаем первый шаг доброй воли — отдаем трех солдат. Можете с ними побеседовать.

— Конечно, хачу!

Солдатики имели жалкий вид. Помните майора из «Мертвого дома» Достоевского? Как он был страшен, когда имел власть, и как жалок, когда ее потерял. Так всякий, поставивший не на личное мужество, а на данную ему кем-то силу, при ее изъятии теряет и свое последнее...

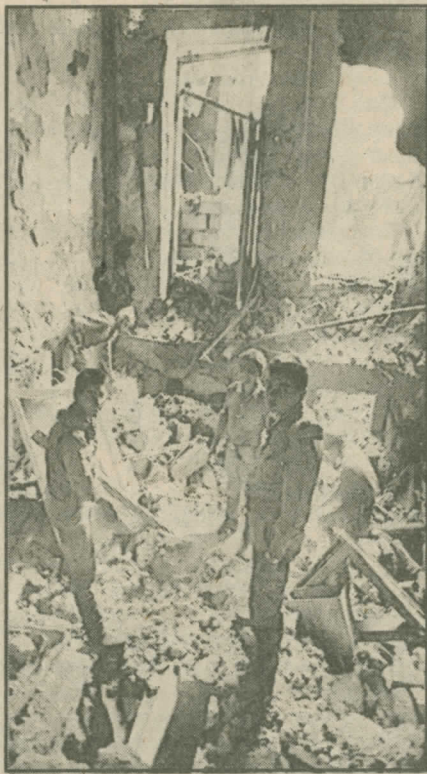
Как было жаль ребят! Они, конечно, говорили, что лично не принимали участия нигде, стояли только на постах, дороги охраняли. Вот первый раз вошли в село, и сразу их сцапали. И что они, конечно, в женщин не могли стрелять... То же самое говорили и те двадцать в землянке из следующей партии, которых выдавали в обмен на Жорика.

Как было жаль ребят! И я еще раз помолился, чтобы в армии российской возродился дух Корниловского офицерского полка, когда с боезапасом на одну атаку, порывом любви и мужества, как женщин, брали города...

Ребят отпустили. Мы пошли спать. А утром прилетело подкрепление. Владимир Смирнов (говорил), Анатолий Шабад (говорил), Елена Лунина (солдатская мама), Инесса Буркова (писательница) и ребята из Арменпресс.

Тут же вступили в переговоры со Стариковым и Жуковым и договорились о встрече.

Через пару часов военный вертолет приземлился на поле у села. В нем под спецназовской охраной шли переговоры. С нашей стороны были Смирнов, Шабад и примкнувший к ним Балашов, со стороны противника — Стариков и Жуков.

Независимую прессу, как всегда, не пустили. И пока мы битый час скучали за кустами у дороги, нас кормила сливами солдатская мама Лена Лунина.

Переговоры, как всегда, ни к чему не привели. Но по окончании Смирнову как-то удалось затащить Старикова и Жукова на десятиминутную беседу с нами.

Стояли две раскормленные рожи. Один отпирался, другой хамил.

Стариков. Да, я плачу вместе с армянскими матерями!..

Жуков. Ваши дикие выпады оскорбляют достоинство Внутренних войск.

Стариков. Поверьте, я всей душой хочу, чтоб все кончилось мирно, чтоб всех вернули и чтоб вообще здесь все кончилось. Ведь ко мне приходят и армянские, и русские матери... Нет, ни о каких зверствах военнослужащих я ничего не знаю. Пожалуйста, пишите прокурору...

Жуков. Наши Внутренние войска свою задачу выполнят!..

— Ваши, полковник.

— Наши!

— Ваши!

— Мы ни до чего не договоримся...

Беседовали дважды. Это суть. ВВэшники были уверены, что сотни БТРов вот так хватит, чтобы стереть с лица земли село. То же самое думали и Смирнов с Шабаром.

Фидаины, заминировав все дороги и зная, что практически ни один БТР в село не войдет, боялись, что, если они грохнут эту часть, сюда пригонят огромные силы СА и начнется массовый террор во всех селах и Степанакерте.

Смирнов пытался дозвониться до Москвы. Количество меняемых армян было снижено до шести. Но Шаталин через Старикова передал, что он солдат на боевиков не меняет (Дух Отца и Учителя навсегда в их сердцах). Кроме того, ранее задержанные уже в Шушинской тюрьме, и Азербайджан их не выдаст.

Азеринформ давал провокационные сведения о том, что все захваченные солдаты перешли на сторону армянских боевиков и будут сражаться против Советской Армии.

Наконец был поставлен ультиматум. Если к двум часам не будут возвращены все военнопленные — войска штурмуют Атерк.

Оставалось полчаса. Мы сидели в штабе. На стенке тикал маятник.

— Давайте посоветуемся, сказал русский полковник. — У кого какие будут предложения?

Все молчали. Я понимал, что если принимать бой, то надо сейчас взрывать БТРы и блокировать дороги, не допустив их в село, иначе будет море крови.

— Начать атаку первыми, — сказал я, — единственная возможность спасти людей. Или согласиться с требованиями военных.

Шабар замахал руками.

— Достаточно, достаточно. Кто еще?

Вазген с Мишей переглянулись.

Депутаты, как всегда, далеки от народа. Никто из них не знал о возможностях фидаинов. У них все было просчитано, и каждый БТР, и каждый пост стоял там, где надо... И сильно рисковали жизнью те, кто обещал попортить ее нам.

— Да нет, они не нападут. Они не поспеют. Здесь же депутаты!.. Надо еще раз позвонить в Москву, найти Ельцина и Горбачева.

— Горбачев в Крыму, Ельцин тоже отдыхает.

— Господа, у нас есть полчаса. Не пойти ли нам пообедать?

— Хорошее предложение, Андрюша! — засмеялся Вазген, и мы вместе встали.

Следом за нами вышли бесстрашные проголодавшиеся дамы. А вскоре и остальные последовали хорошему примеру. В коридоре встретили Тамару.

— Ну как, женский батальон готов?

— Мы всегда готовы.

Она была уже одета по праздничному: в белой кофточке и ярко-синей юбке. Рядом стояла большая хозяйственная сумка с закигательными бутылками.

Спустившись, Вазген с Мишей куда-то рванули на «газоне», а на нас с Лехой нахлынула толпа. «Ну, как там?», «Что там?», «Что говорят?», «Что будет?»

— Воевать будем.

— Не договорились?

— Нет. С ними можно договориться только стингером. Так что готовьтесь — есть полчаса.

— А вы куда?

— Обедать. Арег, успеешь накормить?

— Да, у Ларисы все готово.

— Главное, чтобы тувочка была.

Определенность — всегда переход к делу. Тревога, томление и страх сменились рабочим настроением. Замелькали ребята с винтовками и автоматами в руках. Люди пошли занимать оборону. И мне, пока дошли до Арега, приятно потягивала кар-

ман «пирамид» зеленая противопехотная граната.

Сели, покушали. Выпили за победу. Тишина. Время ультиматума прошло. Выпили еще. Тихо.

— Пойдем-ка в штаб. Узнаем, в чем дело. А то люди скажут — мы их обманули.

К трем подошли к штабу.

— В чем дело, Владимир Сергеевич, где обещанная потеха? — Не знаю. Сам удивляюсь. Обычно они давали время вперед, а сами тут же начинали. А тут...

Вопрос до сих пор остается вопросом...

Вернулись Вазген с Мишей. Вазген с балкона по-армянски обратился к народу. Его речь встретили одобрительными возгласами и гулом. Потом он сказал нам:

— Фидаины согласны поменять всех солдат на одного Жорика. Люди — тоже. Даже настаивают на этом.

Ну, что ж: так-так-так. Дорого же здесь ценится боевик, как доллар к рублям.

Менять решили в три этапа. Сначала отдают пятнадцать солдат, а они — Жорика. Потом — еще пятнадцать, а они отводят половину войск. Последние десять — и все ВВэшники возвращаются в Степанакерт.

Пленные уже были очень далеко, поэтому обмен состоялся только под утро. До этого войска захватили еще трех попавшихся под руку армян. Одного удалось отбить Шабару, а за двумя остальными мы со Смирновым ездили всю ночь (у них вроде видели оружие). Их обменяли на документы. Причем сначала Жуков хотел повернуть чисто ментовский трюк. Вы, мол, привезите их паспорта, отдайте, пусть депутат напишет расписку, что он их забирает, и потом мы вам их вернем. Смирнов, по неопытности, чуть было не купился. Но рядом с ним был тот, кто на этих штучках собаку съел, и обмен — с третьего захода — прошел благополучно. Смирнов показал им паспорта (расписку, я сказал, чтоб не давал), они вернули ребят, и — когда ребята были уже у нас в машине — Смирнов отдал им документы... Тем осталось только посмотреть и вернуть.

В штабе мы увидели переломанного, лежащего на стульях, еле дышащего Жорика. Солдаты немного поразмялись в БТРе...

Это было в ночь перед Большим Спасом. В семь утра (по Еревану) к нам с Лехой в спальню на руках вошел Арег.

— Ара, что с тобой, ты ж с утра не пьешь?

— Горбача сняли!..

Мы с депутатом переглянулись.

— Повтори.

— Мишку сняли. Вон по телевизору говорят. Так ему и надо.

Михаила Сергеевича здесь любят.

После прослушивания исторического заявления ГКЧП мы вышли на улицу, и впервые вместо черных — цветущие сады всенародного ликования.

Уж на что у меня вроде язык подвешен, но далеко не сразу сообразил, как все-таки объяснить-то.

— Ладно, Горбачева сняли. А вы знаете кого поставили?

— Кого?

— Поляничко.

— Как?

— Вот так. Вместо него стал такой, как Поляничко...

Вроде дошло. Сад опять стал черным. Когда пришли в штаб, увидели такой же сад на лицах наших депутатов.

Ох, вовремя мы обменяли Жорика! А то б за время этой заварушки быть ему в Шуше.

По телефону из Степанакерта уже загремели первые угрозы. Но в них — мы видели — дрожащие руки главшпана потешной восьмерки, которая в последний раз подала ложную надежду всей этой сволочи...

Мы уже дружно рвались в новый бой. Смирнов звонил Балаяну и намекал насчет фальшивых документов. Балашов спрятал депутатский значок (решив сохранить его для потомства вместе с мыльницей), Елена Владимировна громко переживала, что она вдруг оказалась не в самом опасном месте на Земном шаре, Буркова пронцательно выскивала главного виновника — самого Горбачева, Леша Погорилый прикидывал, какими партизанскими тропами он будет добираться от аэропорта до дома, а я спорил с Шабадом — сколько они протянут, давая им срок до пятницы, а Шабад — три года.

Ошиблись оба.

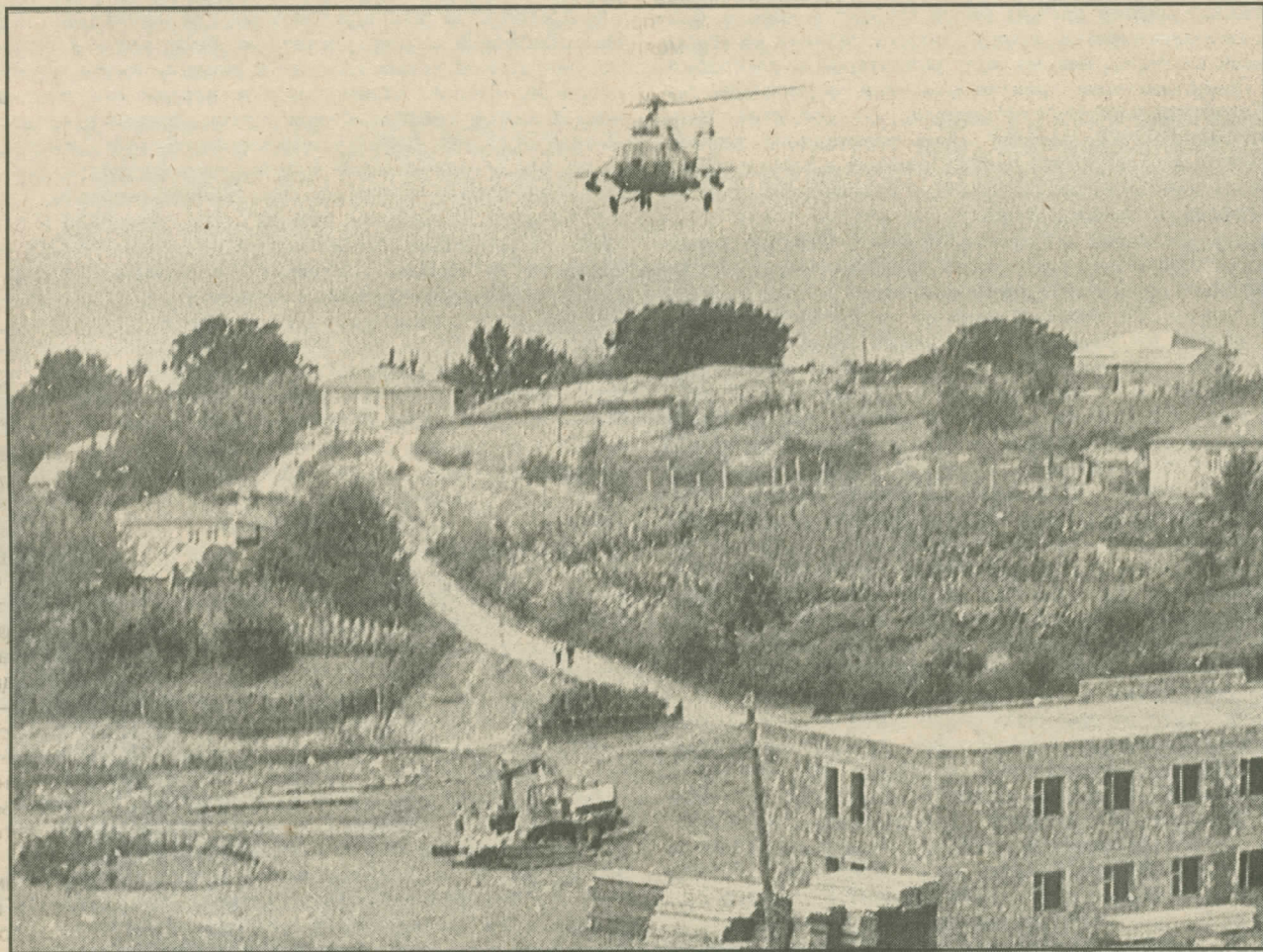
И вот последний обед — у тех ребят, что мы освободили ночью, — и в три часа вокруг присланного Балаяном вертолета собралось все село. И во взмахах рук, в прощальных криках и глазах была новая степень породненности — породненности общей беды.

Наш вертолет взлетал.

Пока писал, прошло два месяца. Я еще раз смотался в Карабах. В Степанакерте встретил Ельцина. Самое запомнившееся — удивительно красивая горная петушиная переключка в ночь перед приездом трех президентов. Остальное: тягомотина официальщины, пустые договоренности и разные цели трех разных людей...

Главное — что дал трехдневный Карабах у «Белого дома» — армия никуда не суется. Почти. И я уверен — уйдет. А кто и как умеет драться без посторонней помощи — показывают последние события...

Фото С.Абовяна и А.Федорова

Савик ШУСТЕР

КАВКАЗСКИЙ УЗЕЛ

Еще только три месяца назад Савик Шустер — ответственный редактор информационной программы «В стране и мире» радиостанции «Свобода» был, так сказать, «невъездным» в нашу страну. Владимир Крючков на запрос одного из народных депутатов СССР лично ответил, что не впускают и не впускают, так как он «подрывает» и «разваливает». Теперь Крючков в тюрьме, а Шустер — в СССР. Он побывал в разных «горячих точках» нашей страны, и в том числе в Чечено-Ингушетии, в самые горячие дни конфликта. Публикуем его репортаж, написанный специально для «Столицы».

Джохар Дудаев расположился глубоко в кресле, бросил сосредоточенный взгляд боевого летчика на группу усевшихся перед ним на полу репортеров и расслабился. Представителей средств массовой информации было немного, человек пятнадцать, но средства были представлены все: печать, радио, телевидение, причем, несмотря на труднодоступность региона в те три напряженных дня, журналисты приехали отовсюду: с Кавказа, из России, с Запада. В холле, на втором этаже обкомовской гостиницы в Грозном, началась международная пресс-конференция победителя Ельцина. С улицы спорадически доносились звуки выстрелов, очередей, залпов, приветствовавших решение Верховного Совета Российской Федерации не утверждать Указ президента о введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушетии. И даже 24 часов не прошло с того момента, когда с трибуны «Белого дома» Сергей Шахрай — *vox praesidentis* — предупредил: отмена указа создаст прецедент и повлечет за собой крах России. Это было вечером 10 ноября, а днем 11-го на лице президента Дудаева словно был отпечатан лозунг: «Путч не удался, да здравствует революция!» Он говорил репортерам об эффекте домино на Кавказе, о распаде второй российской империи, о суверенной демократической Чеченской республике. «А что если Россия подвергнет вас экономической блокаде?» — раздался вопрос. «Мы ответим блокадой, Россия больше нуждается в Чечне, чем мы в ней», — ответил, глядя прямо в телекамеру, Джохар Дудаев. Стало жарко, кто-то открыл окно, и эти слова как будто растворились в дымах, вырывающихся из труб нефтеперерабатывающих предприятий, которыми окружен Грозный. «Чего вы тогда опасаетесь?» — наседали журналисты. Шел второй час пресс-конференции. «Землетрясения», — не задумываясь, ответил президент Чеченской республики. Землетрясения можно вызывать, мы это знаем, у меня есть заключения экспертов, что это возможно, мы опасаемся «грузинского землетрясения». Западные журналисты растерялись. «Файнэншл таймс»,

опубликовавшая 13 ноября довольно подробный отчет о пресс-конференции Дудаева, этот ответ опустила.

«Александр Руцкой и Руслан Хасбулатов Вас называют сумасшедшим мафиози. Вы же заявили, что Генеральный прокурор Степанков — жулик. Где же найти теперь пространство для чечено-российского диалога?» — удивился я. «А я и не собираюсь вести с ними диалог», — по-солдатски ответил президент Дудаев. «Даже с президентом Ельциным?» — не переставал удивляться я. «Даже с президентом Ельциным», — сказал Джохар Дудаев и продолжил на одном дыхании: «Впрочем, с Борисом Николаевичем — да, он единственный в российском руководстве приличный человек». Я имею большой опыт участия в международных пресс-конференциях, и мне стало понятно, что Джохар Дудаев — инстинктивный и неопытный политик. Он, несомненно, располагает поддержкой народа — чтоб это осознать, достаточно было час постоять на площади Свободы, где непрерывно шел многотысячный митинг, достаточно было зайти в любое из учреждений новых властей и увидеть толпы парней, стариков, женщин, стремящихся в гвардию или ополчение. И в этой революционной стихии коренного населения даже самые демократические круги русскоязычного населения испытывали чувство неуверенности, однако это понятно — второсортность грянула внезапно.

К вечеру 11 ноября в Грозном стало спокойней. Люди стали расходиться по домам. На площади Свободы остались гвардейцы, ополченцы и сбежавшие из Наурского лагеря особого режима заключенные; конечно, не все 697, только те, кто решил сражаться на стороне революции. В Назрани, ингушском центре, наоборот, становилось тревожней. Вдоль дороги Грозный—Назрань горели костры. У огня грелись патрули-добровольцы. Остановивали каждую машину, часто проверяли документы и багажники, охотно вступали в разговор. Мы не доверяем Руцкому, мы не верим, что все обошлось, — таков был сквозной ответ чечено-ингушских патрулей вдоль этой 100-километровой трассы.

Около полуночи у исполкома народных депутатов в Назрани все еще толпились люди. «Вы кто?» — остановил нас дед с калашниковым. «Радио «Свобода», — сказал я. «А мы даже Деникина не пропустили», — гордо заявил дед, имея, конечно, в виду не радио «Свобода», а российский спецназ.

Председатель исполкома Иса Кодзоев встретил нас так: «Беда у нас, беда».

Беда, в принципе, состоит в том, что демократическим путем избранные власти в Российской Федерации относятся к чувству собственного достоинства автономий с тем же пренебрежением, с которым авторитарные власти центра воспринимали чаяния малых народов империи. Лозунг «Единая и неделимая» в посткоммунистической России более бесперспективен, чем когда-либо. И народы, не собиравшиеся покидать Федерацию, ощущают себя загнанными в угол, соблазненными (демокра-

тией) и покинутыми (ее пророками). Один из таких соблазненных и покинутых народов — ингушский.

С точки зрения ингушей, закон о реабилитации репрессированных народов, принятый ВС РСФСР 26 апреля 1991 г. и содержащий две статьи о территориальной реабилитации, предусматривал возврат Ингушетии части Владикавказа и пригородных районов, отданных Сталиным Северной Осетии. Тот факт, что эти районы являются самыми густонаселенными в Федерации, должен был заставить ингушей не питать ложных иллюзий относительно простоты решения этого вопроса. Однако, говорили мне в Назрани, последовавшие за принятием закона визиты госсекретаря РСФСР Геннадия Бурбулиса и вице-президента Александра Руцкого, которые на каждой встрече выражали понимание и не скупилась на обещания, внушили ингушам уверенность, что земли им будут отданы.

Впоследствии же российское руководство, повидимому, осознавшее степень взрывоопасности ингушко-осетинской ситуации, никаких практических шагов не предприняло. Начало широкой общественной дискуссии по этому вопросу положено не было, не было попытки посадить представителей двух народов за круглый стол. А проблема-то классическая: «одна земля, два народа», и военное ее решение чревато тысячами и тысячами жертв. Однако к середине 1991 г. Москве, союзной и российской, было не до Кавказа. Российское руководство прошло через муки союзного договора, напряженность попытки государственного переворота, сладость постпутчевых ликований и дележа имущества. В Чечено-Ингушетии были свои победители, выступившие 19 августа на стороне защитников «Белого дома», Дудаев и Кодзоев, которых волновали вопросы местно-

го значения: утраченный суверенитет — первого, потерянные земли — второго. И когда 16 октября председателю Совета Министров Чечено-Ингушетии Сергею Бегкову, ингушу по национальности, все-таки удалось добраться до Бориса Ельцина в Москве, президент РСФСР попросил двухнедельную отсрочку для подготовки полной документации по вопросу Владикавказа и пригородных районов и еще две недели для принятия решения.

Ингуши должны были потерпеть до 16 ноября, и в Назрани эта дата стала рассматриваться своего рода сроком ультиматума. Между тем в Ингушетии накапливалось оружие, создавались гвардия и ополчение, шла подготовка к войне против Северной Осетии. А вспыхни война, очевидно, что чеченцы, а с ними ряд народов Кавказа встанут на сторону ингушей. Россия, в свою очередь, пока сумела только бросить ОМОН на ингушко-осетинскую границу.

— Увы, Россия решила поддержать христиан в борьбе против мусульман, — с горечью сказал нам Иса Кодзоев, — и каждому из нас не остается ничего другого, чем пойти и силой вернуть семейные земли. Это будет невиданное кровопролитие.

Итак, ситуация на грани трагедии. Власти предрекшие в российской столице это прекрасно знают и бездействуют. Такого рода пренебрежение к проблеме хотелось бы объяснить инстинктивностью и неопытностью политиков в «Белом доме», да нельзя. Ведь слова «я ничего не знал» стали лейтмотивом не только горбачевской перестройки, но и ельцинского пост-коммунизма, и здесь преемственность налицо. Более того, как после Тбилиси, Баку, Вильнюса, так и после Чечено-Ингушетии мы вынуждены задаваться привычным вопросом: кому это выгодно?

ОПТОВЫЕ ПОСТАВКИ ЗА РУБЛИ **Московский торговый дом «Восток Лтд»**

ОКАЗЫВАЕМ помощь организациям и предприятиям в заключении контрактов с аккредитованными в Москве иностранными фирмами и СП на поставку за рубли партий одежды, обуви, бытовых электро- и радиотоваров, телефонных аппаратов, радиотелефонов, телефаксов, часов, фотоаппаратов, микрокалькуляторов, пива и др.
ПРЕДЛАГАЕМ заключить контракты на поставку за рубли технологических линий по переработке мяса, по производству мороженого, хрустящего картофеля, промышленных морозильных установок, мини-заводов по производству пива, кирпичных заводов.

Если у Вашей организации нет валюты для оплаты Вашего контракта, обращайтесь к нам, мы **ОКАЖЕМ ВАМ ПОМОЩЬ** в приобретении СКВ.

ПРИБОРЕТАЕМ СКВ за рубли у организации.

ПРЕДОСТАВЛЯЕМ брокерские услуги по продаже и закупке стройматериалов, товаров, сырья, недвижимости.

Для получения бесплатных списков контрактных товаров направляйте заявки по адресу: 103489, Москва, Зеленоград, кв. 705, «Восток Лтд». По этому же адресу направляйте заявки на продажу и приобретение стройматериалов, товаров и сырья.

Справки по телефону: 536-12-81 (с 11 до 18 час.), факс: 536-12-81 (после 20 час.).

ИМИДЖ
РЕКЛАМА

МЫ УЧАСТВОВАЛИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ТОННЕЛЯ ПОД ЛА-МАНШЕМ...

В 1991 году «Энергомашэкспорт» отметил 25 лет работы на международных рынках. В этом же году был зарегистрирован как акционерное общество.

Председатель Правления — Генеральный директор — Носанов Михаил Валентинович:

тел. в Москве 288-84-56, факс 288-79-90

— Михаил Валентинович, в последние годы мы непрерывно убеждаем самих себя, что промышленность в стране находится в кризисном состоянии. На Западе мы можем поставлять только сырье. Товары нашей конкуренции выдержать не могут. И тем не менее «Энергомашэкспорт» продает за рубеж машины и оборудование. Выходит, не все так плохо?

— На самом деле на наших предприятиях производится много крупного оборудования, которое пользуется устойчивым спросом за рубежом. За эти 25 лет мы поставили в разные страны мира продукции на миллиарды долларов. Мы имеем большой опыт участия в так называемых тендерах. Это не прямые заказы, которые осуществляются по соглашению между правительствами, а международные торги. И мы выигрывали их, и выигрываем, и заключаем контракты. В жесткой конкурентной борьбе с фирмами западных стран.

На сегодняшний день мы имеем контракты на сооружение электростанций в Мексике, Греции, Аргентине. Вот, посмотрите, на этой фотографии самолет доставляет нашу турбину в Канаду. Мы закончили сооружение десяти энергоблоков мощностью 210 мегаватт в Китае. Осуществляем поставки железнодорожного оборудования и подвижного состава. Мы участвовали в строительстве тоннеля под Ла-Маншем — поставляли металлоконструкции вместе с английскими и французскими фирмами. Это был довольно крупный контракт.

Повторяю, наша страна может и должна продавать не только сырье, но и хорошее оборудование. Правда, во многих случаях оно требует усовершенствования, модернизации. Но оно, в принципе, конкурентоспособно на мировом рынке.

— 25 лет успешной, по вашим словам, работы...

Зачем же понадобилось все менять, создавать акционерное общество?

— Мы ставили перед собой две цели. Во-первых, с учетом опыта западных стран создать структуру, спо-

собную работать в условиях рынка. И во-вторых, провести смену формы собственности.

Учредителями акционерного общества кроме коллектива «Энергомашэкспорта» являются несколько крупных предприятий:

- Концерн «Тяжэнергомаш»,
- П/О «Ленинградский металлический завод»,
- П/О «Харьковский турбинный завод»,
- П/О «Запорожтрансформатор»,
- Стахановское п/о вагоностроения,
- П/О «Электростальтяжмаш».

Как видите, у нас есть как государственный капитал (предприятия), так и частный (взносы людей, которые работают у нас и являются акционерами).

— Лично мое представление об акционерных обществах связано с зарубежной литературой: «Покупайте акции серебряных рудников в Австралии» и так далее. Но ваши акции, как я понимаю, в продажу не поступают...

— Пока в стране рынок ценных бумаг практически отсутствует. По решению акционеров хождение наших акций ограничено. Но, я думаю, настанет время, когда на бирже ценных бумаг вы сможете приобрести акции «Энергомашэкспорта». Кстати, несколько иностранных фирм уже обращались к нам с просьбой продать акции нашего общества. Думаю, это следующий этап нашей деятельности.

Каждый акционер, который внес средства, рискует ими. Он заинтересован, чтобы вложенные деньги приносили прибыль. И я думаю, что здесь уже речь идет о переменах в психологии. Что очень важно. Многие акционеры не настаивают на том, чтобы получать большие дивиденды. Они считают, что целесообразнее средства, заработанные акционерным обществом, вложить в развитие этого же акционерного общества.

— Сейчас много жалуются на бюрократию, неразбериху в государственном аппарате. От вас я таких жалоб пока не слышала...

— Мы строим свои отношения с предприятиями на прямых связях. Это позволяет нам как можно меньше зависеть от того, как перестраиваются сейчас государственные структуры. Мы имеем договоры с 280 предприятиями. Кроме этого, у нас разветвленная сеть заграничных учреждений и длительные, устойчивые связи с иностранными фирмами. Мы имеем представительства

и акционерные общества в 24 странах мира. Назову лишь несколько: Аргентина, Бельгия, Франция, все страны Восточной Европы, Греция, Египет, Индия, Турция, ФРГ, США... В настоящее время активно ищем новых советских и зарубежных партнеров.

— «Руку Москвы» карикатуристы сейчас изображают протянутой за западными кредитами. Вы тоже считаете, что без помощи из-за рубежа нам не обойтись?

— Нам нужно привлекать частный иностранный капитал. Если брать деньги в кредит, то это чисто финансовая операция. За кредиты надо расплачиваться, и даются они под проценты. А вот привлечение частных инвестиций — это путь, по которому надо идти. Поэтому мы, как акционерное общество, договариваемся сейчас с фирмами о том, что мы создаем здесь, в России, производство и участвуем в развитии инфраструктуры. Я категорически против того, чтобы совместные организации занимались только посреднической деятельностью. Привлечение капитала должно быть связано с производством и созданием каких-то новых видов товаров и услуг. Мы сами и с советскими организациями, и с зарубежными прорабатываем сейчас много новых направлений. Причем направлений для нас нетрадиционных.

— Нетрадиционные для вас направления... Что вы имеете в виду?

— Раньше мы занимались экспортом крупного оборудования для электростанций и заводов, поставляли за рубеж запасные части, осуществляли услуги по монтажу и техническому обслуживанию оборудования, в общем, не выходили за рамки номенклатуры тяжелого машиностроения. Теперь, по нашему уставу, предмет деятельности «Энергомашэкспорта» не ограничен. Например, сейчас прорабатывается вопрос о строительстве в стране заводов по производству кирпича и черепицы. Вчера мы по поручению ЗИЛА подписали контракт на закупку линии по производству холодильников. Мы ищем экспортную продукцию на предприятиях и привлекаем их к производству по заявкам иностранных фирм. Мы и сельским хозяйством занялись. Вместе с рядом советских предприятий обсуждаем возможность приобретения модульных установок для животноводства, переработки продукции сельского хозяйства. В Санкт-Петербурге мы совместно с рядом предприятий и одной из фирм ФРГ создаем торговый дом.

— «Торговый дом» — еще одно понятие, знакомое нам пока лишь по литературе. Объясните, пожалуйста, что это такое?

— Это организация, которая занимается и производственной, и внешнеэкономической деятельностью. В данном случае мы намерены организовать поставку в Санкт-Петербург товаров народного потребления, открыть там магазин. Те средства, которые заработаем, вложим в развитие инфраструктуры. Для начала мы собираемся строить комфортабельную четырехзвездочную гостиницу. Если деятельность торгового дома окажется прибыльной, будем вкладывать средства и в другие объекты.

— Как я понимаю, предприятия, с которыми вы сотрудничаете, находятся в разных республиках Союза. Вашей деятельности не угрожает нынешний распад страны?

— Есть предприятия, наши постоянные партнеры, которые находятся в отделившейся теперь Латвии. Контракты же на заграничные поставки были подписаны еще до образования Латвийского государства, и они должны быть исполнены. Но, в принципе, нас это особенно не пугает. Работаем же мы с Аргентиной, ФРГ, Италией. Будем сотрудничать и с Латвией. Конечно, многие аспекты этой деятельности придется пересматривать. Это связано и с банковской системой, и с системой получения валюты. Есть предприятия — наши партнеры, которые находятся в южных республиках, в Баку, например, и бывают трудности, связанные с задержкой поста-

вок. Но, в принципе, несмотря на политические и экономические сложности в стране, мы выдерживаем все свои контрактные обязательства.

— Вы принимаете участие в биржевой деятельности?

— Да, 18 октября было принято решение о нашем участии в Межреспубликанской универсальной товарной бирже в Москве. Мы получили возможность приобретать необходимые нам товары через биржу, реализовывать их, выполнять с ее помощью заявки наших иностранных и советских партнеров.

— У вас нет проблем с кадрами?

— Здесь у нас все нормально. Наши сотрудники имеют опыт работы и в промышленности, и во внешней торговле. И, как правило, у них два образования — техническое и высшее коммерческое.

— Что вы ожидаете для себя в связи с переходом страны на рыночную экономику?

— Прежде всего выхода законов, которые дали бы нам защиту и возможность развития связей с иностранным капиталом. Кроме этого, мы надеемся на стабилизацию экономической и особенно финансово-кредитной обстановки. Мы ждем стабильных законов, которые будут действовать не один год. Словом — мы уже работаем в условиях рыночной экономики.

Адрес: СССР, 129010, Москва,
Безбожный пер., 25, к. А
тел. 288-84-56, факс 288-79-90

Георгий ДОЛГОВ СВЕТЛЫЙ ПУТЬ В «ЧЕРНУЮ ДЫРУ»

Все кругом говорят, что жизнь наша круто изменилась и стала совсем другой. Очень может быть. Не ясно, правда, в какую именно сторону повело ее от баррикад у «Белого дома» российского правительства после августовского путча. Из всех реалий пока наиболее ощутимы исчезновения. Но если раньше пропадали вещи, очень нужные и полезные, вроде продуктов и промтоваров, то теперь мы простились с целыми структурами, когда-то мощными, зловещими, непоколебимыми.

Между тем наша жизнь не перестала приобретать некие загадочные и таинственные формы. Оказалось, что все вокруг изрешетили «черные дыры», в которые по-прежнему исчезают макароны, манка, мебель, автомобили... Иногда следы этих пропаж обнаруживаются то в подсобках магазинов, то на «черном рынке», то в спецраспределителях. Но определить по ним, чего у нас нет на самом деле, а что осталось, просто невозможно.

Статистические сводки с унылой регулярностью сообщают о спаде производства. И того стало меньше выпускаться на десять процентов, а этого — так на все пятнадцать... Непонятно только, куда деваются оставшиеся девяносто или восемьдесят пять. Судя по состоянию торговли, спад давно уже перевалил стопроцентный рубеж и теперь продолжает развиваться в отрицательных величинах.

Вместе с промтоварами и продуктами исчезают в «черных дырах» вещи нематериальные, но крайне нужные нам тоже именно сегодня: здравый смысл, от-

ветственность, чувство достоинства. Они проваливаются в небытие, а взамен рождаются почему-то только Идеи, Концепции, Позиции и Программы. Прежде наш журавлик назывался Коммунизмом, а теперь его зовут Рынком, он парит при помощи экономических механизмов, но бежать за ним, как когда-то за Светлым Будущим, снова приходится по бездорожью и без света.

Странно, но в нашей атмосфере эти подъемные механизмы почему-то решительно не действуют. Хотя они уже есть. Их показывают желяющим по телевизору почти бесплатно, но пользоваться ими по каким-то причинам не хотят. Один из самых мощных среди них — гибкая налоговая политика, как неоднократно объясняли нам современные, умные, образованные и очень демократичные начальники. Вот в условиях перехода к рынку, говорили они, при помощи налоговой системы можно добиться великих результатов, и путь выровнять, и силы сохранить, и вообще очень быстро отловить шустрюю птичку.

Оно, может быть, и так. Только пока мы ощущаем на себе лишь жесткий, фискальный пресс налогов и удары стального клюва нового журавля.

С пугающей регулярностью придумываются новые и новые поборы с граждан. Взять наших автовладельцев. То им, убогим, дорожный налог подняли, то штрафы нарастили, теперь есть идея за въезд в центр города брать специальную плату. Но кто будет платить им за разбитые на сильно подорожавших дорогах машины — неизвестно. Журавль, наверное.

Затеялись с приватизацией магазинов. Само по себе, наверное, дело стоящее. Но ведь от того, что продмаг перейдет в частные руки, продуктов в нем не прибавится. Значит, в нем откроют коммерческий магазин с джинсами, кроссовками и водкой «Смирнофф». В то же время, если заранее обговорить, что налог на продуктовую торговлю не по коммерческим, а по нормальным ценам будет не выше, скажем, пяти процентов, наверное, нашлись бы охотники взяться за это дело. И москвичам было бы хорошо. А от того, что у нас прибавится на несколько сотен прилавков с ботинками по 2000 рублей и свитерами по 1000, жизнь основного населения города лучше не станет.

Кстати, о коммерческой торговле. В любом таком магазине висят, как правило, вещи новые, с этикетками заграничными и потому невероятно дорогие. Как удалось выяснить, никакие другие для продажи туда не принимают. Если же вещь ношеную и примут, то все равно это или дубленка или шубка норковая по цене соответствующей. Но в Москве живут не только легальные и подпольные миллионеры, встречаются пенсионеры, многодетные семьи, просто малообеспеченные люди... Для них существует нищенский толчок на Тишинском рынке, где можно за сходную цену приобрести еще вполне годную одежду, обувь или какую-то домашнюю утварь. И снова как-то все непонятно с замечательным рыночным и налоговым механизмом! Если он такой хороший, то почему его не применить во благо малоимущим москвичам? Ввести, например, минимальный, не

более опять-таки пяти процентов, налог на коммерческие магазины, торгующие действительно вещами, бывшими в употреблении, ношенными что называется? Ведь сегодня при всем небывалом дефиците товаров огромное их количество находится в полном бездействии: лежат в сундуках, висят в шкафах, пылятся на антресолях... Выбросить жалко, продать негде. Вероятно, при помощи таких прекрасных экономических механизмов, о которых нам не устают рассказывать умные люди, эту товарную массу можно пустить в оборот? Одних только детских вещей сегодня в столице не используется на миллионы рублей. А новых нет, те же, что появляются, не всем по карману. И непонятно, почему наша городская власть ровным счетом ничего не хочет сделать для того, чтобы уже сегодня, сейчас, в самое трудное время, помочь москвичам. Своим, кстати, избирателям, в любви к которым она не перестает признаваться? Но ведь любить — это значит заботиться!

Говорят, добрые дела мешали делать коммунисты. Они их нарочно в злые превращали. Мешали и превращали. Но поднять цены на табачные изделия, после чего тех же сигарет фабрики «Ява» просто не стало в городе, никто не помешал. Сегодня и коммунистов-то больше нет, но и заботы о москвичах не прибавилось.

Скорее, наоборот, уменьшилось. Если уж зашел разговор об одежде, нельзя не вспомнить и такой факт. В городе катастрофически стали исчезать ателье по ремонту. Раньше их было довольно много, и москвичи успешно пользовались их услугами. Были, разумеется, нарекания, но не было особой проблемы, например, с тем, чтобы подогнать одежду по фигуре, перелицевать пальто или костюм, обновить верхнее платье и вообще с минимальными затратами обзавестись почти новой, во всяком случае по виду, одеждой. Сегодня это сделать почти невозможно. Трикотажные изделия, к примеру, можно привести в порядок только в Измайлово. То же самое происходит с обувными мастерскими и другими ремонтными заведениями. Как объясняют сами работники этих предприятий, трудиться там стало невыгодно. Уходят мастера в кооперативы или само ателье начинает вдруг специализироваться на новых изделиях — и продает их. Заработки в этом случае у портных возрастают. Наверное, можно было бы ввести какие-то льготные для предприятий условия, чтобы работать в них и ремонтировать одежду или обувь было выгодно москвичам, тем самым социально не защищенным, которых

так любят все поминать городские власти. Вообще создается впечатление, что в сфере торговли делается в последнее время все, чтобы создать максимум неудобств для покупателя. Может быть, таким образом власти решили вообще отучить москвичей ходить в магазины? Но тогда об этом стоило объявить широко, гласно. Иначе трудно, например, объяснить, почему в бывших магазинах самообслуживания стали вводиться древние прилавки? Так поступили, скажем, в магазине «Диета» № 37 Пролетарского РТО, в соседнем с ним овощном... да и остались ли в Москве магазины самообслуживания! Теперь весь расфасованный товар можно получить только из рук продавца, потом надо идти к специальному в каждом отделе кассиру и только после этого пройти мимо касс расчетного узла, где, как и прежде, неизвестно для чего сидят кассиры. Очереди возросли многократно. Времени в них люди теряют значительно больше, настроение у всех отвратительное, а полки пустые...

Исчезают, кстати, не только прогрессивные методы торговли, но и сами «торговые площади». Вот на улице Судостроительной в том же бывшем Пролетарском районе исчезли целых два магазина: продовольственный и зелен-

ной. Понятно, что на их месте вместо молока и капусты теперь продают электронную аппаратуру, меховые и кожаные изделия. Цены общепринятые в этой сфере. Безусловно, коммерческая торговля городу необходима, но не до такой же степени! Худо-бедно, но два этих магазина снабжали окрестных жителей какими-то продуктами. Теперь старики, инвалиды и просто москвичи вынуждены за любой малостью ходить в два раза дальше. Ясно, что такие прогулки оптимизма и веры в гуманные намерения тех, кто повел людей к новой светлой цели, не прибавляют.

Столичная торговля теперь жестко ориентирована на людей состоятельных и очень состоятельных. Остальных она в расчет просто не принимает. Выживут — ну и ладно. Значит, повезло. Не смогут — значит, уменьшатся надоевшие очереди. То же, знаете, на пользу городу. Можно понять идеологию торгового предводителя, заместителя премьера и полномочного министра В.А. Карнаухова. Он состоялся как специалист и вырос как руководитель в старых коммунистических структурах. Он давно твердо усвоил, что заботиться торговля должна всегда только о себе и о тех, кто располагает властью. Административной, финансовой, демократической, какой

Фото В. Шишова

угодно, но властью. А все остальное население — лишь полуфабрикат для выполнения финансового плана, которым надо отчитаться все перед той же властью. Если бы это было не так, наверное, многое уже изменилось бы в организации столичной торговли. И не в сторону создания максимальных неудобств для покупателей, а, наоборот, для покупательской пользы. Уж не говорю о затаенных его играх с разными ценами на одни и те же товары, что позволяло юным продавщицам только на пересортице и прочих мелких ухищрениях при торговле яйцом зарабатывать десятки тысяч рублей в неделю.

Не говорю обстоятельно о «торговой новинке» наших торговых лидеров — карточной системе. Коротко о ней не скажешь. Но неужели непонятно, что карточки заставят покупать продукты даже тех людей, кто не собирался этого делать? У карточки, выданной человеку, есть такое свойство: гнать своего обладателя в магазин и «отоваривать» ее во что бы то ни стало. В Ростове-на-Дону ввели, в частности, карточки на спички. И сейчас коробками завалены многие квартиры. Карточки становятся предметом обмена, спекуляции, спекулируют ненужными товарами — словом, оживает «черный рынок». Система карточек по принципу «талонизации табачных изделий», когда сигареты по талону стоят дешево, а без талона — дорого, привела к тому, что сигарет «на талон» практически нет и уж даже нет дорогих. Остались только самые дорогие. То же повторится и с хлебом, и с другими продуктами: за дешевыми будут стоять очереди (в те дни, когда товар завезут в магазин, разумеется!), а потом пропадут и дорогие...

Если продуктов мало и выпуск их на время действия карточек не наращивается, то карточная система не поможет. О карточках говорят как о мере временной. Но каков конечный срок действия этой временной меры? Где гарантии, что за время действия карточек производство товаров будет увеличено?

Не говорю и о распродажах, выносящих на «черный рынок» массу товаров на миллионы рублей. Теневая Москва, по-моему, молиться должна на такого «отца» города. Никто другой не предоставлял никогда своим «заблудшим детям» таких возможностей для открытого, наглого и безнаказанного грабежа мирного населения.

А сахарные эпопеи? Достаточно вспомнить, что в сентябре прокатилось известие, будто в столицу завезено невероятное количество сахара. И его должно хватить на всех. Но тут же было заявлено, что талоны действительны только до первого октября, а с первого

демократическое и экономически образованное руководство города решило поднять цену сахара на невообразимую высоту. Понятно, что его тут же и не стало. В редких местах выдачи выросли дикие очереди, злые, нервные, яростные. Хотя, казалось бы, все должно было быть наоборот. Если уж появилась возможность отдать москвичам сладкий долг, нужно было наладить торговлю сахаром с утра до ночи и во всех без исключения магазинах. Тем более, они все равно пустые. А уж потом говорить о повышении. Невозможно понять логику руководителей, словно бы старающихся изо всех сил сделать родному городу и людям, которые в нем живут, как можно больше плохого; превратить всеми имеющимися силами их и без того горькую жизнь в крошечный ад.

И это у них всегда очень неплохо получается. Даже, скорее, очень хорошо. Я пытался вспомнить что-нибудь хорошее, что было сделано для москвичей за последние годы в сфере торговли или бытового обслуживания. Как ни старался, вспомнил очень мало. Плохого — хоть отбавляй. Но самое интересное, что для того минимума хороших дел, о которых сейчас говорю — например, об

отмене квитанций-анкет в некоторых ателье, о расфасовке некоторых продуктов, — ничего особенного и не требовалось. Ни заграничной помощи, ни принятия новой Конституции, ни валютных инвестиций, ни политических побед... Одно было необходимо: действительное желание помочь людям сделать их жизнь чуть терпимее, хоть чуть лучше. Не свою, не своих магазинно-ремонтных начальников в части приобретения автотранспорта модных моделей без очереди, а жизнь тех самых москвичей, которые в августе вышли на баррикады и, рискуя собой, защитили свободу и демократию, и правительство России, и правительство Москвы...

Но реальными победителями оказались новые административные структуры. Москвичам даже одной машины из одного гигантского гаража КПСС не досталось. И по-прежнему ходят пешком участковые врачи к своим больным, не на чем завезти нехитрую еду больным старикам, милиционеры гоняются за жуликами на трамваях...

Словом, жизнь рядового столичного жителя лучше не стала. Не сделано ничего, что могло бы изменить ее в лучшую сторону — в противоположную от «черной дыры».

НА НАШ «ВЕК» ХВАТИТ?

Вряд ли кого-нибудь сегодня обрадуешь появлением нового магазина. Люди уже усвоили — если в супермаркете есть товары, то купить их все равно нельзя: либо нужна валюта, либо несколько толстых пачек рублей. На Фрунзенской набережной вместо детского магазина «Тимур» открылся новый — «5—55». Три пятерки в названии означают, что товары предназначены для покупателей практически всех возрастов — от пяти лет до пятидесяти пяти. Правда, работать совсем без ограничений пока не получается. И доступ в «5—55» открыт только жителям Ленинского района. Зато, по-

лучив приглашение, можно с рублями в кошельке попасть почти в заграничный магазин: современный интерьер, красивые вещи и вполне доступные цены. По мнению руководителей нового производственно-торгового объединения «ВЕК», подобные магазины реально открыть хоть в каждом районе столицы. И товаров у производителей — фирм «Заря», «Свобода», «Белвест», «Гарант» тоже хватит. Вот только все еще надо доказывать в многочисленных чиновных инстанциях — будущее за такими магазинами, а не за госторговлей.

Фото Э.Кудрявицкого

Вячеслав БАСКОВ

ДОБРЫЙ ТЕПА ПЕРЕД СТЕНОЙ ПРАВОСУДИЯ

Спокойной жизни хотят все. Эта спокойная жизнь рисуется особенно прекрасной и заманчивой, когда в семью вторгается милиция. Увы, все начинается с нее. Хорошо, если коротким вторжением все и заканчивается: милиционер всех помирил, ушел и даже не пришлось писать заявления. Но очень часто дело идет дальше и доходит до суда...

Отдел социально-бытовых проблем «Столицы» вводит новую рубрику — «Суд и быт». Под ней мы намерены печатать статьи о семейных драмах, когда люди прибегают к помощи правоохранительных органов только для того, чтобы вернуть покой своему дому.

Если с мужчиной случилась неприятность, ищите женщину. Но если произошло совсем уж что-нибудь непоправимое, за этим стоит суд. Наш, советский, странный, нелогичный, руганный-переруганный, то карающий без передышки, то милующий всех подряд — чаще несправедливый, чем вызывающий добрые чувства.

Павлу Григорьевичу Соколенко «повезло» и на женщину, и на судьей. Женщину зовут Валентина Семеновна Жирулик, а судьей у Павла Григорьевича было видимо-невидимо. Впрочем, с тех пор, как он всей душой привязался к Валентине Семеновне, у которой, по ее признанию, «излишне мягкий характер», в его жизни появились не только судьи, но и следователи, и прокуроры, и милиционеры, и судмедэксперты — вся правоохранительная компания. И еще семейство Зинченко, в котором три брата, один другого хлеще...

Валентина Жирулик познакомилась с Павлом Григорьевичем Соколенко в трудное для себя время: Владимир Зинченко бросил ее с тремя детьми на произвол судьбы. Последний ребенок был грудной. Алimentов он ей не платит целых полгода. А тут — добрый тепа Павел Григорьевич...

Одни мужчины его осудят, другие скажут: «Вот это настоящий мужик!»

А сам Павел привязался к брошенной женщине и ее детям и, видимо, просто следовал своему чувству, как это обычно и бывает.

Валентина Семеновна называла его мужем. Но расписаться не спешила. «Я научена горьким опытом», — писала она потом несколько инфантильно. Одни женщины ее осудят, другие скажут: «Ну, бой-баба! С тремя детьми мужика нашла, и он ее такую взял!» А если бы женщины еще видели Павла Григорьевича! Он не хлюпик — он мужчина высокого роста, широкие плечи, лицо открытое, честное, добродушное... Валентине Семеновне все это тоже, видимо, понравилось, и она не стала преодолевать свои чувства...

И стали они жить-поживать, воспитывать ее детей, как вдурь однажды случилось то, что обычно случается в таких ситуациях: явился муж. Не запылится. Была у него к тому времени уже своя жена. Или не жена. Но было ему, многодетному, где жить. Явился с братьями. Сначала пили, потом уходили, потом возвращались, снова пили — два дня продолжалась пьянка в чужом, собственном, доме.

В первый день смирный Павел Григорьевич ушел ночевать к маме. Но на следующую ночь все же вернулся. И понять его можно. Он следовал своему светлому чувству. И

Рис. К.Рыбалко

тут пьяные братья так его исколошматили, что он летел на веранду весь в крови, а на веранде озверевший Николай Зинченко так шарханул лежащего на полу Павла Григорьевича доской по голове, что несчастный, добрейший Павел Григорьевич потерял сознание и не приходил в него несколько часов. Так Павел Григорьевич стал инвалидом. Недаром, видимо, люди говорят, что доброе дело наказывается. Но каждый добрый человек убеждается в правоте этой мысли не на чужом опыте, а почему-то непременно на своем.

Нечего и говорить, что суд приговорил братьев Николая и Сергея, бивших и искалечивших Павла Григорьевича, к заточению: одного к пяти годам лишения свободы в ИТК усиленного режима, другого к трем с половиной годам там же. И оба, естественно, шли по 101-й статье части 1 УК УССР — умышленное причинение тяжких телесных повреждений. Любопытно, однако, что меньший срок получил Николай, бивший Павла по голове доской, а больший — Сергей, который бил ку-

лаками. Приговор такой нелогичный, вероятно, оттого, что у Николая на иждивении было двое маленьких детей. Суд проявил к нему гуманность, прославившую наш суд во всем подсудном мире.

Павел Григорьевич был очень доволен, что «фашистов», как их называла Валентина (и называла очень справедливо, потому что после удара доской братья вытащили бесчувственного Павла из дома за руки за ноги и бросили на дорогу), так вот, Павел Григорьевич радовался, что двух братьев из троих, что называется, «посадили». Третий брат, Владимир, отец троих детей, которых принялся было воспитывать Павел Григорьевич, был тут же, в доме, но, пьяный, спал за столом. По логике вещей надо было бы наказать и его, а то получилось, что он тут вовсе ни при чем, потому, видите ли, что, упившись, спал. Но до того как спал, он же сюда пришел, его выгоняли, он не уходил. И он угрожал бывшей жене, подзадоривал братьев. И вообще все произошло из-за него! Словом, он — зачинщик. Но на суде он почему-то даже в качестве свидетеля не фигурирует. Невинный человек, понимаете?

Удовлетворение Павла Григорьевича работой советского суда в его одесском варианте длилось не три с половиной года и не пять лет: он еще и вылететь-то толком не успел, как братья Зинченко приехали домой. Сергею скостили срок до года (он увечил человека всего лишь кулаками), а Николай, видимо, хорошо себя вел. Только получилось так, что Павел Григорьевич — больной и лечится, а братья Зинченко ходят мимо его дома и насмеются. И говорят, что жаль, что вообще не убили. И обещают убить. Они говорить могут все, потому что наказание отбыли, из своих ИТК усиленного режима не убежали, их оттуда отпустили, поскольку ребята они очень хорошие.

И вот лишь тогда пришло смутное время: что же это у нас за правосудие такое? Наказание виновных — в чем оно? В том, что один Зинченко спал и ел не дома год, а другой — больше года? Ну, хорошо, допустим, что это страшное наказание. Но как же жить дальше? Понятно, если бы жертва к этому времени выздоровела. Но ведь Павел Григорьевич болен, он стал нетрудоспособен! Он не старик — он молодой человек приятной наружности и на редкость покладистого характера. Как ему

жить дальше? И как совместить одного больного человека с двумя крепышами, сделавшими его инвалидом в расцвете лет? И с третьим, который будто бы вовсе ни при чем?

Даже если бы все это происходило в просторной, многомиллионной Москве, и то участники этого кровавого избиения чувствовали, что им тесно в одном городе. Слишком уж тяжелые последствия наступили: все-таки человека исклечили. Что же говорить о данном случае, если обидчики и обиженный живут в одном селе и вынуждены встречаться чуть ли не каждый день?

Павел Григорьевич стал добиваться того, что ему положено по закону: чтобы братья Зинченко платили ему разницу между его прежней зарплатой и нынешней пенсией. Может, они тогда насмеются перестанут? И его можно понять: он следовал своему чувству справедливости, которое, пока человек жив, выбить из него ничем невозможно...

Идет десятый год, как бедный Павел добивается справедливости. За это время он убедился, что это светлое чувство живет только в нем и в его многострадальной маме Марии Тимофеевне. Другие люди упорно делают вид, что не понимают, чего он хочет. Если бы Марии Тимофеевне и ее пострадавшему от врожденной доброты сыну просто отказывали, это бы называлось черствостью или «отсутствием у нас правосудия». Но несчастных зачем-то втянули в юридические дебри! Обычно это глупые или путаные, поверхностные или не относящиеся к делу, лживые или равнодушные официальные ответы на солидных и не очень солидных бланках. Мать и сын Соколенко пора признать пострадавшими не только от пьяных Зинченко, но и от украинского и центрального (то есть расположенного в Москве) правосудия. Простейший вопрос о материальном возмещении за тяжкое телесное повреждение, о возмещении многолетнем или до конца жизни, поскольку болезнь наступила вследствие нанесения этих самых телесных повреждений, а не каких-то других, усложнен и возведен законниками в ранг неразрешимых. Можно подумать, что каждый прокурор или судья, которые давали пострадавшим отпор, с каждым таким отпором получали прибавку к жалованью.

Советское правосудие давно слывет непробиваемым. Оно остается

холодно к мольбам потерпевших, к выпавшим на их долю физическим и душевным переживаниям. Перед людьми, которые добиваются каждый своей ПРАВДЫ, — стена. Стена правосудия. Она до такой степени тверда, что самое понятное и житейское, вроде случая с Павлом Соколенко, от нее отскакивает как горох. Прокуроры и судьи находятся как бы над жизнью обывденной. А дело обиженных людей их просить, просить, просить... В судах и в прокуратурах посетители просят, кланчат, стонут, скулят, плачут, ползают на коленях или, наоборот, гневно кричат, раздражаются патетическими монологами с угрозой обратиться сначала «в Москву!», потом — «в ООН!»... Они ищут правды.

Конечно, суды и прокуратуры состоят не сплошь из злодеев. Там работают люди, которые могут сказать, что помогли не одному человеку на своем веку. Но там же я слышал, как говорят: «Всем не поможешь». Потому что помогать обывденным восстанавливать справедливость — тяжелый труд. От него, как от любого другого, устаешь чисто физически. Но для того, чтобы не уставать, работы должно быть поменьше. А у прокуроров и судей — работы невпроворот: несправедливости в стране совершается чрезвычайно много. Это у каждого человека в отдельности есть силы годами добиваться правды для себя. Откуда же взять столько сил прокурорам и судьям, которых в стране раз в сто меньше, чем на них сыпется жалоб?

Это замкнутый круг: неправый суд рождает жалобу — плохой ответ на жалобу — новая жалоба... За девять лет слезного вымаливания справедливости у Павла Григорьевича скопилась традиционная папка переписки. Такая потрепанная по углам папка есть у любого жалобщика. Некоторых отвечавших ему на жалобы можно было бы запросто привлечь к уголовной ответственности — иные ответы противоречивы, иные лживы, иные ложь обличают... Но дело не в этом, а в том, что виновные братья Зинченко — не наказаны, а Пострадавший Павел Соколенко — страдает.

Пока сохраняется такое положение, все выглядит вполне нормально: один человек ходит и вечно жалует. Ну, не один, с мамой! А трое других живут, работают, на работе у них даже, может, и не знают, что они однажды сделали человека инвалидом. Хорошие такие ребята ходят.

Отлично, может быть, работают. Но ведь мы-то с вами теперь знаем, что все не так спокойно, как выглядит. И женщина тут есть, и суд неспокойно (его бомбардируют жалобами), и женщина снялась с места и уехала из своего села с детьми на другой край Украины. Что-то все-таки случилось. Только ничего этого вроде бы не было. Такая ситуация среди самих юристов называется «латентной», то есть скрытой от общества.

В нашей стране совершается очень много преступлений, которые остаются безвестными или наказанными лишь отчасти — следовательно, много людей — неотомщенными. Им нанесена обида, они — потерпевшие, а их обидчики веселы и здоровы. Передовые юристы называют нашу страну прямо-таки Страной Латентной Преступности. Нас действительно оскорбляют на каждом шагу: в магазине, на почте, в метро, на улице, в конторе, на работе... Привилегия оскорблять, унижать дана государственным служащим. И пожаловаться некому, и некому наказывать оскорбителей. Не будь этого дурного примера безнаказанности, реже бы поднимали друг на друга кулак и рядовые граждане. Было бы между нами меньше склок, драк, убийств, нанесения тяжких телесных повреждений, групповых нападений на одного беззащитного. Каждый бы знал, что жизнь и здоровье другого человека имеет не меньшую ценность, чем его собственная.

Но пока что это все красивые и довольно дежурные слова. Жалобы, которые идут в прокуратуру СССР, — лишь капля в море слез. Число их сами работники прокуратуры усиленно скрывают, будто любой побывавший в отделе писем и жалоб сам не увидит, что «письмами трудящихся» там завалены столы, на столах горы писем! — Горы горя. Еще вопрос, куда их посылают больше: в Прокуратуру СССР или в Прокуратуру РСФСР, УССР, Белоруссии, Грузии... В Верховный Совет СССР или в Верховный суд СССР... В редакции центральных газет или местных... Страна пишет жалобы. Страна умоляет наказать провинившихся. Страна — на коленях. Страна обиженных, чьи боль и страдания скрыты от посторонних глаз корочками потрепанной папки индивидуально-го пользования...

Одна из папок сегодня слегка приоткрылась.

МУЖЧИНА В ДОМАШНЕМ ИНТЕРЬЕРЕ

Любого, даже самого образцового мужа можно возненавидеть! Отдаю себе отчет в том, что говорю вещь ужасную, но меня утешает, что многие женщины меня поймут. Представляю, что они испытывают, когда видят любимого, родного, единственного и неповторимого дома, после работы. Он приходит с работы и переодевается, например, в спортивные штаны. Они пузываются на коленях, а где-нибудь обязательно дырка. Это еще ничего. Говорят, есть мужья, которые и вовсе дома ходят в трусах. Еще одна модель домашней одежды — старые брюки, в которых в люди уже не выйдешь, а дома можно. Они, как правило, не сходятся в поясе, а потому держатся либо на пуговичках, что пониже, либо на сломанной молнии, а чаще всего — на булавке. Мужчины вообще очень любят булавки.

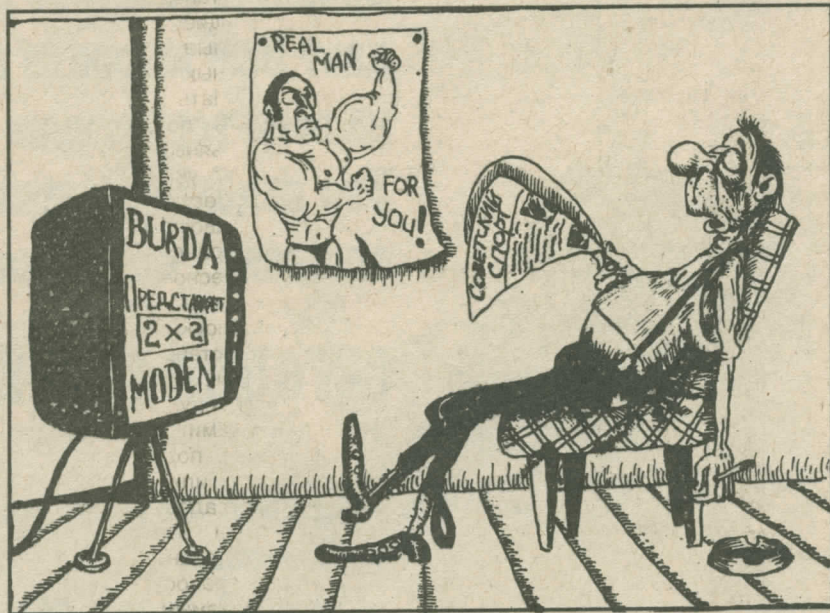
Но самое распространенное явление в быту — мужчина-спортсмен. Его встретишь едва ли не в каждой квартире. Вряд ли где еще в мире наберется такое количество спортсменов. Мужчи-

на в тренировочном костюме у телевизора — картина очень распространенная, хотя чаще всего нелепая. Начнем с того, что не всякую мужскую фигуру этот костюм украшает. Как никакой другой наряд, спортивный костюм подчеркивает все достоинства и недостатки фигуры. Недостатков у наших мужчин почему-то больше. К тому же недорогие спортивные костюмы имеют свойство после стирки линять, а до стирки — вытягиваться, как будто их уже долго носили. Дорогие костюмы не предлагаю. Обычный шерстяной тренировочный костюм стоил больше ста рублей еще до Второго Апреля. Элегантный «адидасовский» тогда же на черном рынке перемахнул за тысячу, а сколько стоил в магазине — не знаю, никогда не видела и не слышала, чтобы где-то продавался. Сколько стоит сегодня эта мужская атрибутика, уточнять не буду.

А во что переобуваются мужчины, вернувшись домой?

Домашняя обувь пусть редко, но появляется в магазинах. Иной раз даже им-

Рисовал А.Заяц

портные тапочки бывают, вполне различные. Но цены! И сказать, что с тапочками проблема решена, означало бы несколько опередить события...

Вот несколько примеров, взятых наугад из отчета Госторгинспекции РСФСР о проведенных проверках качества этих деталей мужского домашнего костюма. Из проверенных в торговой сети 1700 пар обуви, изготовленной на Знаменской (Орловская область) обувной фабрике, забраковано 222 пары, в том числе туфель комнатных мужских — 28,7 процента по грубым производственным дефектам: плохое формирование пяточной части, неприклейка подкладки к жесткому заднику, загрязнение верха клеем... В магазинах Орджоникидзевского горпромторга забракованы все проверенные 214 пар туфель комнатных мужских арт. 03-063-01-1 производства орджоникидзевского комбината «Ацмаз» по отступлению от требований ГОСТ 1135—88 — у изделий отсутствуют подпяточники. Стопроцентно браковались мужские комнатные туфли, которые шьют в Северо-Осетинском объединении художественных промыслов: целых 1393 пары тапок, «художественность» которых заключалась в перекорешенных, вогнуто-выгнутых подошвах, грубых складках, где не надо, и прочем.

Спасибо, конечно, бдительной Го-

сторгинспекции, которая стоит на страже наших интересов, но в чем же шлепать по квартире нашим мужчинам?

Можно в носках. Если удастся достать. Несколько лет назад ими все прилавки были завалены, причем всех цветов и размеров. Сегодня о таких предметах даже задумываться не приходится. Хватай, какие дадут!

А теперь о другом. Как-то довелось видеть чужого мужа в домашней обстановке. На нем был пушистый, бирюзовый в полосочку, умопомрачительный халат. Мужчина был красив неимоверно! Но был-то он на картинке в зарубежном журнале, рекламировавшем, кстати, оцененные товары. Я перевернула страницу и увидела еще одного мужа в халате другого цвета, и третьего, и четвертого... Их там было много, и все — один лучше другого. Журнал ненавязчиво предлагал женам выбрать подходящий домашний наряд для своего единственного и неповторимого. Я выбрала бы все для своего мужа, оплатила бы даже не по сниженной, а по немножко завышенной цене. Но предлагались они не мне.

В наших не картинно-журнальных условиях мужчина мог бы ходить дома пусть даже в старых брюках, но хотя бы в приличной рубашке и выглядеть при этом не хуже тех, кто в журнале. Но где такую найти? «Крайне низкое качество

отмечается по изделиям Абаканского ПШО — сорочки мужские с индексом «Н» забраковывались в торговле до 75 процентов» — это, разумеется, не из упомянутого выше рекламного журнала. Это из отчета Госторгинспекции РСФСР. Неудовлетворительное качество отмечалось по продукции Пильнинского производственного объединения: сорочки мужские х/б — 100 процентов... Не соответствовала повышенным требованиям к качеству сорочка мужская с индексом «ОМ» («особо модная») производства Куйбышевской швейной фабрики...

Мужчины не желают быть клоунами. Они нервничают. У них хронически дурное настроение. Они срывают его на тех, кто рядом. Хуже всех приходится женам.

А они изо дня в день, из года в год взирают на жалкое и смешное существо, которое — муж. Вытянутый спортивный костюм неопределенного цвета затмевает все, даже возможную душевную красоту.

И вот смотрит женщина, смотрит на своего супруга, терпит его раздражение, терпит — и потихоньку со временем начинает избанника ненавидеть. А он — ее, вроде бы без всякой причины вечно сварливую и недовольную. Тем более, что и женщина дома — не кинозвезда. Наша легкая промышленность немилосердна и к ней. Но это уже другой разговор.

Раиса ФИРСТОВА

Киевская универсальная товарная биржа — крупнейшая на Украине.

Брокерское место на КУТБ даст Вам широкие возможности в бизнесе на всей территории Союза. Это надежно защищенное от инфляции вложение Ваших капиталов.

СЕГОДНЯ ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО

Официальный представитель КУТБ в Москве — АО «Аскания +»

АО «Аскания +» тел. и факс: 253-08-04

ЛИНИЯ ГОРИЗОНТА

В моем детстве была книжка «Шел по городу волшебник» Юрия Томина. Чудесная книжка о добре и зле, без нотаций и препарированной морали, с детективным сюжетом и живыми, пусть и придуманными, героями.

Там жил мальчик с холодными голубыми глазами, злока и жадина, умудрившийся создать во вчерашнем дне свой адский город, где все в изобилии, кроме простой человеческой дружбы. А в одиночку не преодолеешь страшной Черты — линии горизонта, за которой начинается день сегодняшней, не слишком уютный и гладкий, зато настоящий, с людьми, умеющими любить и прощать обиды. А иначе нормальному человеку (ребенку) жить оказывается, нет смысла...

У этих детей линию горизонта много лет (и даже всю жизнь!) ограничивали контуры соседней булочной за окном, или большие деревья, закрывающие небо, или след бродячей собаки в глинянном дворе. И вдруг — пять дней по Волге, из Москвы в Тверь и обратно, на шикарном теплоходе «Александр Грибоедов». И двухместные, с мамой или папой, каюты, и неземная кормежка, что в наше время само по себе удивительно. Но это не главное.

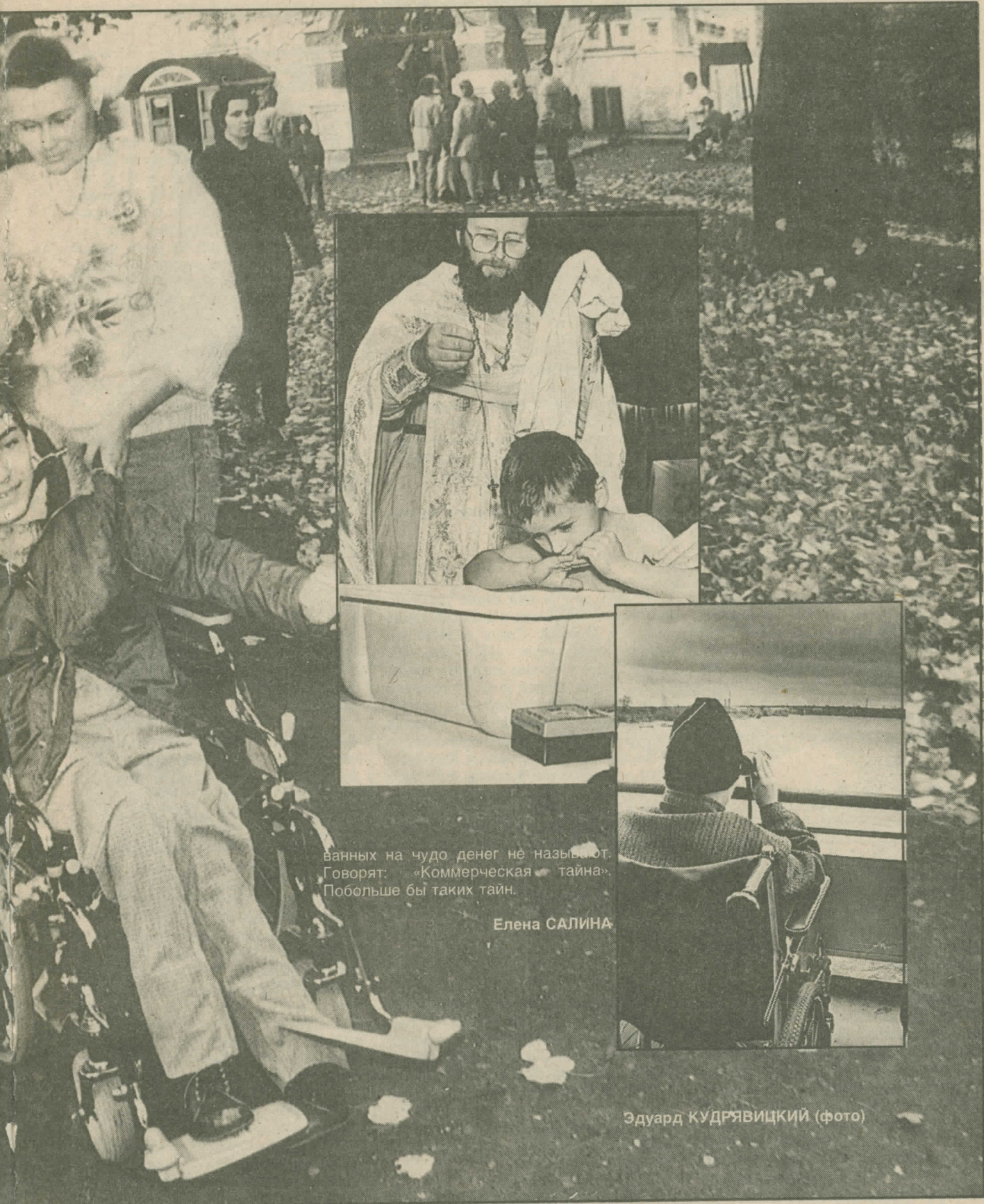
Умные врачи, добрые клоуны, ласковые педагоги, внимательные помощники. Неспешные экскурсии по старым русским городам в пути следования — на костылях, в опостылевшей коляске или у папы на руках — кто как сможет.

И священник, никому не отказывающий в таинстве приобщения к вечности.

И друзья — такие призрачные в прошлой жизни, выстраданные в слезах, выпрошенные у неведомого еще Создателя всего живого на земле как душевная награда за физические муки.

Нам, ходячим и зрячим, с безграничными от рождения возможностями, глупо и стыдно втаптывать линию своего горизонта в грязь повседневных побоищ за последний кусок мяса, хоронить его в последнем стакане оталоненного зелья, чтобы проснуться наутро в четырех стенах навсегда замкнутого пространства.

А им, добрым волшебникам из ассоциации «Спорт-интер ТОСС» и МГК Общества Красного Креста, — земной поклон. Сумму нарастаю-

ванных на чудо денег не называют.
Говорят: «Коммерческая тайна».
Побольше бы таких тайн.

Елена САЛИНА

Эдуард КУДРЯВИЦКИЙ (фото)

Света

Вечером ее можно встретить в Ленинской библиотеке. Она ложится койкой на страницу и читает.

Ее зовут Света. Она слепая. С рождения.

Света живет не то в Вологде, не то в Волгограде. Здесь она учится в аспирантуре. Света занимается историей России.

Света не узнает людей. Она различает только силуэты, и то смутно.

Читает Света очень медленно. Впрочем, она даже и не читает в привычном для нас смысле слова. Света отыскивает в дореволюционной книге нужные ей места и крупным кривым почерком отмечает их в тетради. Затем тетрадь отправляется в Вологду или в Волгоград. Туда же, по межбиблиотечному абонементу Общества слепых, — дореволюционная книга. Мама наговаривает на магнитофон отмеченные тексты и отправляет их дочери. Так Света занимается историей России.

Света не любит Москву. Город связан у нее с неприятными посещениями больниц и поликлиник.

Света передвигается без классических атрибутов — белой трости и черных очков. По знакомым улицам — довольно уверенно. Самое сложное — пересечь дорогу. Она пристраивается за чьей-нибудь спиной и идет.

Сначала Света училась в специальной школе. Но потом зрение стало улучшаться, и ее перевели в обычную. Затем — снова ухудшение.

Света не ощущает себя ни инвалидом, ни героем. Она просто живет. Для нее кассеты с маминим голосом и чуть различимые силуэты — такая же реальность, как для нас утренние газеты и билеты на выставку картин.

Света говорит, что ходит в кино. По-моему, она придумывает. Хотя, может, и ходит. Слушать фильмы.

Я не знаю, сколько ей лет. Ведь возраст отражается на внешности не напрямую, а через образ жизни. Но образ жизни людей с физическими особенностями существенно отличается от нашего. Поэтому какие-то черты в ней — от десятилетнего, а какие-то — от тридцати...

Не берусь судить, красива ли она. Пожалуй, симпатична.

Я хочу, чтобы она стала знаменитой. Как поэт Гомер и великий князь Василий Темный. Света должна написать гениальную «Историю России». Не зря же она отвергла традиционные для людей в ее положении пути — склейку коробочек, например. Света уже аспирант и в отличие от своих зрячих предшественников — Карамзина, Соловьева и Ключевского — находится в очень выгодной ситуации. Ее глаза не станут отвлекаться на мелочи, она сможет полностью погрузиться в образы прошлого, причудливые и непривычные для нас.

Ее «История» будет не похожа ни на что и станет событием.

А иначе зачем все это?

Библиотека была переполнена, а за ее столом пустовало место. Я сел, защелкал выключателем лампы. «Здесь не горит», — с милой, приветливой улыбкой пояснила Света. И легла щекой на страницу.

Она не увидела меня. Просто услышала, что кто-то щелкает выключателем.

Алексей МИТРОФАНОВ

Я обманул таможеню. Обманул, провел вокруг пальца нашу бдительную, суровую, принципиальную таможеню, мимо которой без декларации не проскочит и мышь.

Мне, однако, совершенно не стыдно. И вы сейчас оправдаете меня. Дело было так.

В туристской поездке по Швеции я ни разу не зашел даже в совершенно пустой стокгольмский «Макдоналдс», хотя одетая по всей форме девушка стояла за стойкой в безделье во всем зале одна, она увидела меня сквозь прозрачную витрину и выразительно кивнула мне.

Я устоял. Я не купил даже коробку спичек с пестрой картинкой. Я сэкономил.

На все шведские кроны, которые дал мне наш «Интурист», я купил в кооперативе нашего посольства (там все продается по сниженным ценам) самый дешевый японский фотоаппарат «Прима-Юниор» № 1560755. Японская фирма «Канон» приложила к нему хвастливую бумагу: даже в руках новичка аппарат действует безотказно, и если за год случится хоть единая поломка — пришлите аппарат почтой, и мы вернем вам радость. Куда прислать? О, это не проблема: в Лондон, Париж, Сеул, Нью-Йорк, Луанду, Джакарту, Иокгаму, на Антильские острова, на остров Бали, на атолл Атафу, что в центральной части Тихого океана...

К стыду японцев, «Прима-Юниор» испортился тут же — не выдержал нашей толстой фотопленки. Московские фоторемонтники дивились нежности аппарата, восторгались его легкостью, сетовали, что он, такой умный — считает сам, мгновенно соображает, — не может глотать кишку, что под силу даже нашей «Смене». Диагноз поставлен был точно: наша пленка порвала металлические зубья шестеренок.

Не оставалось ничего другого, как послать «Приму» на атолл Атафу, который находится у диких островов посреди Тихого океана. Но я предпочел все-таки обратиться в мастерскую Стокгольма, которая находится поблизости от советского посольства в Швеции, — приготовил крохотную посылку, вложил в нее хвастливый японский лист с гарантией и подчеркнул в ней самую большую похвальбу самим себе.

На московском почтамте, удивляясь моей наивности, мне посоветовали отвезти незапечатанную коробочку на Варшавское шоссе, на

Как обмануть таможенню

международный почтамт. Там, сдерживая страсть, удивились моему намерению еще больше. Они не понимали, почему я, такой взрослый, даже старый, претендую на то, на что претендовать разумный человек не может. Отправили к местной таможеннице. Женщина в форме при каких-то знаках отличия — наверное, офицерских — оказалась очень терпеливой. Она три раза подряд объясняла мне, что фотоаппарат пересылке не подлежит, потому что всякая оптика не подлежит пересылке. Я, неразумный, доказывал, что оптика не действует из-за того, что железные зубы обломались. И это уже не оптика, а рухлядь. Разве и рухлядь не подлежит пересылке?

Мы беседовали, как два старинных патефона — в два голоса, не понимая друг друга.

Поскольку мне нечего было терять, кроме рухляди, я первый не сдержался: оставил коробку с моей несчастной японо-шведской радостью и хвастливой гарантией, резко повернулся и сказал:

— Покедова!

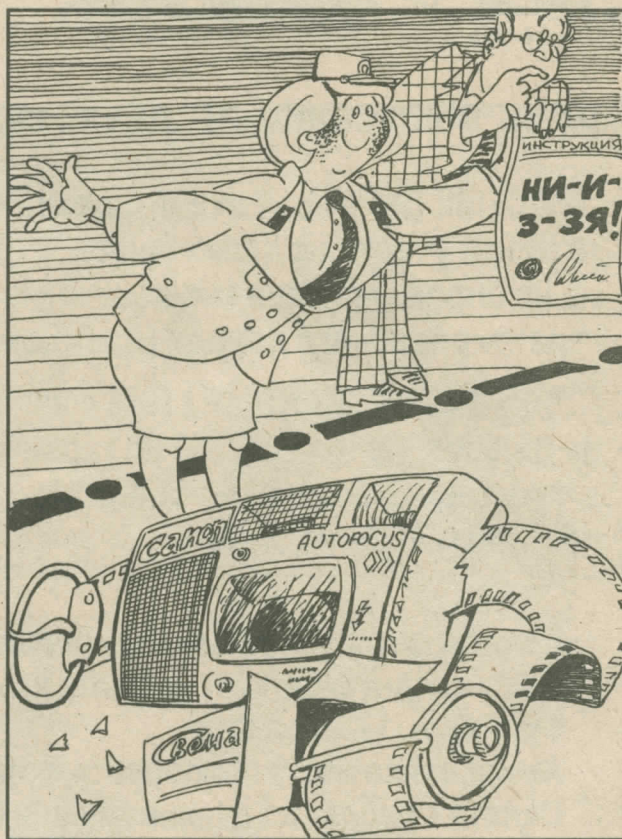
Милая таможенница в непонятных знаках отличия дрогнула, вернула меня, расписалась на разрешении. Моя «Прима» отправилась в Стокгольм...

Но не вернулась. Я грешил на мастерскую, на «Канон», на Японию, на Швецию. Через полгода мне удалось встретить человека, который ехал в Стокгольм. Я дал ему номер телефона, чтобы он на любом языке, который он знает, сказал обманщикам, что я о них думаю.

Ему не удалось их обидеть. Стоило им назвать мое имя, как они, обрадованные вестью обо мне, потребовали его адрес. И прибыли в гостиницу — с извинениями, с моим аппаратом и рассказали поразившую их историю.

«Шведские японцы» признались, что их прекрасные аппараты все-таки ломаются, но редко. Со всего белого света приходят маленькие посылочки от обиженных людей, но

Рис. К. Рыбалко

им не позже, чем завтра, возвращают восстановленный, трижды проверенный аппарат: надо извиниться как можно быстрее, хотя, если честно признаться, виноват не всегда аппарат.

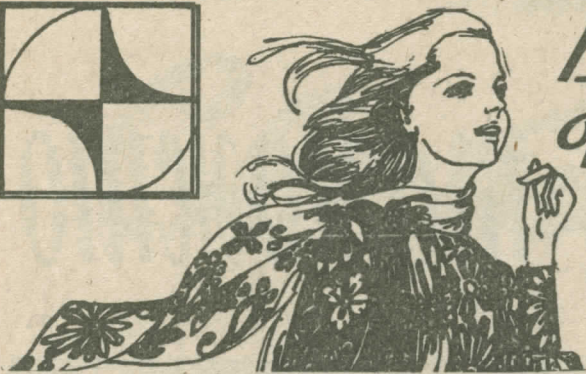
«Канон» поступает так всегда! Но один раз «Канон» не сумел извиниться перед покупателем, который засунул в аппарат брючный ремень, какую-то грубую ленту вместо фотопленки. Почта вернула проверенный аппарат — советская почта, получив маленькую посылочку, гордо вернула ее, потому что оптику она не пересылает.

С тех пор посылка с адресом: «СССР, Москва...» — лежит в мастерской на самом виду. Ее показывают с удивлением всем — не знают,

как поступить. Посылки уходят в ближние и дальние страны, на острова, архипелаги, на атоллы — только в Москву дороги нет. «Не знаете, почему испортилась дорога в Москву?» — спрашивали моего знакомого.

Не суть важно, что он ответил. Мне важен результат: «Прима-Юниор» № 1560755 у меня в Москве, она отлично щелкает, если в нее не заталкивать брючный ремень. Фотографии получаются отменные, и я нисколько не стыжусь, что обвел, обманул нашу бдительную таможенню, которая при всей своей принципиальности портит репутацию страны во всем мире.

Григорий КИРИЛЛОВ,
СССР, Москва

*Всем предприятиям,
организациям,
гражданам,
деловым людям!*

**Северо-Восточный акционерный
коммерческий банк (СВАКбанк)**

и его московский филиал
выполняют все виды
банковских операций,
ведут активную
банковскую
деятельность,
имея 8 филиалов
по всей стране.
Уставный капитал
банка определен
в 150 млн. рублей.
На 1 октября 1991 года
оплачено за акции и
подано заявок на их
приобретение на сумму
до 80 млн. рублей.

Акции выпускаются двух видов:

ПРОСТЫЕ (90% всех акций), дающие право голоса и участия в делах банка, но не определяющие минимальный уровень гарантированного дохода (дивиденда) и...

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ (10% всех акций), не дающие право голоса, но гарантирующие дивиденд не ниже 13% годовых по итогам 1991 года.

Банк гарантирует своим акционерам высокий уровень доходов, о чем свидетельствует выплата его пайщикам за 1990 год дивидендов в размере 17% годовых.

Акции банка могут приобрести юридические и физические лица.

Оплата в рублях по наличному или безналичному расчету или путем предоставления любого имущества и материальных ценностей.

Номинальная стоимость акций — не ниже 1000 рублей.

Банк проводит продажу акций второго выпуска. Только до 1 ноября 1991 года акции банка будут реализовываться по номинальной стоимости. **СПЕШИТЕ** стать акционерами СВАКбанка уже **СЕГОДНЯ!!!**

Котировка акций по результатам торгов на МЦФБ составляет 1,3. Это значит, что завтра за акцию номиналом 1000 рублей Вы заплатите 1300 рублей, а послезавтра... она будет стоить еще дороже!

Подписка на акции и их продажа проводятся Московским филиалом банка по адресу: 129090, г. Москва, проспект Мира, 9 — 18.

Телефоны: 207-77-84, 207-09-17

Факс: 207-31-68

Олег ПЕТРОВ

КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ ЖИВЕТ В МОСКВЕ

(Окончание. Начало в №№ 45, 46—47)

«...В тот день, вечером, часов в десять, я захожу в свою комнату — там сидит Асламбек с другим чеченцем.

— Поехали с нами, — говорит, — разбираться будем.

— Куда? — спрашиваю.

— В кафе «Очаг».

Подъехали к кафе, они фармами поморгали — дубовая дверь открылась. Сидят внутри одни чеченцы, старшие их. Ужином не пахнет.

Приходит какой-то с ключами: «Пойдем». Спускаемся вниз, в подвал. Тот ключами гремит, Асламбек впереди меня, еще один сзади.

Заводят в маленькую темную комнату. Говорят:

— Ты тут посиди, подумай. А нам сейчас некогда, у нас сейчас развод.

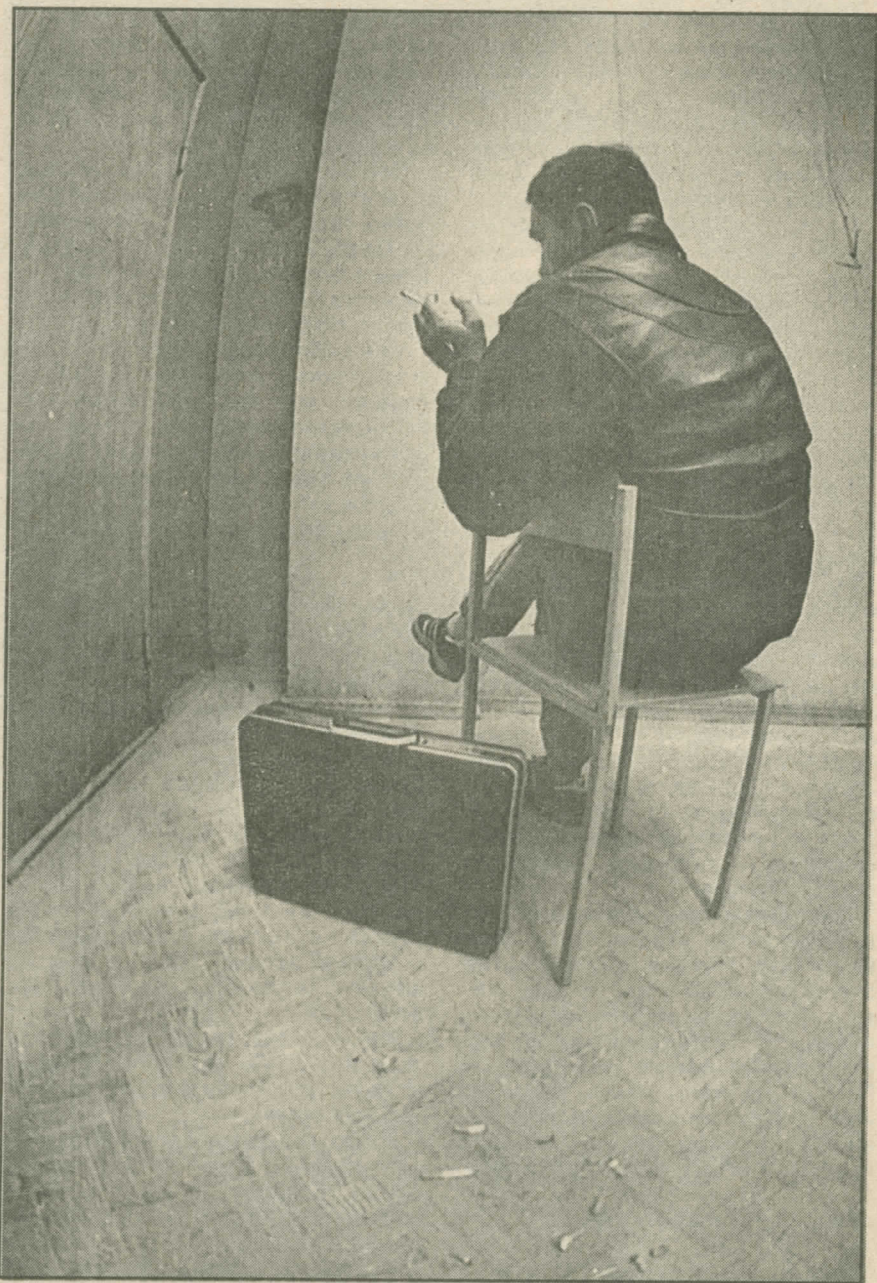
И дверь на засов.

Я на ощупь определил: все стены какими-то трубами опутаны. Ладно, сажу, жду, что дальше будет.

Вдруг — шипение в трубах. Как будто газ пошел. Чувствую, холодно, температура понижается. В холодильник они меня сунули!

Ну, думаю, все, атас».

Из рассказа потерпевшего

Зло всегда бывает наказано — этот постулат наряду с другими прописными истинами так долго вбивали в наши головы, что измученные мозги устали сопротивляться, а изнасилованное сознание приспособилось работать, как электрический выключатель: щелк — одобряем, щелк — осуждаем.

Только природный инстинкт самосохранения спас от массового вымирания миллионы особой искусственно выведенной породы «человек советский», сделал то, что не под силу всем психиатрам в мире с их новейшими медикаментами. Великий и могучий инстинкт научил людей поголовно спасительному раздвоению (и даже растроению, расчленению) личностей. Думать одно, говорить другое, делать третье и получать результаты, совсем уж неожиданные.

Вот оно, чумазое, всеми презираемое, совершенно абстрактное зло, от которого обязательно спасут справедливый судья и добрый дяденька-милиционер из любимого кино. А вот он — я в своей серой, но такой родной шкурке, в своей серой, но очень конкретной жизни. И даже если справедливость восторжествует завтра, шкурку-то могут снять сегодня, и, значит, для меня, единственного и неповторимого, завтра не наступит вообще.

Статистика, располагающая массой ненужных или неточных цифр из любого отрезка нашего бытия, здесь молчит. Я имею в виду реальное число жертв московской чеченской общины и число реально наказанных преступников. Потому что статистика — бумажная наука, а если на бумаге не осталось никаких следов, то кто решится поставить галочку в сводный отчет?

Из рассказа потерпевшего

«Асламбека я знал давно, вместе

учились на рабфаке. Его, правда, в тот же год отчислили за неуспеваемость. Но влиятельный брат быстренько пристроил его в какой-то другой институт, на заочное, и он, приезжая в Москву, всегда заходил ко мне в общагу запросто.

Осенью 89-го пришел, как обычно, и попросил между делом: «Зайди в 504-ю, отдай мой долг — 500 рублей — Паше, я ему в карты проиграл». Деньги оставил и уехал. Я зашел — никакого Паши в 504-й не оказалось, думаю, потом разберемся.

Уже весной возвращаюсь вечером с тренировки (я спортом всегда увлекался), мне на вахте говорят: «Тебя Асламбек ищет». И правда, через некоторое время заходят в комнату он и еще двое ребят. «Все тренируешься? — спрашивает. — Что ж ты меня так подвел, денег не отдал, а?»

Я пытаюсь объяснить, в чем дело, деньги вынимаю. А он: «В общем, рисуй еще один ноль. Завтра пять тысяч отдашь. Понял?» И руку в карман сунул. А там — пистолет.

Понял я, что дело серьезное и кулачных боев не будет.

Часа в два ночи снова стук в дверь. Выхожу. Перед дверью Асламбек, а двое чеченцев по бокам. Руки у всех в карманах. Асламбек говорит: «Давай телевизор в залог (я только что купил для родителей телевизор «Хитачи»), а если нет...» Он достал пистолет с глушителем и передернул затвор. Тот, что справа, вытащил огромный, капустный, наверно, нож.

Забрали они телевизор. Сказали напоследок: «Завтра или пять тысяч отдавай, или техпаспорт — телевизор наш будет».

Я посоветовался кое с кем и поехал утром на Петровку. Те вызвали ОМОН, оцепили общежитие, но в назначенное время никто из чеченцев не вернулся.

Оцепление сняли. А вечером меня

и повезли в то кафе, «Очаг». Даже позвонить никуда не успел».

По самым грубым прикидкам, на глазок, из десяти потерпевших, попавших в поле зрения милиции, только двое соглашаются оставить письменное заявление. Еще не факт, что удастся доказать состав преступления, довести дело до суда и получить обвинительный приговор. Вполне возможно, что даже эти двое откажутся в суде от всех своих показаний, что не явятся в суд свидетели и что судья, заболев странной медлительностью, станет затягивать процесс до полного расстройства памяти всех его участников.

Восемь же остальных потерпевших — даже и добравшись в смятенном состоянии до Петровки, не сразу, после многих настойчивых приглашений, — от порога раскроют свои паспорта на той страничке, где «дети», и взмолятся отчаянно: «Видите? Двое! Мальчик и девочка. Ничего не подпишу». И не подпишут. И, как водится в стране абсурда, будет факт преступления, но не будет ни преступников, ни возмездия.

А сколько человеческих путей-дорожек вообще не пересечется с милицейскими охотничьими тропами?

В мае 1989 года за групповое изнасилование двух женщин милиция задержала трех боевиков «Лазанской» чеченской группировки. После нескольких дней «психологического террора» со стороны земляков задержанных насильников женщины сменили места работы, перестали ночевать дома, а в прокуратуру принесли заявления с отказом от всех предыдущих показаний. Один из боевиков был освобожден из-под стражи (сейчас он за разбой объявлен во всесоюзный розыск), а двое других все еще под следствием, но совсем за иное преступление.

117-я статья в деле больше не фигурирует.

Через месяц, в июне, еще один чеченский боевик, человек без определенного места жительства и занятий, был арестован за вымогательство 50 тысяч. Через 4 дня потерпевший пришел к следователю с просьбой об охране. Бедный, затюканный криминалом районный следователь! Где ему было взять охрану? Больше потерпевшего в РУВД не видели — он просто благополучно уехал из Москвы. А состоявшийся все-таки суд осудил преступника всего лишь за ношение холодного оружия.

Следующий месяц, июль. Трое осетин (тоже членов одной из чеченских группировок, но самого низшего ее звена) вымогают у кооператора и его тещи 20 тысяч. Также задержаны. Все показания и очные ставки снимаются на видеопленку, демонстрируются в «криминальной хронике» по ЦТ. И что же? Опять потерпевшие являются в следственный отдел и сообщают, что ошиблись и опознали подозреваемых неправильно. Странная забывчивость? А без протокола добавляют, что чеченцы обещали вырезать всех четверых детей несчастного кооператора, если показания не будут изменены.

И покажите мне человека, который бросит в этих потерпевших камень беспрекословного осуждения?

Что может тот же следователь, судья, если в сегодняшней, донельзя заформализованной судебно-правовой системе, скрупулезно учитывающей каждую запятую в протоколе, не осталось места живому человеку, его душевным терзаниям?

А с другой стороны, вопреки всякой логике, исключительно по законам дурацкого общества, и следователь, и судья могут все. Например, выпустить явного преступника на свободу, доверившись положительной характеристике с работы. С работы, где он не проработал ни дня. Про это тоже есть истории.

Двое братьев-чеченцев из «Южнопортовой» группировки и один русский, промышлявший до сего кражами в поездах, открывают для себя новый источник доходов. Облагают данью спекулянтов у магазина «Обои» возле метро «Войковская». Недорого поначалу, всего 25 рублей за человеко-день. А как только спекулянты начинают «качать права», организуют массовое

Боевики чеченской преступной группировки вымогают деньги у кооператора. В тот момент, когда на шею потерпевшему была накинута удавка, в квартиру ворвалась милиция. (Оперативная съемка.)

«избиение младенцев», одновременно подняв плату уже до 300 рублей.

Совершенно неожиданно, при переезде на новую квартиру с кучей награбленного барахла, задерживаются милицейским патрулем. При них: кинжал, номерной нож и макет пистолета Макарова. Уголовное дело возбуждается по факту ношения холодного оружия. А следовательно, запросив характеристику на братьев-разбойников, незамедлительно дело прекращает. Характеристика, так умилившая следователя, достойна частичного цитирования.

«Общее собрание коллектива РСУ-1 «Чечингражданстрой» постановляет:

1. Ходатайствовать перед ОВД... отпустить товарищей... на поруки и перевоспитание коллектива «Чечингражданстрой».

2. Коллектив гарантирует воспитание у них чувства долга современного гражданина СССР на пользу перестройки...»

Отпущенные на поруки коллектива граждане сейчас же начали приносить пользу перестройке путем ограбления иностранцев и снова оказались под стражей. Им вменяется 6 краж — из общежитий для иностранцев, квартир, а также представительства итальянской фирмы в Москве.

Из рассказа потерпевшего

«...Очень холодно стало в подвале. Ну я застегнул пуховик, спрятал голову в капюшон и... заснул, от долгих волнений, наверно.

Проспал часа два с половиной, как потом узнал, проснулся от грохота засова. Вошли Асламбек, другие чеченцы: «Ах, ты еще и спишь?» И тут посыпались удары со всех сторон. Я сначала закрывался, а потом не выдержал, упал. Они били и приговаривали: «Твой спорт тебе не поможет. Все равно здесь тебя никто не найдет».

Потом перешли к делу. Велели продать 1100 фальшивых долларов по 15 рублей (они тогда шли за 16) и принести назначенные уже 5 тысяч. После этого они вернут телевизор. И больше — ни-ни.

Я понял, что меня хотят сделать «шестеркой», «солдатом». Деваться

было некуда, и я согласился.

На следующий день отвез «доллары» следователю».

Во всех этих жутких историях есть все-таки один светлый лучик. Да, чеченцы-преступники запугивают нещадно, да, потерпевшим и свидетелям нередко приходится скрываться, да, некоторые дела разваливаются, не дойдя до суда или в суде.

Но сотрудники отдела по борьбе с организованной преступностью действительно не смогли вспомнить ни одного эпизода, когда страшные угрозы были бы осуществлены. Если не пускать все на самотек, разумеется. Там, где есть устойчивый контакт с потерпевшим, преступники попадают за решетку. Это реальность.

Реальность и то, что объектами своих домогательств лидеры чеченских группировок делают не первых встречных. Разведка и контрразведка у них налажены совсем не плохо. Изучаются предварительно: материальное положение клиента — раз, способы приобретения им капитала — два, его отношения с правоохранительными органами — три и, наконец, привычки, маршруты, сердечные привязанности.

Поэтому в числе потерпевших чаще всего оказываются представители сомнительных кооперативов, крупные спекулянты, валютчики, которые скорее предпочтут поделиться шальными деньгами, нежели наберут «02». Впрочем, от «шалостей» хмельных или одуревших от наркоты боевиков не застрахован никто. А попытки самостоятельно выпутаться из критической ситуации могут не удалиться.

Из рассказа потерпевшего

«Петровка начала готовиться к операции. Встречу чеченцы назначили в метро. Все вокруг было оценено — я-то видел это огромное количество скучающих неподалеку мужчин. У входа в метро стояла частная машина с поддельными номерами. За рулем — доброволец-общественник. Деньги лежали внутри, за солнцезащитным козырьком.

Асламбек приехал с помощником. Я сказал: «Продать смог только 100 долларов. Еще привез 5 тысяч, как договорились. Завтра продам остальные. А сейчас поехали, посмотрим, цел ли телевизор».

Асламбек поверил, и мы сели в машину. Он впереди, рядом с шофером, я с его напарником сзади.

Как только Асламбек взял деньги, мы подали условный сигнал, и дальше началось какое-то кошмарное месиво из человеческих тел. Помню только, что я держал руку второго чеченца, которая дернулась к карману, а меня самого тоже кто-то душил.

Очень быстро все произошло. Смотрю — чеченцы уже в наручниках. Потом поехали туда, где хранился телевизор. Взяли там третьего из тех, что ночью ко мне приходили. С ним — мешок наркоты. Вот и все».

Следствие по этому делу длилось полгода. Некоторые эпизоды так и не удалось доказать. Из четырех статей, вошедших в обвинительное заключение — наркотики, фальшивомонетничество, вымогательство и разбой, — полностью доказанным суд счел лишь вымогательство. Несмотря на то, что двое студентов дали ложные показания, будто потерпевший брал у них злополучные 5 тысяч взаймы.

Несколько раз заседания откладывались. В первый же день судья позвонила на Петровку и сказала, что здание суда окружено чеченцами. Их было человек тридцать. Пришлось опять вызывать ОМОН. И на каждое заседание возить потерпевшего в сопровождении автоматчиков.

Асламбек получил пять лет лишения свободы. Двое других соответственно четыре с половиной и четыре года.

Этот процесс над членами чеченской общины в Москве был, конечно, не единственным, успешно доведенным до конца. Были и другие, с не менее детективными сюжетами, мужественными потерпевшими и судьями. Совершенно очевидно, что власть чеченской мафии хоть и сильна, но не беспредельна. Что ей можно и нужно противостоять.

Но уж слишком много претензий к власти государственной. Которая не хочет (или не может?) сделать ничего для защиты своих граждан. Проще, конечно, сидя в мягких парламентских креслах, твердить беспрестанно, как заклинание: «Чеченской мафии нет. Чеченской мафии нет. Чеченской мафии...»

Редакция благодарит ОБОГП УУР ГУВД Москвы за предоставленные материалы.

**Гиперинфляция, неуверенность в будущем превратятся
в пустые слова, если Вы станете акционером
ВСЕРОССИЙСКОЙ ИНВЕСТИЦИОННО-ХОЛДИНГОВОЙ
КОМПАНИИ
ИНКОРОС**

Уставной капитал — 500. 000. 000 рублей.

Цена одной акции — 1 тыс. рублей.

Распространяются пакеты по 20 акций.

**НА ПРОТЯЖЕНИИ СТОЛЕТИЙ КАПИТАЛ
ЭКСПЛУАТИРОВАЛ ЧЕЛОВЕКА, МЫ
ЭКСПЛУАТИРУЕМ КАПИТАЛ.**

ИНКОРОС — это привлечение зарубежных инвестиций в экономику России.

**ИНКОРОС — это действия на отечественных и зарубежных рынках
недвижимости и земли.**

**ИНКОРОС — это создание Международного биржевого центра для работы
акционеров на крупнейших фондовых биржах мира.**

НАКОНЕЦ, ЭТО ВЫСОКИЕ ДИВИДЕНДЫ.

**Учредители: финансовые и биржевые структуры, экономические институты,
банки, внешнеторговые объединения.**

**До 1 января акции ИНКОРОС продаются по фиксированной, а не по свободной
цене.**

Еще не поздно

**присоединиться
к нам!**

ДО ЭТОГО ДАЖЕ ПРОКУРОР НЕ ДОДУМАЛСЯ

По поводу статьи Г.Головкова и С.Бурина «Дюжина бомб в спину либерализма» («Столица», 1991, № 24—25).

Не буду входить в обсуждение тезиса авторов, что манифест 17 октября 1905 г. мог бы стать основой мирных демократических преобразований, да не стал из-за козней большевиков, эсеров и бундовцев. Оставим эту рискованную идею на совести авторов.

Но не могу пройти мимо одного их пассажа.

К списку грабежей, убийств и других террористических и бандитских действий эмиссаров большевистского крыла РСДРП авторы подверстали и такой факт: «...Большевик С.Розеноер вспоминал, как он сам подделал бланк новгородского губернатора на право открытия в городе типографии».

Мой отец, Сергей Михайлович Розеноер, был беспартийным, в чем нетрудно убедиться, заглянув в объемистый справочник членов общества политкаторжан.

Только две подпольные типографии дожили до октябрьского манифеста 1905 г., когда они стали ненужными в связи с провозглашенной свободой печати. Остальные действовали недели, редко месяцы. Недолго просуществовала и типография, в которой работал отец. Она была раскрыта охранкой 10 апреля 1903 г., т.е. задолго до манифеста 17 октября 1905 г. Как же она могла помешать расцвету гражданских свобод, провозглашенных два с половиной года спустя?

В последнем слове на суде, который состоялся в 1904 году после годичного заключения в одиночной камере Петропавловской крепости, отец сказал: «В чем наше преступление, в чем нас обвиняют? В том, что в стране, лишенной свободы слова, союзов, собраний, организаций, мы в

подполье создавали вольное слово для рабочих масс?»

Г.Головков и С.Бурин выступают не только как защитники либерального императора Николая II. Они пошли даже дальше прокурора Камышанского: тот обвинял на суде С.Розеноера в политическом преступлении по 1 части ст.126 уголовного уложения 1903 г., т.е. «За участие в сообществе, заведомо поставившем целью ниспровержение существующего в государстве общественного строя...». А Г.Головков и С.Бурин обвиняют 19—20-летнего юношу еще и в вульгарной уголовщине — подлоге.

Адвокат Ф.И.Родичев, один из лидеров кадетской партии и будущий член всех четырех государственных дум, в защитительной речи на этом суде сказал, что существующий строй отрицает личную и общественную свободу и угрожает внутреннему миру, порядку и благосостоянию народа. «Сидящая на скамье подсудимых учащаяся молодежь пыталась своими неокрепшими руками сделать то, что должны были совершить более зрелые по летам и убеждениям лица из общества».

Выходит, в спектре политических партий симпатии Г.Головкова и С.Бурина находятся намного правее кадетов и приближаются к октябристам, а то и к черносотенному «Союзу русского народа», хоть авторы от него и отрекаются.

А.С.РОЗЕНОЕР

ВРЕМЕНА НОВЫЕ — СЮЖЕТЫ СТАРЫЕ

Рассказ Владимира Матлина «Догвуд» («Столица», № 30) вызвал у меня смутные воспоминания о том, что нечто подобное я читал раньше, причем в самые «застойные» годы. С первого взгляда в это трудно поверить. Ведь в рассказе герой навещает своего брата, долгие годы живущего в США. Брат этот — очень симпатичный человек, никак не

предатель родины, да и Америка «капиталистическим адом» не кажется. Одним словом, в те годы, когда каждый эмигрант считался изменником, такой рассказ появиться бы не мог.

Но, поразмыслив, я понял в чем дело. Рассказ В.Матлина повторяет излюбленную нашими писателями тему о двух братьях (реже — двух друзьях). Один из них подался в город, там преуспел, завел квартиру, машину. Другой же остался жить в полуничей деревне. И вот спустя много лет второй решает первого навестить. Он попадает в непривычные условия большого города. Открывает кран и с восхищением смотрит, как течет горячая вода, теряется в толпе у ГУМа (у «Национальной галереи» в варианте Матлина) и в конце концов... уезжает обратно, хотя ему предлагают остаться. Выбирает жизнь пусть бедную и трудную, но зато привычную.

Жаль, конечно, что в образе разоренной и нищей деревни теперь предстает вся наша великая страна. И забавно, что вдруг оказался актуальным старый сюжет. Оказывается, времена новые — сюжеты старые.

Л.ЮДИН

ВЫ НАМ НАДОЕЛИ!

Мне кажется, что вся эта реклама, которая льется нескончаемым потоком с голубых экранов и из динамиков радиоприемников — при наших пустых прилавках, — просто издевательство над народом. Создается впечатление, что страна состоит сплошь из одних предпринимателей и деляг. В коммерческих магазинах с зарплатой рабочего и инженера особо не разгуляешься. Все-таки ГКЧП еще будет, и будет уже не в шутку (как в августе 1991-го), а всерьез. Народ долго себе голову морочить не позволит. Не пора ли уже нашему правительству об этом подумать?

Г.АНИСИМОВ

«ОСКОЛКИ» КРИВОГО ЗЕРКАЛА

«Столица», № 34, рубрика «Осколки». Начнем с первого, поразившего меня «осколочка» — «Депутатские замашки». Судя по тексту, веселое настроение автора должно передаться и нам. Двадцатилетний парень чуть было не покончил жизнь самоубийством из-за семейных обстоятельств. Наглотался таблеток, выпил. Когда прибыла милиция, забрался по пожарной лестнице на крышу и просил, чтобы его застрелили. У нашей милиции с юмором не очень — стрелять не стали. Увы, «мятежный Владимир» не угомонился и с крыши все-таки «сиганул». Есть и другие смешные подробности: «в «дежурке» бился головой о решетку». Пришлось успокаивать «Черемухой» и надеть наручники. Особую, видимо, улыбку у читателя должно вызвать сообщение о том, что несостоявшийся самоубийца — депутат Архангельского горсовета.

Еще один «осколочек» о самоубийце состоявшемся. («Столица», № 35) На легкий ироничный лад настраивает уже сам заголовок «Сентиментальный бомж». Наверное, он действительно был сентиментальным, наш неустроенный сорокалетний соотечественник В.Басов, если, «поссорившись со своей подружкой Катериной», бросился под автомобиль. Благо «смерть наступила мгновенно». Да и то — скончайся он в муках где-нибудь в Склифосовского, нам было бы как-то неловко насладиться чувством собственного социального превосходства над покойником. А как много говорит о нас с вами последняя фраза: «Ранимо сердце бомжей!» Именно о нас с вами, потому что нам с вами все это преподносится.

Зачем я об этом пишу? Просто хочу подчеркнуть, что ожесточение начинается с такой вот эмоциональной глухоты.

Т.МАГАЛА

А ЖЕНЩИНЫ ТИХО ПЛАКАЛИ...

Этой осенью после производственного совещания в Пензе нам было предложено посетить Тарханы. Группа собралась интеллигентная, достаточно образованная — научные сотрудники или ведущие специалисты. Ехали с чувством радости, с особым поэтическим настроением...

По чьей-то задумке дом-музей в Тарханах не имеет электрического освещения. В октябрьский день он был сумрачен, с затемненными портретами. Весь акцент встречи с поэтом был сделан на несчастных смертях этого рода и на плохом характере бабушки. Долго и тягостно рассказывалось, как кричал Мишенька, если видел ведомых на порку крестьян, как в несчастье зачахла мать поэта... Было так тоскливо и жутко, что некоторые женщины не могли сдержать слез...

Но впереди нас ждало худшее. Оказывается, какой-то умник позволил себе раскопать усыпальницу Столыпиных и устроить нечто уму непостижимое — мавзолей с черным металлическим гробом, который, спотыкаясь, чертыхаясь, переговариваясь, люди должны обходить. Почему мавзолей, если поэт мечтал смешаться прахом с родной землей?

Как понимать наших современников, которые, разметав кости бабушки (по ее праху мы спускаемся), устроили это совсем не гуманное действо? Мы вышли из склепа с чувством глубочайшего сострадания к нашему любимому поэту.

Я не знаю, каков уровень экскурсий в других домах-музеях. Жаль, если старинные усадьбы, где жили прекраснейшие люди России, отданы новым «хозяевам», которые разрушают, вместо того чтобы хранить.

В.Н.ФАДЕЕВА

КРЕМЛЕВСКИЕ ЧАРЫ

«Москва, Кремль, Сталину...» В наше сознание крепко вбито: кто сидит в Кремле — тот и хозяин. Мне кажется, в Кремле, в его стенах, башнях, дворцах скрыта особая сила. Кремлевская магия сказывается и на руководителях. Вспомним Сталина, который почти не выходил из Кремля, запер себя в нем, как в тюрьме.

В одном из фильмов киноленинианы (драматург Е.Габрилович) есть следующий эпизод. Ленин тяжело болен, врачи запретили ему вставать с постели. Однако он нарушает больничный режим. Более того, едва ли не рискуя жизнью, буквально сбегает из Горок. Спешит в столицу, на завод, в цеха, встречается с рабочими...

Этот эпизод построен на подлинных свидетельствах. Однако в действительности он завершился не так, как было на экране. Вождь отправился в Москву не для встречи с рабочим классом. Отнюдь! В предсмертный час полупарализованный Ленин, собрав остаток сил, энергии, отправился... в Кремль.

В молчаливом одиночестве бродил он по кремлевским палатам. Вспомним известное: вопрос всякой революции — это прежде всего вопрос о власти... Ленин и в последние минуты думал о власти, ускользающей из рук...

Наверное, было бы правильно, если бы нынешние руководители набрались мужества и мудрости, покинули роскошные барственные хоромы, ушли из помпезных чертогов, перебрались в современные демократические помещения, строгие, скромные кабинеты. И работа у них стала бы спориться, и дело наладилось, и не пришлось бы позорить «седины» Кремля.

P.S. В свое время Н.С.Хрущев раскрепостил часть Кремля, сделал его доступным. Надо бы эту благородную работу довести до конца. Пусть главная крепость городов русских, одно из чудес света, будет Кремлевским МУЗЕЕМ.

В.ДРОБИШ

ДЖУН РИ, УЧИТЕЛЬ СЧАСТЬЯ

Признаться, сначала ощущение было странным: вот сидит рядом с тобой, в тесноватом номере гостиницы «Россия», посреди взъерошенной Москвы, в каких-то двухстах метрах от безумствующих очередей, человек и с улыбкой говорит, что знает, как сделать счастливым каждого из людей. И не вообще счастливым, а постоянно, в каждую секунду жизни. Что именно поэтому он уже два года регулярно приезжает в нашу страну — чтобы научить нас быть счастливыми. И что очень рассчитывает на успех...

Джун Ри. В искусстве боевых единоборств — человек легендарный, обладатель десяти черных поясов, о котором специалисты говорят, что он на триста лет продвинул искусство тазквондо. Через созданные им школы прошли миллионы людей, он тренировал Мухаммеда Али и Брюса Ли, президентов Рейгана и Буша. (За последнее время и у нас открыто около 70 студий Джун Ри, в которых занимается более 20 тысяч ребят.) Но боевые искусства — лишь часть философии Джун Ри, философии всемирного здравого смысла. Он называет ее философией «Рожден быть счастливым».

— Господин Ри, почему вас все-таки заинтересовал Советский Союз — страна, мало похожая на счастливую, запутавшаяся в неисчислимых проблемах?

— Интерес появился, когда я понял, что вы прощаетесь со своим коммунизмом, что к вам приходит свобода. Я почувствовал, что должен приехать сюда и показать советским людям, как можно стать здоровыми, счастливыми. Например, объяснить всем, что здоровье имеет прямое отношение к положительным эмоциям, чего многие до сих пор не понимают. Ну и другие подобные вещи. А вторая причина в том, что свобода, пришедшая к вам, без необходимого уровня дисциплины может привести к катастрофе. Это самое главное: мы не хотим, так сказать, «дисциплинирования» одного человека другим, наша задача — научить самодисциплине, использовать то, что мы называем положительной мотивацией.

Мне кажется, происходящее у вас может стать действительно началом новой эры в истории человечества. Понимаете, США, Япония или, например, Корея сегодня

на столько насыщены, их потребности настолько удовлетворены, что у людей там нет особого желания что-то менять, искать новую идеологию жизни. А вы ищете новые идеи, новые мысли. Кроме того, ваша страна имеет колоссальные природные и людские ресурсы. Этого достаточно для здоровья и счастья нации, если в обществе будет здравая социальная идея и политическая энергия, чтобы ее осуществить.

— Вы начали со слов о свободе. Свобода — необходимый атрибут вашей философии?

— Безусловно. Человек может быть счастливым, только когда он действительно свободен. И для этого не надо тратить никакие деньги — каждый, в принципе, должен быть миллиардером. В том смысле, что он должен чувствовать себя хозяином.

— Знаете, нам все годы советской власти внушали, что мы — «хозяева своей страны», но к свободе это не имело никакого отношения. И к счастью, как оказалось, тоже.

— Я имею в виду другое. Простейший пример: мне не надо, чтобы эта гостини-

Фото Э.Курдювского

ца «Россия» была моей собственностью, — мне достаточно свободно входить в нее и свободно выходить отсюда. Когда я еду в аэропорт, то до тех пор, пока я могу выйти из машины и свободно ступить на землю, лежащую вдоль дороги, — я могу считать ее своей. Пока мне позволено свободно летать туда, куда я хочу, и над тем, над чем я хочу, до тех пор все, что на земле, внизу, тоже будет моим. Можно назвать это коммунизмом, если хотите. Такой коммунизм существует в моей семье: всем, что у нас есть, я, моя жена и дети пользуемся одинаково. Этот принцип применим ко всему человечеству — оно должно существовать как одна семья. Если это коммунизм, то настоящий, в божественном смысле. Я сейчас говорю, конечно, очень упрощенно, а подробно о философии «Рожден быть счастливым» рассказал в статье, которая напечатана в этом году в первом номере советского журнала «Международная жизнь».

— Так что же важнее для того, чтобы стать счастливым по вашей теории, — «общее состояние» человечества или физическое и нравственное са-

мочувствие отдельного человека?

— Конечно, фундамент вашего счастья — это здоровье вашего тела и духа. А для того, чтобы быть действительно здоровым, нужно правильно питаться, правильно дышать и упражняться.

Правильное питание — это «живая» пища: овощи, фрукты, а не «мертвое» мясо. Правда, утверждают, что, например, занятие боевыми искусствами требует много сил, а их дает мясная пища. Но обратите внимание: самые мощные животные — слоны, буйволы и т.п. — вегетарианцы.

Что касается правильного отдыха — то это прежде всего правильный сон. Лучшее всего короткий и глубокий, к которому вас подводят физические упражнения. Мне, например, хватает 4—5 часов сна в сутки, чтобы прекрасно себя чувствовать.

Но диета — понятие не только физиологическое, а и духовное, скажем так. Как в Библии: не хлебом единым... Есть «диета» для вашего ума — во время медитации вас, скажем, должны охватывать мудрые мысли. Отдых тоже существует и для тела, и для духа. Под этим мы понимаем то, что соответствует молитве: когда вы освобождаете мозг от мыслей, он отдыхает.

И кроме упражнений для тела есть упражнения для ума. Это творчество, все виды искусства: музыка, живопись, танцы, кулинария и т.д. Другими словами, надо заниматься тем, что доставляет радость вашим пяти чувствам. Наша жизнь, собственно, и есть не что иное, как удовлетворение этих чувств.

— Говорят, в США вы открыли «Клуб столетних»?

— Да, причем каждый член клуба должен без особого труда отжиматься 100 раз. Так что стать нашим сторонником никогда не поздно. Но особый акцент мы делаем на работу с детьми, по-

тому что за ними будущее. Важно в раннем возрасте дать положительную мотивацию. Дать надежду... Кстати, медицинские исследования показывают, что клетки человеческого организма могут функционировать не менее 140 лет. Я, например, все время собираюсь дожить до 136 и буду делать в этом возрасте 136 отжиманий. Представляете мужчину в таком возрасте, который легко выполняет отжимания, занимается боевыми искусствами? Думаю, каждый захочет на это посмотреть. Кто не верит — приглашаю прийти.

— И долго ждать?

— Не очень. Сейчас мне 60, а чувствую себя семнадцатилетним.

— Господин Ри, вы утверждаете, что каждый ваш ровесник может обрести такую форму?

— У каждого, конечно, своя индивидуальность. Но в принципе... Мы можем дать вам убедительные мотивы, предложить программу, показать пример. А дальше все зависит от вас.

Все знают, допустим, что курить и пить спиртное вредно. Но если вы начнете объяснять это вашим детям, предварительно выпив рюмку и выкурив сигарету у них на глазах, они вам не поверят. Они следуют тому, что видят, а не слышат. Точно так же в обществе пример политических лидеров важен для нации. Если они хотят, чтобы люди в их странах были здоровыми, трезвыми, — они должны первыми отказаться от этих привычек и «традиций». Возможно, для кого-то из них это будет жертвой, но на нее надо пойти.

— У вас нет идеи начать такие же тренировки с нашими политиками, как вы проводили с Рейганом, а сейчас — с Бушем?

— Есть, конечно. Меня, в частности, не оставляет мысль позаниматься с депутатами вашего парламента. Ведь в США

я уже 25 лет преподаю тазквондо конгрессменам. Причем бесплатно — чтобы выразить свою благодарность Америке, которая когда-то приняла и пригрела меня, эмигранта из Кореи. Такие же бесплатные уроки я готов давать и здесь.

Хочу поделиться этой идеей с Гавриилом Поповым. Мы с ним знакомы по встречам в Вашингтоне, и он мне очень нравится.

— А вас не смущает, что большинство наших политических лидеров выглядят не слишком спортивно?

— Наоборот, это означает, что они во мне нуждаются. Если бы они выглядели спортивно — зачем я был бы им нужен?

— Будем надеяться, что ваши уроки состоятся и вы поможете нашим политикам стать счастливыми. И нам тоже.

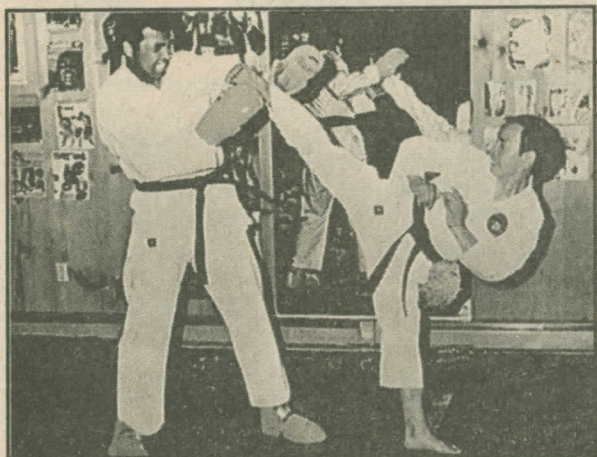
— Если говорить серьезно, то наша цель — сделать каждого счастливым — достижима тогда, когда все будут что-то предпринимать для этого. Очень важно, чтобы люди поняли: когда Бог дал нам разум, две руки и две ноги, он снабдил нас всем необходимым. И не надо Его больше ни о чем просить. Во всяком случае, если я у Него что-то прошу, он отвечает: «Перестань попрошайничать, я уже все отдал».

Есть такая притча. Некий человек по имени Джон вырастил прекрасный сад на месте заброшенной свалки. И когда он работал в этом саду, мимо шел священник. Он сказал: «Поздравляю тебя, Джон, замечательный сад вырос у тебя с божьей помощью». Садовник ответил: «Да, святой отец, без Его помощи, без дождя, без солнца у меня ничего бы не вышло. Но, с другой стороны, вам бы стоило посмотреть на это место, когда оно принадлежало только Ему».

Ничего не происходит, если человек не начинает действовать...

Владислав СТАРЧЕВСКИЙ

На снимках: Джун Ри с Мухаммедом Али и Арнольдом Шварценеггером

АО

предлагает

систему защиты
от несанкционированного
копирования с гибких
дисков «AEGIS»;

не имеет аналогов
в мировой практике.

ЗВОНИТЕ НАМ СЕЙЧАС!!! 401-54-95

НАРОДНЫЙ КОНЦЕРН БУТЭК Фирма МКД

МЕДИЦИНСКАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ СИСТЕМА ЭКСПРЕСС-ДИАГНОСТИКИ СКРЫТОЙ ПАТОЛОГИИ (ЭДСП)

Обследование всех органов и систем пациента по точкам акупунктуры на ушной раковине

- ЭДСП — раннее выявление заболеваний, высокая достоверность
- ЭДСП — высокая производительность и экономический эффект
- ЭДСП — оригинальный прибор, подключенный к компьютеру
- ЭДСП — результаты — в терминах европейской медицины
- ЭДСП — карта обследования с диагнозами и результатами печатается автоматически
- ЭДСП — результаты обследования хранятся в базе данных
- ЭДСП — срок поставки — 24 часа

Отпадает необходимость в первичном проведении лабораторных анализов, рентгеновских снимках и других функциональных обследованиях.

Обследование одного пациента занимает менее 20 минут, проходит без неприятных ощущений и нежелательных воздействий.

Наглядное цветное изображение, доступная программа обследования и «доброжелательная» программа компьютера спроектированы так, что любого врача наш специалист обучит системе диагностики за 3—4 индивидуальных занятия.

В стоимость поставки в любую точку страны входят:

- сдача заказчику «под ключ»;
- обучение врачей заказчика;
- обслуживание в течение гарантийного срока 12 месяцев.

Заказчик может выбрать одну из модификаций системы:

- система, совместимая с IBM PC/AT или XT;
- система, совместимая с персональной ЭВМ «Агат».

ПРИ КОММЕРЧЕСКОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СРОК ОКУПАЕМОСТИ СИСТЕМЫ — НЕ БОЛЕЕ 3 МЕСЯЦЕВ.

Адрес: 117296, МОСКВА, а/я 34 Телефон: 930-06-44 Факс: 292-65-11 МЕКАД

**Акционерное общество «ИНТУРТРАНС»
открывает Вам мир туризма!!!**

- * увлекательные индивидуальные и групповые путешествия в более чем 20 стран Европы, Азии и Америки
- * отдых на всемирно известных курортах Италии, Греции, Мальты, Кипра, Испании, Малайзии, Таиланда, Французской Ривьеры
- * горнолыжные курорты Швейцарии и Франции
- * морские круизы по Балтийскому морю на комфортабельных лайнерах финской компании «Силиа Лайн», а также на советских теплоходах по Черному и Средиземному морям

**АО «Интуртранс» организует оформление и выдачу заграничных паспортов, виз, обеспечивает клиентов проездными документами на самолет, поезд, теплоход в международном и внутрисоюзном сообщениях
Оплата поездок в валюте и советских рублях.**

С НАМИ ВАМ РАДЫ ВЕЗДЕ

Наш адрес: 103031, Москва, ул.Петровка, 15/13

**☎ 927-11-79,
928-46-00, 927-11-85
телефакс 921-19-96
телекс 411449 INTUR SU**

Елена
СЕМИНА:

**“Мы научим вас
говорить и думать
на нужном вам
языке”**

В фирме
“Профессионал”
вам откроют
тайну “интенсива”

Известно, что “интенсив” — кратчайший путь к овладению иностранным языком. Хорошее знание иностранного языка до недавнего времени было привилегией немногих, постигали его в основном в специальных школах или инязах. Как же научиться за максимально короткий срок понимать разговорную речь, общаться на иностранном языке, проводить деловые беседы или переговоры с инофирмой, вести частную или деловую переписку с друзьями или партнерами за рубежом? Можно нанять преподавателя и заниматься год-два, но это долгий срок, кроме того, в этом случае научиться общению на иностранном языке, ведя диалог только с одним собеседником-преподавателем, довольно трудно. Частные уроки один на один с преподавателем больше подходят абитуриентам, желающим глубже познать грамматику или литературу изучаемого языка.

Навыки разговорной речи, знание реалий страны изучаемого языка в большей мере могут дать курсы интенсивного обучения, но при следующем условии: в группе не более 10-11 человек. Методика подобрана для каждой группы индивидуально (в зависимости от степени знания языка), преподаватель бережно, с пониманием и любовью относится к каждому студенту, задания на дом — индивидуальные, опрос проводится тщательно, дифференцированно, от сильного студента к более слабому и т.д. Это основные принципы работы научно-методического центра объединения “Профессионал”, известного жителям столицы.

Завесу над тайной “интенсива” мы попытаемся приоткрыть в интервью с директором объединения Еленой СЕМИНОЙ.

— Елена Николаевна, одно название вашей фирмы говорит о серьезном подходе к делу, ставка на качество и высокий уровень обучения...

— Вы правы, наши методики отличаются от наиболее распространенных сейчас "облегченных" методов преподавания языков. Интенсивность у нас сочетается с глубокой подачей грамматического и фонетического материала. Поэтому выпускники наших курсов способны в дальнейшем самостоятельно совершенствоваться в языке. Кстати, только у нас всем студентам с первого же занятия выдаются учебники, которые переходят в их собственность, а ведь их коммерческая цена почти равна стоимости всего курса...

— Хотелось бы узнать о наиболее интересных методиках, а также о том, какие именно языки можно выучить в "Профессионале"?

— У нас можно изучать английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, финский, шведский, японский и датский языки. Кроме того, по мере формирования групп возможно обучение греческому, голландскому, китайскому и фарси. Что касается методик, то особым успехом пользуются различные зарубежные методики и пособия, а также интенсивный курс немецкого и английского языков, написанный специально для "Профессионала" Элизой Трофимовой-Брандт. Она представляет максимум творческой свободы студентам, учитывает потребность аудитории не только в механическом, но и осмысленном запоминании материала, ис-

пользует экстралингвистические приемы обучения. В этой методике отсутствуют домашние задания, что ни в коей мере не умаляет ее эффективности, зато создает благоприятный психологический климат для слушателей. Наши курсы — хороший трамплин для развития разговорной речи, они помогают преодолеть языковой барьер и переходить на более высокий уровень общения, у абитуриентов появляются раскрепощенность и уверенность в себе. Деловые люди также могут получить необходимый запас общей и специальной лексики в отдельном организованном группах. Причем именно менеджерам, брокерам, бизнесменам необходимо как можно быстрее найти нас — с развитием рынка совершенствуется и методика обучения биржевой, банковской и деловой лексике, разумеется, в сочетании со знанием грамматических конструкций. А вот в методике обучения русскому языку...

— Как, еще и русский?

— Да, для ребят 9-11 классов мы даем интенсивный курс русского языка для поступления как в гуманитарные, так и технические вузы. Детский драматург Людмила Александровна Мажорина разработала оригинальную систему с элементами игры и свободных ассоциаций, которая очень нравится старшим школьникам. Здесь применяются и домашние задания, но они выглядят как своеобразные веселые разминки. Например, перед уходом с занятия каждый

получает с собой табличку, условно именуемую чемоданчик или рюкзачок. И дома он должен собрать этот багаж в дорогу — то есть вставить пропущенные буквы, запятые и так далее.

— Нашим читателям было бы интересно узнать адреса ваших курсов и телефоны.

— Центр имеет два справочных телефона: 422-70-90 и 472-28-89, по которым можно звонить с 8 до 21.00. Занятия проводятся по адресам: метро "Таганская", 5-й Котельнический переулок, д.8, тел. 272-33-82 (с 16.00), метро "Профсоюзная", школа N 191, тел. 125-31-28 (с 16.00 до 20.00), метро "Маяковская", ул. Красина, д.20, школа N 136, тел. 254-22-95 (с 17 до 21), метро ВДНХ, ул. Аргуновская, спецшкола N 52, тел. 902-23-36 (с 17 до 21). Всех, кто хочет быстро и в то же время качественно научиться говорить и думать на нужном вам языке, мы ждем у себя.

— Сколько стоит обучение на ваших курсах?

— Обучение русскому языку, которое продолжается три недели (три раза по три академических часа), стоит триста пятьдесят рублей. Интенсивный курс иностранного языка занимает полтора месяца, также три раза в неделю и стоит частным лицам четыреста рублей, для групп от предприятий — пятьсот рублей за каждого слушателя. Новые группы приступают к занятиям ежемесячно.

Вадим БАЕВ

НМЦ ОБЪЕДИНЕНИЯ "ПРОФЕССИОНАЛ"

Интенсивные курсы языков:

* английский * немецкий * французский * испанский * итальянский * шведский * японский * датский * греческий * голландский * китайский * фарси

Для учащихся 9-11 классов СПЕЦИАЛЬНЫЙ КУРС РУССКОГО ЯЗЫКА
к поступлению в гуманитарные и технические вузы

СПРАВОЧНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ: 422-70-90, 472-28-89

* 272-33-82 м. "Таганская" * 125-31-28 м. "Профсоюзная" * 254-22-95 м. "Маяковская" * 902-23-36 м. "ВДНХ" *

"ПРОФЕССИОНАЛ" ПОМОЖЕТ ВАМ ПРЕОДОЛЕТЬ ЛЮБОЙ ЯЗЫКОВОЙ БАРЬЕР!

Мелодия из подвалышка

Эти девочки держали на груди плакаты, какие обычно бывают у пикетчиков. Но встали они у длинных очередей к кассам Зоопарка — странное место для протестов. Потом одна из них взяла микрофон и закричала: «Завтра, в воскресенье! В 12 часов! Спектакль для детей и взрослых «Аленький цветочек»! Театр-студия «Мозаика»! Покупайте билеты!»

Театры-студии — одна из загадок Москвы. Единицы из них стали знаменитыми: «На Юго-Западе», «У Никитских ворот», «На досках». Но не о них сейчас речь. В бесчисленных московских ДК, клубах, дворцах пионеров упорно цепляются за жизнь десятки крохотных коллективов, названия которых толком не помнит даже клубная сторожиха. И тем не менее они существуют, у них есть режиссеры, постоянный репертуар, даже свои авторы. Самое удивительное, у них есть еще и зрители...

В вестибюле вдоль стен дремлют женщины, закутавшиеся в платки. Они пришли в клуб не на спектакль, им надо дождаться детей из «Образцового кружка бального танца». Мы свернем налево, пройдем по длинному коридору, здесь поднимемся, там спустимся на несколько ступенек... нет, в эту комнату мы зашли зря, здесь балетный станок и куча опилок на полу. Сейчас мы в маленьком фойе. До начала спектакля еще целых семь минут, и зрительный зал заперт на большой висячий замок.

Клуб тем временем живет своей обычной вечерней жизнью. Где-то с шумом открывается и закрывается дверь и две секунды слышен прекрасный баритон — слева идет урок пения. По фойе пробегает раскрасневшаяся физкультурница в трико. Ругается уборщица: «Кто пустил котенка на чердак?» Если подняться чуть выше, можно услышать крики и грохот выстрелов — в видеосалоне идет фильм «Одинокий убийца». С чердака спускается электрик,

прижимая к себе котенка, тот мяукает и дергает лапками. Очень хочется и дальше на него смотреть, но в этот момент открывают дверь в зал.

Есть старая острота насчет того, что в зрительном зале народу должно быть во всяком случае больше, чем на сцене. Я была на спектакле с тринадцатью актерами и восемью зрителями. Правда, такое случается редко — обычно в пьесах меньше персонажей.

В зале сидят прежде всего родственники и знакомые артистов. Не смейтесь, обычно у человека много и родственников, и знакомых. Если собрать всех вместе, можно заполнить целый ряд.

Несколько человек, которые не знали, куда деться сегодня вечером, проходя мимо, увидели афишу.

Пожилая женщина из соседнего двора, которой до театра в центре добираться далеко, а возвращаться страшно.

Толстая, с косичками дочь гардеробщицы, которую мать отправила смотреть спектакль, чтобы та не вертелась под ногами.

И наконец... Кажется, Станиславскому принадлежит фраза о том, что у любого артиста, даже самого бездарного, есть свои поклонники. Точно так же они есть и у самого маленького, никому не известного театрала. Первый раз оказались здесь случайно, но теперь не пропускают ни одной премьеры и так увлеченно обсуждают с режиссером прошлый спектакль, что сегодняшней задерживается на пять минут.

Их можно понять. Так называемая «магия театра» присутствует здесь больше, чем где бы то ни было, несмотря на кошек, баритоны, шум полтера с верхнего этажа и лестницу-стремянку, которую забыли в углу зрительного зала. Когда после всего вдруг гаснет свет, на сцену выходит человек и начинает что-то изображать — это страшно интересно.

Он чиркает спичкой, закуривает. Потухшая спичка падает на пол в трех сантиметрах от ноги ближай-

шего зрителя. Но никто не обращает на нее внимания, все ждут, что будет дальше.

Современная комедия: на сцене кооператоры, мафиози. Механик-пьяница, он размахивает руками и говорит о Ельцине и ценах на водку. Сейчас будет переигрывать... Нет, не переигрывает, все нормально, все на уровне. В зрительном зале напряженное внимание. После первого акта никто не уходит. Да и сделать это трудно — гардеробщица заперла все куртки и пальто на ключ и тоже сидит в зале.

Сколько я ни искала, ни одного по-настоящему плохого, бездарного спектакля увидеть не пришлось. Может быть, мне просто повезло. С большими художественными открытиями тоже не повстречалась. Рыскать по подвалам московских клубов в поисках неведомых шедевров — задача романтическая, но бесперспективная.

«Про Шостаковича рассказывают такую легенду. Однажды к нему пришел молодой человек и сообщил, что он по профессии не композитор, но написал симфонию (или сонату, точно не помню). Сыграл ее и стал ждать от мастера суровой критики. Вместо этого Шостакович, просяив, воскликнул: «Замечательно, молодой человек, гораздо лучше, чем пить водку!» Эту историю мне рассказал Виктор Шендерович, писатель-сатирик, бывший режиссер театра-студии во Дворце пионеров на Ленинских горах.

«Я не хочу сказать, — продолжает он, — что большинство студий существуют для утешения бездарностей. Мне приходилось бывать на приемных экзаменах в ГИТИСе. Я слышал, как часто педагоги говорили: «Эта девочка близка к гениальности, но, боже мой, что мы будем с ней делать?» Необходим целый комплекс условий, чтобы стать артистом: талант, внешность, попадание в ампула, пластика, дикция, темперамент... Иногда одно-два из них отсутствуют напрочь. Зато все

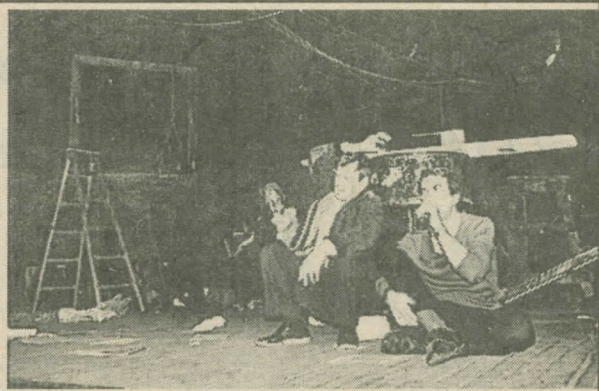
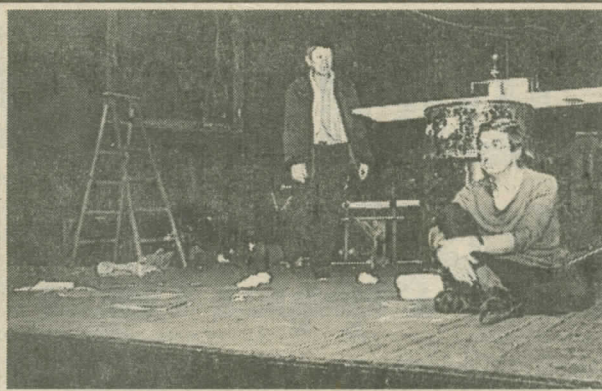

Фото Э. Кудрявицкого

остальные на месте. Обидно. И главной — есть то, что, кажется, Лев Толстой называл «энергией заблуждения». Не объяснить семнадцатилетнему парню, что он — не гений. И не надо. Нужна питательная среда, бульон. Чтобы возник один хороший театр, требуется сто плохих.

Самая несчастная студия, как бы она ни называлась: «В подвале», «На чердаке», «За мусорной кучей», все равно точная модель большого театра. Есть примадонны, есть обиженные, бывают скандалы. Но чисто студийная черта — процесс преобладает над результатом. Репетиции важнее спектакля. Помните, у Жванецкого: «Паровоз для машиниста». Вот так и эти маленькие, никому не известные студии существуют для артистов в большей степени, чем для зрителей. Лучше репетировать, чем пить водку. В сущности это — форма коллективного чайничества, она сродни графомании. Театр — волшебное место, кто туда попал — уже не вырвется».

Волшебное место... Пить водку в наше время — дорогое удовольствие. Быть «чайником» — роскошь еще большая. Клубы и дворцы культуры переходят на хозрасчет. Им выгоднее отдать зрительный зал под лекции популярного экстрасенса. Студии под всякими предложениями выживают. Выход один — са-

мим стать коммерсантами, добывать деньги, арендовать помещение, платить за него.

Ни один театр дохода не приносит и приносить не может. Если каким-то чудом соберется полный зал, значит, в лучшем случае можно будет оплатить декорации.

Если есть лишняя комната (особенно с телефоном), ее можно сдать какой-нибудь конторе, ничего, самим придется потесниться. Можно открыть коммерческий магазин или видеосалон. Это выгодно, но и опасно, такая деятельность затягивает. Рано или поздно начнешь спрашивать себя, а нужен ли вообще театр? Может быть, самим экстрасенсов приглашать?

Через них отмывают деньги. Союз артистов и предпринимателей далеко не всегда основан на бескорыстной любви к искусству.

Но и криминальный оттенок тоже не обязателен. Многие студии честно ищут (и находят) спонсоров. Хотя сейчас спонсоров ищет каждый второй — на театры мало что остается.

Если театр находится на окраине, ему часто приходится скитаться по другим районам, арендовать на один-два спектакля залы.

Это современные бродячие артисты. Правда, за пределы города они выбираются редко. Но Москва

по населению равна нормальной европейской стране. Какая разница, путешествовать из какого-нибудь Марселя в какой-нибудь Лион, или из Керчи в Вологду, или из ДК Института стали и сплавов в клуб «Искра революции»?

У этих людей не берут интервью, их имена не появляются в газетных рецензиях. Но они репетируют, выйдут на сцену, играют. Если можно разделить мир обычных людей и мир артистов, то они застряли где-то между.

Сейчас, когда и в государственных театрах пустые залы, маленькие студии должны были сами собой умереть. Но они живучи, как все, без чего можно обойтись. От них ждали, что они станут фактом искусства, но они — факт жизни, доказательство того, что она продолжается. Если молодой человек станет инженером в СП, вместо того чтобы играть Тузенбаху перед одиннадцатью зрителями, благосостояние его и его семьи резко улучшится. Но он этого не делает, и слава Богу. Когда со стен и заборов исчезнут их афиши, жизнь станет вдвойне бесцветной. Как кажется вдвойне мрачным подземный переход или вокзальная площадь, когда затихает мелодия уличного музыканта, играющего вальс на ящике из-под пива.

Екатерина ГОНЧАРЕНКО

НАСЛЕДСТВО ШАЛЯПИНА. ПРОДАНО? УКРАДЕНО?

«Бриллианты Шаляпина» — так называлась почти детективная история, с которой примерно год назад познакомила своих читателей «Рабочая трибуна». Частное расследование писателя Александра Арцибашева касалось темной истории махинаций с наследством Федора Ивановича Шаляпина, которое завещала в дар России дочь великого певца. Напомним вкратце суть публикации. Душеприказчик Ирины Федоровны Шаляпиной-Бакшеевой П.П.Пашков должен был исполнить последнюю волю завещателя — проследить за передачей имущества в дар музеям страны, средней школе в Нижнем Новгороде, родственникам Шаляпиных, проживающим за границей. Но часть вещей пропала вообще, а часть была продана Музею музыкальной культуры имени М.И. Глинки и Всесоюзному художественно-производственному объединению имени Е.В.Вучетича.

Предоставляя сегодня слово А.АРЦИБАШЕВУ, мы далеки от того, чтобы утверждать, что по поводу этой истории не могут существовать и другие точки зрения, возможно, даже более обоснованные. Надеемся, что публикация вызовет отклики оппонентов А.Арцибашева, которые мы также готовы напечатать.

Состояние Шаляпина было огромным. Об этом можно судить уже по самому дому на Новинском бульваре (ул.Чайковского) — это большой особняк с двумя флигелями. Когда семью (жену и дочь певца) уплотнили и она переехала в двухкомнатную квартиру на Куту-

зовском проспекте, на новое место было взято только самое дорогое — маленькая квартирка не вместила бы всего. По свидетельству очевидцев, вещи в ней лежали штабелями, двинуться было негде. Дома у Ирины Федоровны бывали тогдашний министр культуры Демичев и его заместитель Кухарский. Они знали, какое богатство там находится. Бриллианты, которые бросали певцу на сцену состоятельные люди, множество серебряных произведений прикладного искусства... Картины Поленова, Остроухова, отца и сына Коровиных, Васнецова... Антикварные и мемориальные вещи — старинные иконы, посуда, скульптуры, хрустальные вазы, книги, мебель, помнившая Федора Ивановича... И тем не менее, как сказал мне Кухарский, никакого приказа по министерству о наследстве не существовало, хотя завещание уже было составлено и должностным лицам следовало бы поинтересоваться тем, что отойдет государству.

Приехав в Москву после смерти сестры (это было двенадцать лет назад), Федор Федорович и Татьяна Федоровна Шаляпины увидели, что квартира практически пуста. Все последующие годы они искали пропавшее наследство, обращались в самые разнообразные инстан-

ции. Вот что писал Федор Федорович в апреле 1990 года:

«...Нигде в мире, ни в одной культурной стране такое безобразие случиться не может. Это было возможно только в Советской России. Так как твердых законов нет, и личность никак не защищена...

Умерла сестра Ирина. Нас вызывают в Москву принять наследство. Сестра оставила завещание и точно все указала, а также перечисляет свои драгоценности — кольца, браслеты, брошки и т.д. Приезжаем. Входим в квартиру. Совершенно пустая. «Где всё?» — спрашиваем. Ответ: «Всё в архиве!» (Мифического «архива» Шляпины так и не нашли. — **Ред.**) «А мебель тоже?» Молчание. Кроме всего, и драгоценности исчезли...

Заявил о воровстве... Никакого следствия и результата» (цитируется по публикации в «Рабочей трибуне». — **Н.М.**).

Больше того, Шляпины привезли в Москву для будущего музея певца его сценические костюмы, выполненные по эскизам крупных художников. Три из пяти тут же пропали.

Разве не стыдно за страну, когда читаешь далее в письме Федора Федоровича: «...Итальянцы, которые имели какие-то дела в Москве, предупреждали: вам там или налгут, или вас обманут, или обокрадут...»

Кстати, такое положение вещей распространяется не только на иностранцев, приезжающих в Союз. Мы, живущие здесь, чувствуем это на себе ежедневно. Вот еще один маленький эпизод: долгое время мое расследование тормозилось отсутствием завещания — без него нельзя было документально доказать, что и куда собиралась передать Ирина Федоровна. Копию его, которая хранилась в нотариальной конторе № 1, затопило вместе со всем архивом, находившимся в подвале жилого дома, а не в сейфах и специально оборудованных помещениях. Сколько еще там погибло документов!

Только из моей публикации дети Шляпина узнали о том, что Пашков долгие годы водил их за нос: продавал наследство Ирины Федоровны, а не передал его безвозмездно. Они тут же аннулировали доверенность на него и попросили меня представлять их интересы в нашей стране. Я бы никогда не взялся за это дело, поскольку это тяжело, отнимает много времени и вообще занятие не для писателя. Но Шляпиным оказалось не к кому больше обратиться. Видя, что никому их дело не интересно, я принял предложение. И, как выяснилось, вовремя. Заявление Федора Федоровича, переправленное Прокуратурой СССР в прокуратуру Киевского района Москвы, списали в архив без разбирательства. Лишь сравнительно недавно благодаря содействию бывшего заместителя Генерального прокурора СССР И.П.Абрамова дело передали в московскую прокуратуру. Она занялась им, наконец-то нашелся юрист, увидевший в этой истории криминал. И я надеюсь, что хоть теперь что-то сдвинется с мертвой точки.

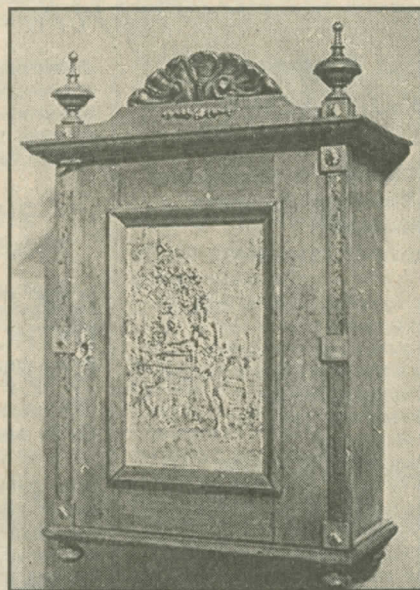
Занимаясь расследованием, готовя публикацию, посещая прокуратуру, я постоянно ощущал, что кто-то очень хочет замять дело. Это выразилось и в том, что редакция «Рабочей трибуны» не передала мне ни одного отклика на серию статей, которые выходили в течение месяца. На вопрос о письмах я получил неразумительный ответ. Но не может же быть, чтобы их не существовало!

Промолчал в ответ на публикацию и Советский фонд культуры. Я разговаривал с Г.В.Мясниковым — заместителем председателя фонда. К сказанному мной он отнесся очень прохладно.

Беседовал я и с Н.Н.Губенко, говорил о неблагоприятных делах шляпинского музея, музея имени Глинки, предупреждал о готовящейся публикации в «Рабочей трибуне». Федор Федорович тоже хотел встретиться с Николаем Николаевичем, но принял его лишь заместитель министра. И вновь никаких ответных действий. Может быть, все дело в том, что музеи — епархия министерства культуры? Не хочется копать под самих себя? Ведь при расследовании выяснились факты не только халатности музейных работников, не проверивших правомочность продажи им наследства, но и то, что все закупленное было оценено очень дешево, а это создавало прекрасные условия для кражи ценностей уже из самих музеев.

Не скрою, что моя настойчивость в обращении в прокуратуру была связана еще и с тем, что Пашков подал на меня и на «Рабочую трибуну» в суд. Причем не сразу после публикации, а спустя полгода. За причиненный ему ущерб он потребовал возмещение в 15 тысяч рублей. Думаю, полгода ему понадобилось на то, чтобы что-то прикрыть, просмотреть документацию, возможно — заменить копии проданных в музеи картин на оригиналы. А иначе зачем ему вдруг стали нужны слайды этих картин? О них мне сообщила женщина с работы Пашкова (так она представилась по телефону). Она сказала, что Пашков собирается в Америку и ему напечатали большой список картин, а также изготовили слайды, за которые, по ее словам, он заплатил четырехзначную сумму. Можно предположить, что Пашков растянул продажу наследства на 12 лет именно потому, что заказывал копии с вещей... Впрочем, это все пока что версии, нужна экспертиза всего поступившего в музеи, серьезное следствие, а потом уж суд квалифицирует вину всех участников этой истории.

Словом, расследование дела о пропавшем шляпинском наследстве не закончено, в нем появляются новые детективные повороты. До установления истины еще далеко. Пока же ясно одно:

теперь скорее всего бесполезно ждать даров из Рима и Америки, где живут родственники Шляпина. Тем более, что им поступило много выгодных предложений из разных музеев мира. А ведь нам, в Россию, Федор Федорович и Ирина Федоровна готовы были отдать мемориальные ценности даром. Но, видно, наша страна в этом не очень-то нуждается...

Записала Нина МАКСАКОВА

**На снимках:
интерьеры квартиры
И.Ф.Шляпиной;
пропавшие ценности Шляпиных.**

Дневник И.

«...И ПТИЧКА ВЫЛЕТАЕТ»

«Поэтика фотографии»
В. Михалкович, В. Стигнеев,
«Искусство»

За те полтора века, что отделяют эту книгу от забытых экспериментов французов Ньепса и Дагера, древняя музейная камера-обскура превратилась в обыкновенный фотоаппарат, из которого ежеминутно где-нибудь да «вылетает птичка». И «птичка» поразительная: знакомый мир, попав в видоискатель, убедительно доказывает несовершенство нашего мимолежного взгляда, лишённого пристальной избирательности фотоглаза. Естественно, что эта книга удивительно фотогенична, поэтому хочется говорить ей комплименты независимо от того, насколько она умна и содержательна. К тому же из учебного пособия

получилась прекрасно изданная и иллюстрированная (205 снимков) книга о вкусной и здоровой фотомеханике с рецептами для праздников и на каждый день. Рецепты, правда, слегка подпорчены научно-методическими откровениями о том, что «художественное произведение есть целостность», а «личностные высказывания фотографов реализуются посредством

съёмочной техники». Однако подобные перлы не смогли испортить издание, где поэтика фотографии присутствует зримо и ярко.

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

КАК СТАТЬ ПУТНОЙ СТАРУХОЙ?

«Курица»
ОРФ, реж. В.Ховенко

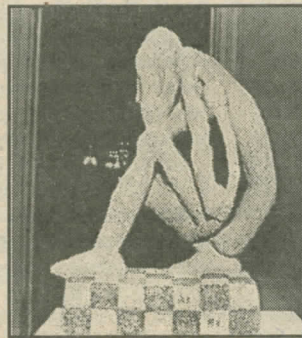
Этот фильм с джентльменским набором созвезд априорно заявлен как капустник. Кроме того, это еще и опыт настоящего поп-кино, которое любопытно не как штучная вещь, а в социологическом пространстве поп-культуры. Режиссер мог бы показаться незитичным по отношению к актрисам, когда он строит свои эгги на их физических недостатках, заставляя двух не слишком молодых и совсем не худеньких женщин с гиканьем танцевать ламбаду. Но ассоциации с образом, который ваяет известная певица, являющаяся зрителю в мини-юбках, при радужной косметике и с репертуаром о «молодом человеке-пригласите-танцевать», обнажают проблему социальную и культурную: неумение советской женщины органично стареть. Стареть с достоинством. И то, что комедия пробудила в зрителе — в частности во

Кадр из фильма «Курица»

мне, женщине относительно молодой, — хотя бы мысль о том, что надо заблаговременно готовиться стать путной старухой, уже может быть расценено как большое достижение отечественной комедиографии.

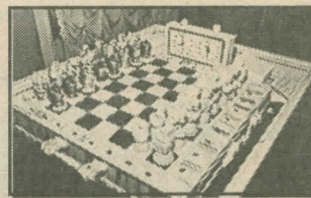
Виктория БЕЛОПОЛЬСКАЯ

НАБОКОВА — В МАССЫ!

«Скульптура и шахматы»
Выставка в Доме
скульптора

«Мир — это шахматная доска», — сказал кто-то из мудрецов древности. Выставка скульптур на тему шахмат вывернула изречение наизнанку: клетчатое поле само явилось миром, где корона ферзя предстает в виде суперпопулярного символа — двух взметенных викторией пальцев. Соседство в одной витрине шахмат, сделанных заключенными ГУЛАГа, и фигур, побывавших в космосе, тоже наводит на определенные размышления.

Экспонаты выставки
«Скульптура и шахматы»

Не обошлось и без курьезов: пригласив на вернисаж маститых гроссмейстеров и обсуждая возможности сеанса одновременной игры, далеко не все скульпторы заинтересовались, как вообще-то правильно расставлять фигуры. Наверное, не успели. Ведь многие доски явно сделаны по случаю выставки, дабы придать действительно славной затее истинно нью-васюкинский размах. А может быть, сыграло свою роль бытовое освоение Набокова, и тогда следующей экспозицией должна стать «Скульптура и бабочки».

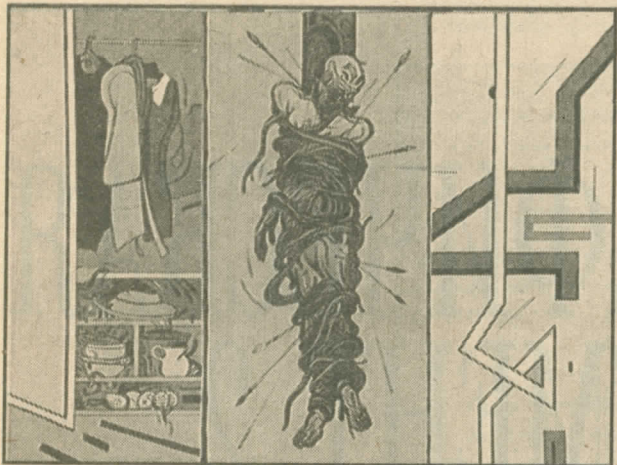
М.К.

СЪЕСТЬ-ТО ОН СЪЕСТ...

«Гипербола-83»
Пластинка фирмы RG
Music

Пластинка литовской группы «Гипербола» — событие примечательное. Во-первых, она знаменует появление еще одной независимой фирмы грамзаписи (хотя что нам до зарубежных фирм?). А во-вторых, наконец-то издатели обратили внимание на богатейший архив, который скопился в республике на магнитофонных катушках. А программа «Гипербола-83» в свое время была одной из популярнейших. Единственная проблема — «съест-то он съест, да кто ему даст». Как бы все-таки сделать так, чтобы прибалтийские пластинки попадали к нам? Неужели действительно к литовским новинкам наши меломаны будут относиться так же, как к новозеландским: мало ли что там у них?..

А.Г.

В.Мещанинов. Триптих «Единство всеобщего»

ВПЕРЕДСМОТРЯЩИЕ?

Выставка группы «Аванпост» ЦДХ

«Аванпост» — это супруги-живописцы Е. и И. Панкратовы, живописец же В.Мещанинов и трое скульпторов: В.Головков, Т.Субханкулов и Ю.Купатадзе. Нынешняя экспозиция — вторая выставка за год, позволяющая проследить динамику развития группы. Старорежимный критерий стилового единства к ним неприменим, равно как установка на коммерческую

конъюнктуру, эпатаж и самостийный «изм». Общее — пластическая ясность и нота философской задумчивости, интонация неторопливого разговора о материях вечных и существенных для каждого. Идеологи группы говорят даже — подумать только, это в постмодернистскую-то эпоху! — о воспитательной роли искусства, о подготовке зрителя к новым духовным горизонтам неведомого XXI столетия... Конечно, тут «поприсутствовали» и Генри Мур, и Манца, и Гуттузо с сонмом сюрреалистов. Но

«Аванпост», каламбурно выражаясь, «стоит» там, где интереснее пути будущее, чем пройденные, перипетии творческого поиска личности, а не преломление в ней всяческих веяний прошлого.

Алексей КОРЗУХИН

НА АНГЛИЮ НЕ РАССЧИТЫВАЙТЕ

«Условия диктует леди»
ЦАТСА, реж. А.Бурдонский

Начинается все вполне мирно — этакий «Пигмалион» наизнанку: состоятельная светская леди приводит в дом опустившегося «бомжа», который должен сыграть перед окружающими роль истинного джентльмена и к тому же ее мужа. Если авантюра удастся, они получают миллион. Не надо объяснять, что к концу спектакля ситуация меняется. Причем с такой быстротой, что едва удается за ней уследить.

Действие происходит в Англии. Ольга Богданова и Федор Чеханков, разыгрывающие эту пьесу «на двоих», на англичан похожи мало — не в обиду им будет сказано. К счастью, они и не пытаются убедить собравшихся в собственном соответствии месту действия. Легкая тоска по родине пьесы проступает лишь в той преувеличенной сладострастной отчетливости, с которой героиня выговаривает слова «фунты стерлингов». Имена — английские, интонации — здешние, проблемы — «ихние», повадки — наши. Ну а в результате, как и бывает в подобных случаях, сам спектакль не имеет никакого отношения ни к той жизни, ни к этой. Постановка хороша тем, что ни на что не претендует. Словом, тому, кто найдет в себе силы добраться до театра-звезды и подняться под самую крышу — в малый зал, — разочароваться не придется. При одном условии — заранее ни на что не рассчитывать.

Роман ДОЛЖАНСКИЙ

Дневник И.

P.S.: ВИДЕО

Ведет Андрей
ГАВРИЛОВ

И БОГ С НИМ...

«Папа умирает... У кого завещание?»
реж. Дж.Фиск

Фильмы, поставленные по пьесам, всегда очень говорливы. Иногда это оправданно. Иногда вызывает раздражение. «Папа...» относится ко второй категории. В картине все, в общем, ясно уже минут через пятнадцать—двадцать. А актерская игра не столь хороша, чтобы, затаив дыхание, следить за тем, как родственники ищут завещание умирающего в соседней комнате папаши. Общеприимный же конец заставляет забыть даже те немногочисленные проблемски остроумия и драматичности, которые все-таки иногда встречаются на протяжении полутора часов.

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

«Эксперты»
США, реж. Д.Томас

В секретный городок КГБ, где готовятся шпионы для США, привозят двух похищенных в Нью-Йорке американцев, чтобы они ознакомили «учащихся» с сегодняшними реалиями заокеанской жизни (одного из них играет Джон Траволта). Далее: любовь, выстрелы, взрывы, самолеты, кража презервативов, песня «Битлз» «Возвращение в СССР», танцы, бесплатная раздача японской аппаратуры и еще много всякой ахинеи. Полная мура, но смотрится весело. Очень смешно, когда офицер КГБ говорит: «Нет, они (американцы) не виноваты! Расстреляйте лучше меня!» В принципе это позволяет отнести фильм к жанру ненаучной фантастики.

Кари УНКОВА

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА. ФРАГМЕНТ 2

Сегодня вечером мы с С. читали Вивекананду, и позже я обдумывала его пламенные выводы о необоримости и необходимости зла в мире, но также и о необходимости каждодневной работы для каждого из нас для его преодоления и соотносила все это со своим опытом. Как страшно для нас то, что мы уже готовы сложить оружие — каждый решает для себя вопрос об отъезде и отпускает «нравственные удила», инстинктивно стремится разорвать мучительные душевные связи. Отъезд — это не просто так. Это измена и отречение. Вспоминается Лев Толстой — Пьер, который в конце жизни оценил дни своего пленения как самые духовно наполненные. Наше внешнее рабство принуждает нас к большой и напряженной внутренней жизни, а стремление к внешней свободе убивает ее. Много общаясь с «братьями по разуму», я только у русских эмигрантов — даже в третьем поколении — встречала необычайную глубину и интенсивность общения, которая вообще характерна в нашем быту, и это, увы, при том, что сидим мы друг у друга на голове и внешняя культура общения у нас совершенно забыта.

На меня свалилось так много ударов за последнее время, и все это не отъезд дорогих сердцу людей, а их «досрочная эмиграция», делавшая последние дни бессмысленными и мучительными и приводящая к полному разрыву еще здесь. Желание уехать свободными без грызущей тоски, без ностальгии побеждало лучшие умы, лучшие намерения, лучшие отношения — инстинкт самосохранения делал свое дело.

С. пожаловался на неожиданную, немотивированную неделикатность своего старого друга, который попросил о помощи, а потом грубо спровадил С., и недоумевал, что, собственно, случилось с человеком? Предотвездный психоз — поставила я диагноз, и вечером мы с дочерью долго говорили об этом.

Так перед отъездом мы поссорились с моей любимой подругой Л. Многое нас связывало, и об этом будет особый разговор. Чтобы помочь ей собраться, я с двумя детьми и близким другом приехала в Москву и поселилась большим колхозом в однокомнатной квартире на окраине. Было жаркое лето, и дети томилась в городе. В одной комнате спали, жили и интенсивно работали шесть человек. В., «предмет» моей подруги, пытался что-то лепить, зарабатывая себе и отчасти всем нам на жизнь; А. сочинял песни и учился играть на гитаре; я находилась в постоянных хлопотах по делам отъезда и

еще ухитрялась писать статьи, отрабатывая основы мировоззрения нашей будущей творческой группы; старшие девочки крепко дружили и ухаживали за младшим братишкой, им же приходилось содержать квартиру в порядке. А квартира была не наша, чужая, и хозяйка относилась к нашему вторжению очень ревниво. И несмотря на взаимную любовь и нежность, на дух общей работы, несмотря на прямую «рабочую» необходимость друг в друге на будущее — мы плачевно поругались не на жизнь, а на смерть из-за трех тазиков для холодильника! Но ссора была не случайной. Мою подругу подтачивал тяжелый невроз, и истероидная ее мнительность сопровождалась тайным желанием освободиться от пут связывающей ее любви — а значит, и будущих обязательств. Придется ли мне в жизни испытать еще такую любовь, такую взаимную преданность? Грустно думать, что, если б была хоть какая-то возможность «рассредоточиться» в недрах огромного 8-миллионного города, если бы не нищета и унижительная зависимость, мы бы расстались иначе.

— Как она могла пренебречь всем этим? — в сотый раз спрашивала я себя и дочь.

— Она, мама, была не в себе. И то: в машине не работает вентиляция — она вынимает микрофон. Едет на такси — давят грузовиком. Ставит на кухню телевизор — утром нет. Вешает плащ на вешалку — нет и плаща (художества соседа-кагэбэшника, распоясавшегося с одобрения властей). Представь себе, что ты задела сломанную руку, — стоит ли сердиться, если тебе достанется?

— А теперь?

— А теперь она будет бежать по узкому коридору, сворачивая горы на пути. Что за стенами, что вокруг, она не видит. Да и не увидит, наверное, ей некогда, и всегда будет некогда... Все равно что горячая клизма — закончил мой ребенок неожиданной метафорой.

Так и еще о многом беседуем мы теперь в редкие минуты досуга, так начинаю я получать первые золотые награды за свои труды — и я вспоминаю о том, как мучительны — именно морально — были первые годы моей жизни с дочерью.

Полная чуждость собственной природе, отмеченная еще внутри, стала очевидной сразу после рождения. Я неистово любила своего ребенка «на вес», и тем более, чем меньше чувствовала с ней сердечный контакт. С ней было много хлопот: приступы длительного

плача перемежались периодами полного сосредоточенного молчания, за небольшими по времени «контактными» отрезками, когда ребенок гулил, улыбался, переворачивался, кокетничал (чуть ли не с первых дней он четко разделил человечество на две половины и активно стремился к контактам только с мужчинами и мальчиками), следовали все снова периоды глубокого молчания, и мне становилось не по себе. Я смотрела в огромные темные печальные глаза «молодого Лермонтова», и страшные предчувствия теснили мне грудь. Что-то было в этом нездешнее, про таких детей обычно опытные старухи говорят: «не жилец», а у меня это слово застревало где-то в мозжечке, не в силах выбраться на поверхность, но отзываясь во всем теле мучительной тревогой. Теперь и только сейчас, когда я так же телом ощущаю, как прочно «угнездилась» моя дочь на земле (дай-то Господь, не наказал бы за гордыню), я с трудом могу признаться в своей тогдашней тревоге и неуверенности.

Страхи мои, однако, быстро начали сбываться. Началось с небольшого красного «паучка» на попчике и трех красных выпуклых пятнышек в промежности, которые уже к двум-трем месяцам стали быстро расти и наливались буро-фиолетовым соком. С ужасом смотрела я, как растет этот отвратительный паук, охватывая нежную подкожную мякоть. Наш участковый врач, милая стареющая еврейка Дора Михайловна, которая лечить не умела, но была зато всегда внимательна и давно стала в доме своим человеком, посоветовала обратиться в детс-

кий онкологический центр. Само название привело меня в неописуемую панику, но Дора Михайловна отнеслась ко всему по-деловому, выписала направление, сумела меня как-то утешить. Хотя я чувствовала, что сама она встревожена не на шутку, она очень любила нашу семью и пользовалась нас еще детьми. Наконец, отстояв, как водится, двухчасовую очередь и не сразу попав к нужному врачу, я положила ребенка на пеленальный столик, а сама отошла за спины нескольких людей в белых халатах, столпившихся у стола. Я не смогла сама распеленать младенца, у меня буквально отнялись руки, и врач-женщина несколькими опытными движениями сняла с малышки все лишнее.

— Ах, Боже мой...

Мне казалось, что я услышала что-то вроде

бжжзжнннн — с таким звуком закатилось мое сердце куда-то Бог знает куда.

— Это мы не можем... это не наше, вам надо в педиатрический... У вас есть еще дети?

Все это я слышала как под наркозом, и, слава Богу, кто же смог бы выдержать такой вопрос в здравом рассудке? У ВАС ЕСТЬ ЕЩЕ ДЕТИ? Да будь у меня их хоть сто, какая нелепость. Меня потом все поражал случай с Иовом, которому Господь дал новых детей, погубив под стропилами разрушившегося дома семь и три (не то семь сыновей и трех дочерей, не то наоборот). Будто потеря любимого существа может быть утешена другой любовью или близкими. Время, только время один наш целитель, потому что сердце устает болеть и боль становится самой жизнью.

Через соседку по дому, сердобольную Таню, которая будет описана в главе о няньках, через сестру этого самого педиатрического института мы попали к странному, похожему на кривую мышь человеку, одному из немногих специалистов по детским гемангиомам, — именно эта «доброкачественная» опухоль стремительно развивалась у Ладки. Такая круговая порука (Таня давала этой самой сестре кое-какие продукты, работая при школьном буфете, та ей — немножко ватки, немножко спиртику) очень распространена в народе. У задних дверей магазинов всегда толкуются какие-то темные личности, алкоголики или работники соседних фабрик, предлагая за полцены продукцию или полуфабрикаты своих предприятий. Там же идет «торговлишка» связями и знакомствами, причем все по принципу «царь не хочет, да псарь хочет». И зачастую, добиваясь высоких протекций от власти имущих, ничего нельзя достигнуть, а какая-нибудь Марья Ивановна, племянница сторожихи или дворника, преспокойно устроит вашу судьбу, начиная от прописки и кончая батоном колбасы, криминальным абортom, местом в клинике и чем угодно еще.

И как бы жил наш городской рядовой житель, как бы справлялись со своей судьбой бабоньки на свои 60—80 рэ в месяц, да с детьми, если бы не этот «второй круг» обращения денег и ценностей, — просто трудно себе представить.

Этот самый ассистент, причем, как сразу было заметно, вечный, пожизненный ассистент, никогда не кончающий труд всей своей жизни, с вытекающими бесцветными глазами и скользким как бы в сторону взглядом, вызвал во мне сразу безудержное доверие. Случалось ли вам видеть таких лаборантов, ассистентов и младших ординаторов, на которых держатся целые лаборатории, отделы и кафедры, которые просто наощупь, с закрытыми глазами, оценивают положение вещей? У них особое, тактильное отношение к предмету эксперимента, будь это ребенок или какой-то прибор, на который сам его творец смотрит с ужасом. Такой человек, с иглой, паяльником или отверткой в руках, не боится ни Бога, ни чоха, но научного честолюбия у него нет, нет и стремления облекать то, что он так хорошо чувствует наизубок, в псевдонаучную терминологию. Научные спекуляции, всегда имеющие характер легкого демагогического насилия над правдой опыта, им органически неприятны. Большинство из них хронические алкоголики и в пьяном виде невыносимы, потому что вдруг вспоминают, что весь научный персонал у них в неоплатном долгу. Так и есть, за каждой крупной работой всегда стоит один или два человека подобного типа. Но я-то была счастлива, что мне попался именно он. К сожалению, он еще был педагогом, вокруг него стояли студенты, к тому

же он персонально учил средних лет клиническую идиотку, которая так и не смогла освоить эту нехитрую специализацию, и много лет спустя я встретила ее врачом в травмопункте, где она за полчаса своего дежурства при мне ухитрилась установить у моего младшего перелом черепа, с которым она пыталась запихать его в больницу, где бы его мне вернули через три недели с воспалением легких и большими ушами. Мальчик, к слову сказать, был совершенно здоров. И чуть не вскрыла другому ребенку левую руку, когда иголка была засажена в правую. Хорошо, что мать ворвалась в операционную, а ведь могли и не пустить!

Так вот, к несчастью, он был совершенно сбит с толку педагогическим процессом. Он затеял нелепую возню с нумерованными фотографиями опухоли, которые так никогда и не были ни проявлены, ни повторены для изучения процесса; он заставлял бедное дитя принимать мучительные нелепые позы и держал их подолгу — а ведь все это откладывается в подсознании и вызывает потом ряд нежелательных сексуальных аномалий, о которых я боюсь и думать, и, наконец, он толком не оценил реальное положение вещей, а назначил все лечения, полагающиеся в таких случаях, оптом: химиотерапию, электрокоагуляцию, рентгенотерапию. Причем чувствовалось, что он назначил все это формально, потому что его личное убеждение состояло в том, чтобы немедленно оперировать, но... мест в клинике не было, возиться ему не хотелось, площадь была задета уже довольно большая, требовалась пересадка кожи. Может быть, мы возьмем вашу, сказал он задумчиво. Но не раньше весны, сказал он, прикинув что-то своим тусклым и тоже как бы скользким голосом.

Поликлиника была далеко, и приходилось примерно около полукилометра тащить тяжелого уже ребенка на руках — такси было достать не просто, но всегда и деньги были. По вторникам мы ходили на осмотр к врачихе, которая с трудом могла карточку-то заполнить, не то что ребенка осмысленно осмотреть. Она его решительно не помнила, она вообще ничего не помнила и не понимала. Стоило поглядеть в ее какие-то налитые апоплексические глаза, чтобы убедиться в этом. Как она попала в педиатрический институт, как оказалась во главе группы врачей, занимающихся практическим лечением гемангиом, мне это неясно. Все же институт был всесоюзного значения, и конкуренция в среде молодых специалистов была на достаточно высоком уровне. Все писали диссертации, у каждого, как и во всяком НИИ, была статья или мысль о статье. А поле для работы тут было немалое. Например, я обратила внимание на то, что, когда в четверг мы приходили уже на практическое лечение, собирались дети, пораженные лимфаденомами. И это были почти одни мальчики, тогда как в наш день, во вторник, сидели в очереди матери преимущественно с девочками со всех концов нашей обширной родины, и у многих были совершенно изуродованы лица. Если там и были мальчики, то с небольшими ангиомами где-нибудь на спинке или на животике, они хорошо поддавались лечению и быстро проходили. Я спросила об этом кого-то из врачей в хорошую минуту: почему гемангиомы поражают преимущественно девочек, а лимфаденомы — мальчиков. Ответом мне было полнейшее недоумение, а затем и отрицание этого факта, который просто бил в глаза.

Жуткие это были очереди. У каждой матери своя история, одна печальнее другой, лечат опухоль на языке — она появляется в ухе, лечат то — начинается дуться гу-

ба или щека. А уже все возможные рентгены приняты, химиотерапия вызывает ряд сопутствующих явлений и т.д. и т.п. И с Ладкой было не легче. Мне приходилось держать ребенка, которому заживо прижигали края опухоли, в сущности, паяльником, и при этом пахло просто жареным мясом. Анестезии, конечно, не полагалось. Но я уже так оглохла от горя, отупела и обалдела, что и не настаивала. Главное было — выздороветь, но не получалось. Наоборот. После каждого сеанса, когда в область опухоли задували огромным шприцем, наверное, очень жгучую и крайне вредную жидкость, которая не рассасывалась часами, или после очередного сеанса рентгенотерапии я видела, как паук, потревоженный в своей паутине, пускал по сосудам новые ростки и узлы, и видеть все это было невыносимо. У меня хватило осторожности спросить при начале рентгенотерапии, какова предельная доза облучения. Мне очень уверенно назвали цифру — кажется, 30000 рентген, не помню. Я поняла, что и это делается наобум. Затем эта доза была превзойдена вдвое, но на третьей прибавке я уже решительно сказала «хватит» и вообще перестала ходить на всю эту вивисекцию. Я уповала на операцию, а пока — искала «светил» в этой области. И нашла. Детской онкологической клиникой, единственной в Союзе, заведовал, оказывается, как раз специалист по ангиомам, тогда кандидат, а ныне уже давно маститый профессор Ф. К нему попали мы через целую цепь знакомств, т.к. добиться направления из педиатрического института не удалось. Ведь ребенок был их добычей, которую они не собирались выпускать из рук.

Ф. придерживался на свой предмет совершенно противоположных взглядов; посмотрев ребенка, он сказал: оставьте девочку в покое, и так уж напортили. Покачив головой, с неудовольствием выслушал историю об РТ и ХТ и изрек: если к пяти годам она сама не исчезнет, можно будет ее просто вырезать, а трогать не стоит — только хуже будет. Так оно, к слову сказать, и вышло: к семи годам тот же вечный ассистент читал на Ладке лекцию своим студентам о «полном обратном развитии и исчезновении гемангиомы», хотя пучок сосудов так и остался темным пятном, но он не слишком портит общую картину.

Очередь в онкологическом центре была другая, тихая. Центр был за городом, занимал площадь в несколько га, но внутри все эти внушительные корпуса состояли из тесных и маленьких помещений. Не успели мы прийти, как из ближайших дверей на нас буквально упала тоненькая девочка четырнадцати-пятнадцати лет с непомерно раздутым горлом. Ее подхватили, но как передать совершенно специфическое выражение лица врача и матери, пожалуй, нет определения, кроме «все равно уж» и какой-то особенной убраннысти вовнутрь всех трех столь разных физиономий. Дети шумели в холле, но очередь родителей — у многих весь состав семьи присутствовал полностью — молчала. Даже не мрачно, а просто без всякого выражения, кроме терпеливого ожидания. Один мальчишка лет пяти носился как угорелый по холлу и, как-то не по-детски злобно блестя глазами, сжимал свой маленький автоматик и пронзительно верещал: вырасту — всех убью, всех, всех, всех. У него были прекрасные волосы редкого розовато-серебристого оттенка, и я спросила у отца, сидевшего рядом, спросила, зная, как ждут обычно таких вопросов, едва удерживаясь от желания заговорить о своих бедах первым:

— Что у него?

— Саркома, — неизясымно равнодушно отвечал мне отец, — ему уже недолго. Врач говорит — недели две, от силы три.

Я замолчала, замолчал и он.

А когда мы ехали в электричке обратно — и такие дети тоже лежат в раковой клинике одни, без родителей, и часто так и умирают на чужих руках. Когда мы ехали обратно, в электричку вошла женщина с тремя слепыми детьми и села напротив нас. У детей — особенно у младшего, трехлетнего, на тонких рахитичных ножках — кружилась голова, и они все тесно прижались к тетеньке, которая с печальным и достойным видом полуобняла малюток. Что-то было «не то» в этой разрывающей душу картине, какой-то посторонний призыв инстинктивного недоверия рассельнулся во мне, и я горько корила себя за это ощущение. Как эгоистично материнское горе, еще успела я подумать, прежде чем женщина величественно встала и пошла по вагону просить милостыню. Она просила ее молча, без слов. Щедро сыпались рубли и даже трешки, а баба из местных сказала в пространство: «Знаем мы ее — берет детей с интернату, рядом тут, нянькам заплотит — ну и берет... да».

Наступила весна, и вся жизнь как-то устоялась и вошла в какую-то не совсем ожидаемую, но все же колею. К этому времени муж окончательно оставил свои многочисленные попытки устроиться в научные институты. Видно, здорово постаралась администрация университета, и причем не сами ученые, которые, наверное, и не подозревали о том, что творится за их спинами, а всякие там лаборантки и ученые секретари, гораздо ближе стоявшие к окончательной инстанции приема на работу — к всевластному отделу кадров. Как по мановению волшебной палочки, все двери перед его носом в конце длинных переговоров все-таки захлопывались, и это несмотря на то, что он умел работать и уже в институте написал одну или две серьезные статьи и диплом его представлял собой не обычную компиляцию из двух-трех отчетов, но также плод самостоятельного «научного творчества». Но что это все было по сравнению с такими ужасными качествами, как борода и неумение быть любезным со средним техническим персоналом!

Наконец он поступил работать инженером на железную дорогу. Он должен был выезжать на далекие станции и там бурить железнодорожное полотно, проверяя его геологическую устойчивость и годность для дальнейшей эксплуатации. Практической подготовки университета не давал почти никакой, но умение быстро делать нехитрые выводы, составлять документацию и т.д. нам было все-таки привито, и работа была в этом отношении очень легкой. Справлялся он с ней шути и, посидев в командировке два-три дня, возвращался домой, и свободного времени было сколько угодно. Много было и денег, так как командировочные шли почти все время, а они были гораздо больше, чем основная зарплата. Противно было другое — приходилось иметь дело с так называемой «временной рабочей силой», т.е. с крестьянами из ближайших деревень, а они, известное дело, за годя считают, что их хотят надуть, и поэтому норовят надуть в свою очередь, и все это создает постоянное нервное напряжение. Бабы истошно вопили или истерически хохотали, увидев Толькину бороду и т.д. Скоро я начала замечать, что длительный отдых не покрывает нервных затрат и муж часто вздрагивал по ночам, спал беспокойно, а днем быстро раздражался, и у меня не хватало сил рваться между ним и ребенком. Вообще совсем не просто создавать какой-то приемлемый баланс в трюиственных отношениях, тем более что «ребенок всегда прав» в материнском сердце. Много позже муж признал

ся, что, когда он открыл во мне это качество — «за реbenка ты меня с кашей съешь», — смириться с этим было для него нелегко. Мы изрядно мучили друг друга, и если бы не тот океан любви, который я испытывала к младенцу и который заставлял всех вокруг также любить его по каким-то смутным законам любовного притяжения, — было бы еще тяжелее. Свекровь жила в Сестрорецке, куда попала после войны, да так там и застряла, и уже с конца апреля мы переселялись в маленький деревянный домик на берегу озера Разлив, большого и глубокого, по которому ходили пароходы.

Сестрорецк не был похож на обычные дачные поселки на берегу Финского залива. Это была рабочая слобода при оружейном заводе. Когда-то Петр I планировал сделать тут еще один Версаль на манер Петергофа и посадил большой дубовый парк. Озеро, к моему удивлению, тоже имело искусственное происхождение и получилось в результате перегораживания реки Сестры плотиной, снабжавшей энергией оружейный завод. Работали тут со времен нашего царя-плотника ссыльные и каторжные, и нравы до сих пор были свирепыми, население замкнутое, злое и завистливое. Женщины были какой-то особой породы — низкорослые, плотные, с угрюмыми и самодовольными лицами, мужчины, конечно, люто пили, но не так мирно, как в городе, а с драками, и задирались к прохожим. Каждый год происходило 3—4 зверских убийства. Все работали на одном заводе, все знали друг друга, деваться им было некуда — и администрация завода это очень хорошо понимала, так что на этом distinguished предприятии, к слову сказать, всегда занимавшем призовые места во всяких конкурсах и соревнованиях, царили чудовищные злоупотребления и повальное, анекдотическое воровство, доходившее до того, что за ночь разбирались конвейерная линия или снимались пульты со станков с автоматическим управлением и станки, купленные в ФРГ за валюту, валялись затем во дворе годами, пока не шли в утиль.

Но свекровь моя в этом хаосе железной рукой держала вверенный ей склад в порядке и за это пользовалась действительным и безусловным уважением местных жителей. Она хорошо знала, что и когда может понадобиться, что чем можно заменить, и главное — что и когда заказать на смежных предприятиях. Человек очень умный и волевой, вполне подчиненный идее о неотвратимости судьбы и бессмысленности какой бы то ни было инициативы, она одной этой верой и устойчивостью спасла в блокадном Ленинграде себя и своего сына, а ведь вся остальная семья вымерла с голоду на ее глазах — брат, потом зять, потом отчим. Не выдержав перегрузок, уже в конце войны умерли мать и свекровь.

К началу войны Толе было 4 года, и смерть каждого из родственников, по рассказам свекрови, он предсказывал за несколько дней. Он подзывал ее перед сном и тихо-тихо говорил: Дядя Жоржик завтра умрет, мама...

Муж ее пошел на фронт и быстро пропал без вести — она получила от него одно или два письма. Надежд на кого бы то ни было не было никаких. Однажды Толька подозвал мать и сказал: не отдавай меня в детский сад! Я знаю, ты думаешь, что я там больше ем — но ведь я могу не есть! И он приподнял наволочку, под которой лежало несколько кусочков хлеба — единственная еда на два или три блокадных дня. В детском же саду кости от мяса дети находили на помойке возле садика, но, конечно, никогда в своих тарелках.

О блокаде свекровь рассказывала неохотно и скупно. Говорила, что статистика смертей тщательно засекре-

чивалась, и женщины, занимавшиеся регистрацией трупов, давали специальную подписку о неразглашении. Говорила о страшном отупении и полном безразличии, овладевших людьми, — мыслишь, какали и пр. все вместе, и каждый знал, когда умрет. Разговоры об этом были будничными. Ты еще протянешь недельку, а мне уже завтра. Говорила про крыс, заживо заедавших детей, про людоедство, говорила о том, как обезумевшая от голода женщина вырвала из ее рук кусок хлеба, тут же его сожрала, смотря ей прямо в глаза, и умерла на пороге булочной. И о том, как, получив посылку из деревни, которая их спасла, они не могли вспомнить, как называется сладкая душистая жидкость в горшочке — не могли вспомнить и плакали все оставшиеся в живых, — а это называлось мед. И так же своим безразлично-спокойным голосом рассказывала, как, получив посылку, тут же раздала свои карточки и талоны в столовой, где крысы сторожили каждую крошку и не уходили из-под столов. Никто их не гнал — сил не было. Рассказывала, как кондукторша на ходу выпихнула их с сыном из трамвая и как потом, добредя домой, она увидела этот трамвай вдребезги разбитый со всеми пассажирами и кондукторшей, от которых остались только куски мокрого мяса. Каждый день она вставала еще ночью и тащилась два часа(!) с сыном на руках в детский сад, а потом еще час или полтора на работу пешком. И после двенадцатичасового рабочего дня она проделывала ту же дорогу снова под бомбежкой. Говорила, что очень скоро перестала спускаться в бомбоубежище, предоставив свою жизнь судьбе, и какая-то великая, мистическая правда чудилась в этих словах. По-видимому, только так, совершенно отдавшись воле судьбы, и можно было выжить, и такого полного, до дна души, фатализма я никогда в своей жизни не встречала.

Она изо всех сил старалась быть со мной корректной, но все во мне было ей органически чуждо и неприемлемо. Я как раз относилась к совершенно другому типу людей, которые будут барахтаться и сражаться до последней капли крови, и все источники моего чувства ответственности, долга, работы, воспитания и т.д. иного, активного типа. Государство—Армия—Общество—Завод — все то, что для нее было такой же непреходящей данностью, как смена времен года, — для меня были силами рукотворными, подлежащими суду—воздействию—изменению—отношению. Она же к этому относилась просто НИКАК. И чтобы понять ту бесовскую пляску, которую можно плясать практически бесконечно на спинах нашего долготерпеливого народа, нужно хорошенько почувствовать это НИКАК, это ЗАБРАЛИ, даже тогда, когда речь идет о твоём брате, муже или отце. Это именно стихийно-религиозное отчуждение от всякой власти и глубоко сидящая в душах убежденность, что против исторического процесса не попрешь. Недаром мы всегда варягов звали княжить, и теперь, подойдя к середине жизни к каким-то серьезным духовным проблемам, я уже не отношусь к точке зрения своей свекрови — а через нее к традиционному мышлению своего народа — с таким безудержным отрицанием. Выжить бы только, Господи. Если суждено нам спастись, не проходя через искушения демократического правления и свобод — а это, как кажется, невозможно, — и дальше я отношу читателей к книгам наших философов и провидцев, твердивших о великой миссии этой страны, об этом они скажут лучше меня.

1981

Публикация А.Тимофеевского

«МАХОВИК СТРАНЫ СТУЧИТ ДАЛЕК»

Вместо послесловия

Наверное, странно начинать публикацию архива Кари Унксовой (1941—1983), поэта, несомненно, замечательного и совершенно неизвестного широкой публике, с прозаического фрагмента, имевшего для нее второстепенное значение. Но на то, к сожалению, есть особые причины.

В самом начале 80-х годов в Ленинграде возникло феминистское движение, встреченное сдержанно в интеллигентских кругах и крайне настороженно — властью. Настороженность — слово в данном случае не совсем уместное. Отличавшийся особой лютостью ленинградский КГБ преследовал феминисток страстно и упорно, с неутомимостью пожилого холостяка и не брезгуя ничем, на что была способна его убогая фантазия. Так, осенью 1980 года хрупкую, строгую и всегда очень сдержанную Кари остановили на улице двое мужчин, которых она «только что избил». Версия была настолько дикой, что, несмотря на обнаружившихся свидетелей, судья был вынужден Кари отпустить, впрочем, ненадолго: сразу по выходе из милиции ее забрали вторично и отвели к более покладистому стражу правосудия. За пятнадцать сутками вскоре последовал обыск и дело, возбужденное по статье 190.1 (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй). Дела этого Кари удалось избежать: когда за ней приходили, она была в Москве и оттуда уехала в Грузию. Летом 1981 года дело закрыли, выдворив лидеров — Т.Горичеву, Т.Мамонову и Ю.Вознесенскую за рубеж. Об отсутствовавшей Кари впопыхах вроде бы забыли, и казалось, что все для нее кончилось чудесно и счастливо. Зря казалось.

Вопрос с Кари как-то надо было решить: КГБ пошел проторенным путем и после грозных предупреждений и лирических объяснений великодушно предложил ей убраться

вслед за подругами. Было это осенью 1982 года. Тут же возник вызов из Израиля, хотя к Израилю и вообще к еврейству ни Кари, ни ее муж не имели никакого касательства. Это, впрочем, было неважно. Могущественный КГБ сам сочинил вызов, он же пообещал, что все будет улажено, как только она соберет документы. На это ушло еще месяца два, но тут умер Брежнев. И ОВИР замолчал, будто умер вместе с ним.

О гибели Кари Унксовой говорили «голоса», писали эмигрантские газеты: все сходилось на том, что это было политическое убийство. В склонности КГБ к такого рода занятиям никто не сомневался. В организаторских способностях — тоже. Коли можно найти мужчин, на голубом глазу утверждающих, что их избил случайная прохожая, можно найти других мужчин, способных со случайной прохожей покончить без

12499

С п р а в к а

Выдана гр-ну (ке) Унксова К. В. что он (она)
в период с 25/11 по 12/12 19 80 г.
отбывал(а) арест 15 суток в спецприемнике ГУВД Леноблгорисполкомов в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26/VII 1966 г. об усилении ответственности за хулиганство.

Начальник спецприемника _____
Ст. инспектор спецчасти Лавров

29/IX-80 г. Дир. инт. орг. Зак. 1335, тир. 20 000

Так прошло полгода. И вдруг в конце мая 1983 года ОВИР ожил, и в течение каких-то нескольких дней все было решено и кончено: появилось разрешение, виза, уже сдали государству квартиру — и 3 июня Кари Унксова была насмерть сбита машиной. Потом, когда после похорон муж и дети пришли продлевать визу, на них посмотрели с изумлением: какая виза? какой вызов? Вызов был на гражданку Унксову с семьей. Гражданка мертва, все в порядке, семья может остаться дома, на улице то есть, потому что дома уже не было.

всяких мук совести, с ощущением выполненного долга. С чувством, которое высказал известный комментатор «600 секунд», бывший тогда певчим в хоре Никольского собора. Увидя среди собравшихся знакомые лица, он после отпевания Кари вознамерился выяснить, кто умер. И, выяснив, резонно заметил: так их, диссидентов-гадов, давить и надо.

В этом резоне, повторю, не сомневался никто. Сомневались в другом — если убили, то почему Кари? Сомневались, так как сомнительным казалось феминистское движение, к которому, снова повторюсь, в ин-

теллигентских кругах относились сдержанно: феминизм в глазах тогдашних интеллигентов-диссидентов был чем-то глубоко несерьезным и частным по отношению к общему демократическому делу. Надо признать, что КГБ проявил большую пронизательность, чем диссиденты. КГБ, видимо, понял, что к абстрактной риторике о правах человека Запад уже приучен и будет к ней равнодушной, чем к конкретным описаниям советских роддомов и больниц. К тому же западные феминистки весьма влиятельны, и во избежание неожиданностей лучше было в зачатке искоренить новый оборот.

Предлагаемый читателю текст выбран именно потому, что если Кари была убита, то — как это ни нелепо — именно за него, за еще несколько в том же роде, предназначенных для публикации во французских журналах. В творчестве поэта Кари Унксовой эти тексты были не столь значимы, но, может быть, стали роковыми в ее судьбе или, скажем аккуратнее, биографии. Судьба поэта не определяется КГБ, как бы ни был тот могуществен. Читая последние стихи Кари, написанные весной 1983 года, поражаешься, как из стихотворения в стихотворение повторяется, все усиливаясь, один мотив — ухода, конца, развоплощения, неминуемого в «преддверии весны и мая». Вот лишь три из них.

КЛАССИЧЕСКИЕ СТАНСЫ

Мне мнится мир устал искать причины
 Подробно освещен усилием луны
 И нет в пределах наших тишины
 И утомились прежние личины

Изнемогают сумерки над льдом
 Над водами лишь правота бесспорна
 В глубинах пашни утомились зерна
 Давать плоды осенним сентябрем

Короче радость, ближе горний гнет
 Надежда не стоит у изголовья
 И торжествуя над остывшей кровью
 Виски слегка охватывает лед

Как мчится день, чтоб отвратить беду!
 Как ночь за ним спешит, не успевая!
 Но и в преддверии весны и мая
 Мне мнится — не успеют. Я уйду

Ничья рука меня не завернет
 Ничьи глаза обратно не помянут
 И даже день беды не ответит
 И даже ночь тревогой не обманет.

В.Резункову

Глоточек зависти на избранной стезе
 К тебе толкается песками пламенея
 Вот и ушел.
 Придет ли может быть
 В больнице на казенном милосердьи
 И выбираешь: плыть или не плыть
 Весна на воле птичек напоила
 И нет зверей.
 Пропала вражья сила.
 На Братство напустилась темнота
 Они втроем проходят по аллее
 Петровских парков (В Сестрорецке он
 обратно уж болотом поглощен)
 Там берег завернулся, воют хляби
 И нутрии ныряют по прохладе.
 Достатка нет в лучах. Плоды полнеют
 Лишь недостаточно. Они не бронзовеют
 Краснеют не и кислотой полны
 К варенью и съеденью не годны.
 И солнышка их узенькие устья
 Недолюбили. Вязкие от грусти
 Они роскошных грозд не создают
 Осанну мирноосцу не поют.
 Заводы полнят дол отменным смрадом
 Плоды глотают жадную прохладу
 И маховик страны стучит далек
 Легли дороги вдоль и поперек.
 Но наступает ночь и тишина
 Уютна на бочке. Утомлена.
 Ножи находят тысячи княжон
 Уютна смерть для недалеких жен.
 Хотелось ли тебе убить однажды?
 Томился ты от этой мрачной жажды
 И упоительный тебе не снился сон?
 Среди друзей и множества имен
 Ты выбрал ту которую страшнее
 И жалче всех.
 И правильно
 Робея
 Ты проживешь напрасно.
 На-ка жож
 Учись живыми, не спасайся в ложь.
 Все умирают. Павшие мгновенья
 Закружили зонтики
 И одуванчик вверх
 Поднял свое большое население
 Не каждому тут выпадет успех
 Укорененья.
 Многие на камень
 Иные на песок,
 Другие в пламень
 И только где-то скрыта нагота
 Зовущая (усильями крота)
 И отсыхают все дела и сила ветра
 какую-то немислимую веру
 Воссоздает и сразу весь порыв
 Уносится скворешни разорив.
 А больно облаку?
 Наверно, больно таять
 Терять потоки слабые внутри
 И ощущение общности безмолвья
 Свой Знак терять что в небесах пустых
 Мне и тебе обозначает стих.
 Железна дверь когда и ты здоров

И одиноко, и есть горбушка хлеба
 То это роскошь благо или сон
 Но не надейся, он неповторимый
 Не помнят птицы славы Зосимы
 и этих птиц не вспоминает он.
 О юность славная в пирах заре и битвах
 О зрелость нежная в поконченных
 молитвах.

Господи, Господи как это важно хоть что-нибудь
 спеть на прощанье
 Или слепо прощенья дожидаться о нем же молить
 поминутно
 Как это страшно в страдании острое небо увидеть
 Глаз синеву воплотить и сломать о зрачки
 это больно
 Так же и дерево как оно резко возрастает
 Как эта зелень зеленая сердце пронзает
 Луч золотой как душу буравит сжигая
 Мучает запах земли и преддверие мая
 Господи Господи как это нужно покой и простор
 и пустыня
 Или тихо смиренно дожидаться когда прорастет
 благостыня.

Но «маховик страны стучит далек». Острое предощущение конца, почти физическое чувство расставания с миром, какое-то мучительное развоплощение в этих поразительных стихах не отменяют простого вопроса, который как был, так и остался открытым. На этот вопрос сегодняшний КГБ вроде бы может ответить, смело разоблачив свое андроповское прошлое, а заодно и политическое убийство, если такое имело место. Правда, вместе с прошлым придется разоблачить и реального исполнителя, сидевшего за рулем. Человека, который, возможно, уже ушел на пенсию и тихо мирно выращивает клубнику в своем огороде. Поэтому никто не удивится, если нынешний, самый прогрессивный КГБ в мире промолчит в ответ на эту публикацию. Не удивится, если промолчит и Олег Калугин, народный депутат и заступник, редактор прав человека, бывший в 1983 году первым заместителем главного ленинградского кагэбэшника. Никто ничему не удивится, и теперь, спустя восемь лет, никому ничего не нужно, кроме самого КГБ, который так стремится доказать, что «маховик страны» уже другой и больше не стучит, не стучит, не стучит.

А.ТИМОФЕЕВСКИЙ

Направляя эту публикацию в Санкт-Петербургский КГБ, редакция просит считать ее своим запросом об обстоятельствах гибели Кари Унксовой.

ЛУЧШЕ ВСЕГО БЫЛО ПРИТВОРИТЬСЯ МЕРТВЫМ

«Тяжелый» скульптор
Алексей Миронов

Когда их теплоход, зафрахтованный под симпозиум «Пространство XXI века», встал в Венеции, он, единственный из пассажиров, позволил себе не вернуться к ночи на борт. Бродил по прекрасному городу, где-то в незатопанных кварталах зашел в собор. Сотни свечей трепетали у ног скульптуры богородицы, казалось, только около нее одной, хотя рядом было распятие и все такое. Миронов и сейчас уверен, что в поклонении ей было не только религиозное чувство, но и художественное — так

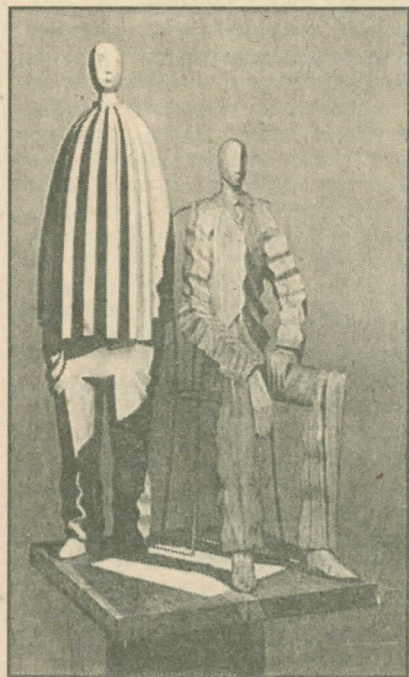
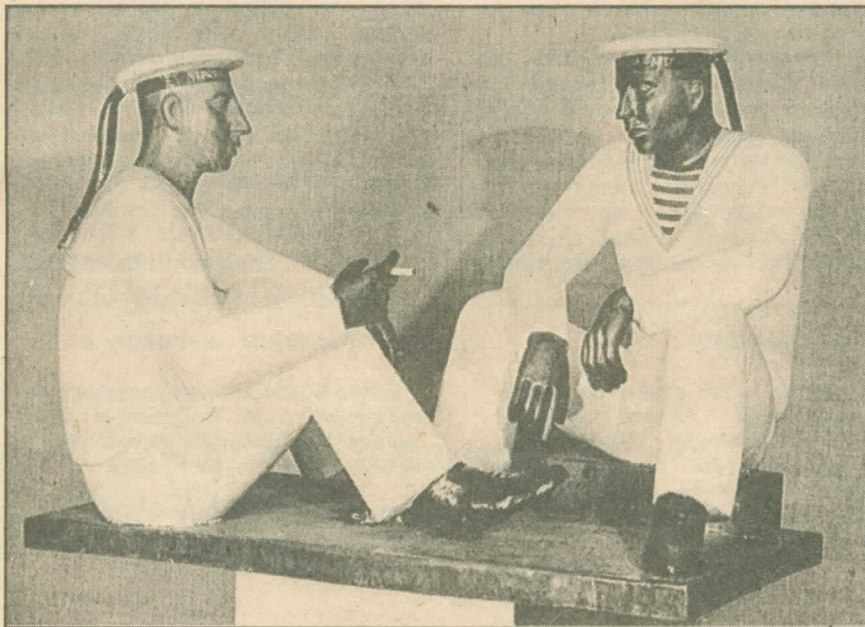
она была совершенна. А ночевал он на ступенях собора святого Марка. Истратившись, в музее лазал через забор, потому что на все свои итальянские деньги купил один из знаменитых многогранных шаров венецианского стекла. Бесцветный в руке, в солнечном луче шар дробил свет на все его тайные и явные составные.

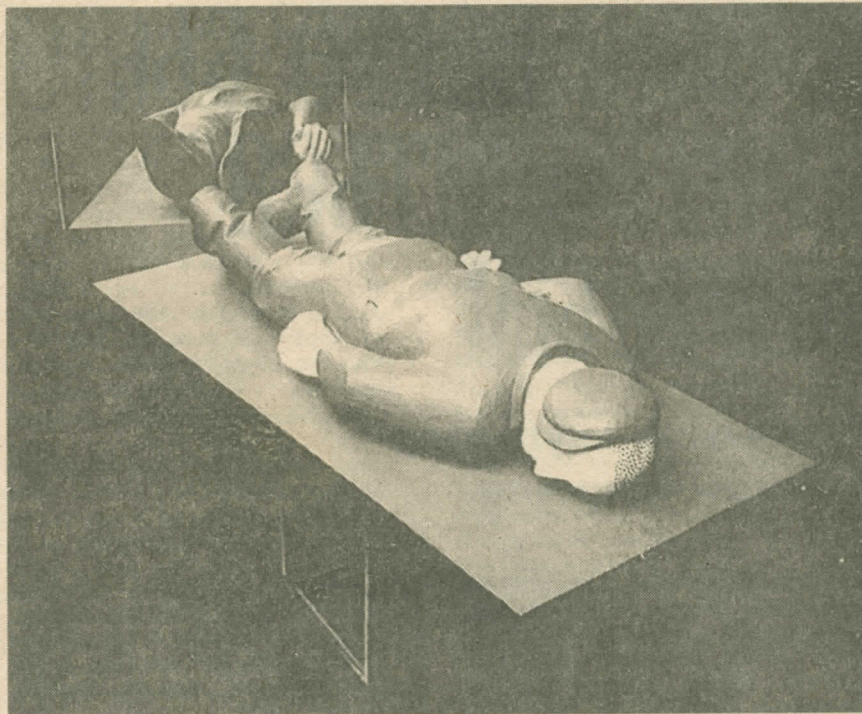
После путешествия с выставкой по Англии он привез наблюдение, что искусством там занимаются, не слишком обременяя себя, не ценят «школу» и не знают ее. Из множества

художников, открывших русским гостям в Лондоне свои мастерские, только в работающем с трудоемкими материалами Энтони Каро, с его композициями из резаного, гнутого, сваренного металла, он нашел близкого себе мастера. В Скульптурной студии Глазго Миронов шесть недель работал до двух часов ночи — после того, как все оставляли инструменты. Среди прочего сделал стилизованную кольчугу — на выставке на нее глазели, как на диковинку. За другими работами не успел довести выдумку до конца: он собирался

«Белый квадрат»

«Матросы»

«Сон памяти»

покрасить ее белыми и синими полосами и назвать «Кольчуга для матроса».

А может быть, и не надо было красить — для шотландцев была кольчуга сама по себе предметом искусства и чужеземной искусности. Только в невероятном нашем отечестве, крашенная и выставленная, она бы вызвала достаточно ассоциаций с реальностью. С той самой, где атомные лодки идут ко дну, как консервные банки, и им скорее так и положено по устройству особенной нашей жизни. Здесь «Кольчуга для матроса» вызовет улыбку понимания: как известно, Запад есть Запад, Восток есть Восток — и мы, наверное, все-таки ближе к Востоку. Вот и определение настоящего советского человека, которого изобразительное искусство воспевало

себе на пользу все эти годы, Алексей Мironov нашел в невероятных сериях про сверхчеловека-ниндзя. Советскому, чтобы выжить, нужно было, как ниндзя, когда его обнюхивает свирепый тигр, изо всех сил притвориться мертвым. А поскольку тигр все время рядом (во всяком случае — был), лучше всего прожить так всю жизнь. У безликой фигуры в работе «Сон памяти» вбитые в дерево гвоздики вместо волос даже во сне стоят дыбом.

Предпочитая сатире гротеск, который мрачное преувеличивает до ужасного, Алексей Мironov сделал в дереве «Депутата-1» и «Депутата-2». Как многие, он недолго обольщался «народовластием»: когда съезды представили на телеэкранах избранников страны, скульптор увидел тех же ниндзя, что теперь

объявились живыми, — с горячим блеском в мертвых глазах и жаром потусторонних речей. «Депутаты» Мironov — один с высоко поднятым красным мандатом, другой перед множеством деревянных микрофонов — останутся знаком развеянных наших иллюзий. Часть памяти и свидетельство истории, они теперь уходят в художественные музеи, потому что гротесковые эти фигуры, кроме всего прочего, — красивые скульптуры.

Алексей Мironov не только «тяжелый» скульптор, он органично соединяет основательность с крепощенностью, не скрывая своих настроений, энергии, пристрастий.

В «Белом квадрате» обе фигуры являют разные свойства дерева: сидящая — податливость и прихотливость, стоящая — естественную его округлость и плотность. Черным Мironov фиксирует живую тень от передней фигуры на фигуре, стоящей за ней, и на белом квадрате света между ними. Так создается атмосфера вещи, которая, как праздник, будет с нею всегда. Простота и мощь формы уходят как бы в тень присутствующей здесь иронии и многозначности. «Белый квадрат» открыто перекликается с классическим манифестом иного мышления в искусстве, неисчерпаемым «Черным квадратом». Недавно по просьбе искусствоведов Мironov написал о притягательности личности и поисков Малевича, их продолжении в сегодняшнем дне. Одна из собственных его больших композиций, оставшаяся в Скульптурной студии Глазго, называлась «Проникновение в пространство металла».

Мironov говорит, что любит в работе тот особый момент, когда чувствует, что уже не нужен своей вещи: дальше она может жить сама по себе, исчерпав автора как человеческий материал. Пусть живет.

Ирина АНИСТРАТОВА

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

В 39-м номере нашего журнала была опубликована заметка «Так я шпион или художник?» о странных приключениях московского художника Владимира Медянцева и коллекции его картин в Америке.

С удовлетворением сообщаем

читателям, что ответ на душе-раздирающий вопрос найден. Конфликт между Медянцевым и американской стороной разрешен. Картины благополучно вернулись к их автору и законному владельцу.

«Столица»

ПРИНОСИМ ИЗВИНЕНИЯ!

Елене БОННЭР — за неправильно указанную в ее публикации дату смерти В.Багрицкого, погибшего в 1942 году (№ 41—42, с. 109).

Дмитрию КРЫМОВУ — за искажение его фамилии (№ 41—42, 3-я страница обложки).

FANTASTIC FANS

МОВЕН К°.

Промышленные вентиляторы

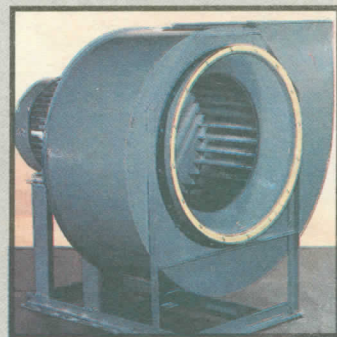
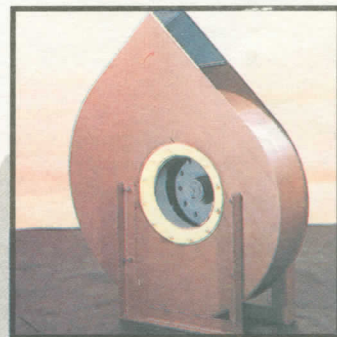
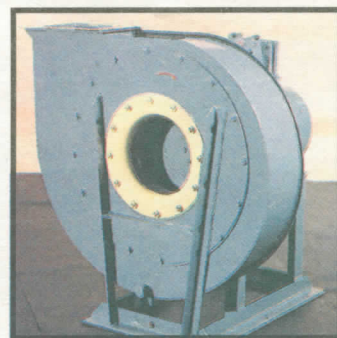
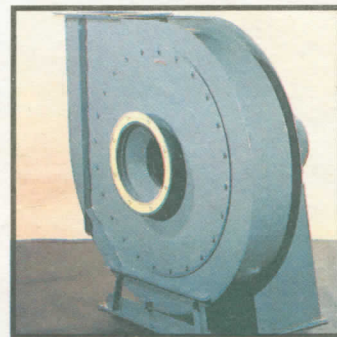
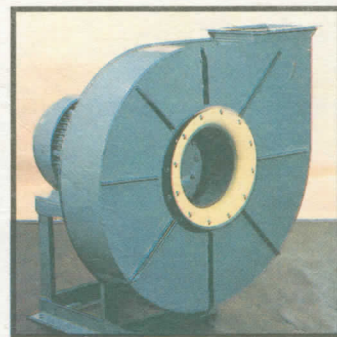
- общего назначения
- коррозионностойкие
- взрывозащищенные

АО «Мовен»

111524, Москва, ул. Плеханова, 17

телефон 309-33-73

телетайп 417714

«САКСЕСС» — ЭТО УСПЕХ: У НАС ДЕШЕВЛЕ И ЛУЧШЕ!

ТОЛЬКО «САКСЕСС»!

Много приятных минут и успешный отдых ожидают Вас на маршрутах совместного советско-американского предприятия «САКСЕСС», ведь «САКСЕСС» — это УСПЕХ!

- СП «САКСЕСС» предлагает Вам туры в США, КИТАЙ, ФРАНЦИЮ, ГЕРМАНИЮ, ТУНИС, АВСТРИЮ, ТУРЦИЮ, СИНГАПУР, ТАИЛАНД, ГОНКОНГ, ЕГИПЕТ. Вы узнаете, что такое настоящий сервис и действительно настоящий отдых. Наши цены на 20% ниже государственных, а уровень сервиса несопоставимо выше.
- СП «САКСЕСС» устраивает бизнес-туры, религиозные и экологические туры по нашей стране, организует охоту и рыбалку в Сибири, на Украине и в Абхазии. Для любителей активного отдыха имеются горные, водные и спелеологические маршруты на Кавказе.
- СП «САКСЕСС» предлагает Вам гостиницу с баром и казино!
- СП «САКСЕСС» издает художественную, научно-популярную литературу с авторскими правами.
- СП «САКСЕСС» разрабатывает и продает программно-математическое обеспечение и программно-технические комплексы на базе IBM PC.
- СП «САКСЕСС» производит и продает изделия народных промыслов и товары народного потребления. Вы сможете купить их в магазине «Бородино», который расположен на территории музея «Бородинская панорама» и входит в состав совместного предприятия. Цены — на 30% ниже, чем в «Березке».
- СП «САКСЕСС» продает автомобили иномарок. Поставки прямо от американских и европейских корпораций, минуя посредников!
- СП «САКСЕСС» сдает в аренду заинтересованным фирмам квартиры, площади под офисы и складские помещения.
- СП «САКСЕСС» приглашает Вас в свой уютный ресторан с прекрасным обслуживанием, великолепной кухней и ночной шоу-программой.
- СП «САКСЕСС» ведет обширную благотворительную деятельность с участием в реставрации заповедной зоны музея «Бородино» и других памятников русской истории, культуры и архитектуры, организует музыкальные благотворительные вечера в музее-панораме «Бородинская битва».
- СП «САКСЕСС» принимает оплату в рублях и свободно конвертируемой валюте.

Заявки и деловые
контакты: Москва,
Кутузовский проезд, 3
телефоны: (095)
148-99-66, 148-18-51
факс 2926511 ANKRAS
002934

